

Терминология уголовного права (в русско-чешском сопоставительном плане).

2013

Дарья Валентинова

**Терминология уголовного права
(в русско-чешском сопоставительном плане)**

**Terminology of criminal law
(Russian-Czech comparative analysis)**

Диссертационная работа

Научный руководитель:
проф., к.ф.н., Людмила Степанова

Университет им.Палацкого в г.Оломоуц,
Философский факультет

2013

Disertační práce

Školitel:
prof. Ludmila Stěpanová, CSc.

Univerzita Palackho v Olomouci,
Filozofická fakulta

2013

Děkuji prof. Ludmile Stěpanové, CSc., prof. PhDr. Heleně Flídrové, CSc.,
a PhDr. Mileně Machalové.
za konzultace, rady a připomínky, které mi během psání této disertační práce poskytly.

Současně prohlašuji, že jsem tuto disertační práci vypracovala samostatně
a uvedla veškerou literaturu a ostatní zdroje, které jsem použila.

V Olomouci, dne 16.4.2013

.....
podpis

Содержание:

Введение	7
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования.....	10
1.1 Понятие термина. Подходы к пониманию и определению.....	10
1.1.1 Лингвистический подход к определению понятия <i>термин</i>	10
1.1.2 Юридический подход к определению понятия <i>термин</i>	16
1.2. Терминология как система терминов.....	21
1.3. Происхождение и способы образования юридических терминов.....	23
1.4. К вопросу о лексическом значении термина. Связь термина с терминологией и с общелитературным языком.....	30
1.4.1. Связь термина с терминологией.	31
1.4.2. Связь термина со словами общелитературного языка.....	32
1.4.3. Связь термина с понятием. Лексическое значение термина.	36
Выводы.....	40
Глава 2. Анализ русских и чешских терминов уголовного права с точки зрения происхождения терминов.....	42
2.1 Критерии отбора терминов	42
2.2 Анализ терминов Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения их состава и происхождения	45
2.2.1 Анализ однословных терминов Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения их происхождения	45
2.2.1.1 Исконные однословные термины.....	47
2.2.1.2 Заимствованные однословные термины. Языки-источники заимствования	51
2.2.1.3 Способы адаптации заимствованных терминов в русском языке.....	52
2.2.2 Анализ составных терминов УК РФ с точки зрения их состава и структуры.	57

2.3 Анализ терминов Уголовного кодекса Чешской Республики (Trestní Zákoník České Republiky) с точки зрения их состава и происхождения	66
2.3.1 Анализ однословных терминов Уголовного кодекса Чешской Республики (Trestní Zákoník České Republiky) с точки зрения их состава и происхождения.....	66
2.3.1.1 Исконные однословные термины.....	66
2.3.1.2 Заимствованные однословные термины. Языки-источники заимствования	70
2.3.1.3 Способы адаптации заимствованных терминов в чешском языке	72
2.3.2 Анализ составных терминов Чешского Уголовного кодекса (Trestní Zákoník ČR) с точки зрения их состава и структуры.....	73
2.4 Сопоставительный анализ уголовно-правовых терминов Уголовного Кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Чешской Республики (Trestní Zákoník České Republiky).....	82
2.4.1 Сопоставление русских и чешских однословных терминов	83
2.4.2 Сопоставление русских и чешских терминов-словосочетаний	85
Глава 3. Анализ русских и чешских]терминов уголовного права с точки зрения семантики термина	89
3.1 Дефиниции терминов уголовного права в текстах законов и словарях.	89
3.1.1 Проблематика наличия / отсутствия нормативной дефиниции в отборе языкового материала	90
3.1.2 Проблематика наличия / отсутствия нормативной дефиниции в формировании правосознания и правопонимания языкового сообщества.....	93
3.2 Анализ русских и чешских исконных терминов с точки зрения соотношения объёмов понятий, ими отражаемых.....	101
Преступление – trestný čin (zločin).....	101
Невменяемость – nepřičetnost	104
Вина (виновность) – vina (zavinění)	106
Неосторожность – nedbalost	107
Умысел – úmysl.....	109
(Уголовная) ответственность – (trestní) odpovědnost	110

Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа – spolčení, sročení, organizovaná skupina	111
Взятка – úplatek	114
Злоупотребление доверием – lichva	115
Государственная измена – vlastizrada (velezrada)	117
3.4 Оценочность и полисемия в юридической терминологии. Их влияние на национальное правопонимание и правосознание	120
Заключение	124
Resumé	130
Список источников:	136
Монографии, научные публикации:	137
Словари, справочники, энциклопедии:	143
Тексты законов, нормативные акты:	144
Приложения	145
Приложение 1.	145
Приложение 2.	146
Приложение 3.	148
Приложение 4.	150

Введение

Предмет исследования. Язык — «первоэлемент и строительный материал права» (Ушаков А.А. 1991: 35). Право существует исключительно в языке и развивается с помощью языка. Одним из ключевых элементов языка права является юридическая терминология – система специальных понятий, закреплённых в языке. Право, несомненно, начало формироваться в языке задолго до появления письменности и процесс формирования системы юридических терминов в языке начался раньше, чем появилась возможность их книжной фиксации и систематизации. В родственных языках (таких, как, например, русский и чешский) многие юридические термины образованы от общей славянской основы. Однако нам представляется интересным проследить, как в современных литературных формах чешского и русского языков функционируют термины уголовного права: как родственные, так и различные по своему происхождению и структуре. В научной литературе мы не встретили упоминания о системной разработке уголовно-правовой терминологии в русско-чешском сопоставительном плане. Мы избрали для изучения терминологию уголовного права, т.к. считаем, что анализ и разработка уголовно-правовой терминологии является неотложной задачей, ибо возможные ошибки в правоприменении или просто в понимании значения тех или иных терминов носителями «обыденного сознания» могут сыграть решающую роль в жизни людей.

Цель работы. Первая часть работы (глава 1) ставит перед собой цель дать общую характеристику понятий «термин» и «терминология», проанализировать лингвистический и юридический подходы к этим понятиям, сформировать критерии для классификации слова как термина, для отграничения терминов от слов общенародного языка. Вторая часть работы (главы 2-3) представляет собой последовательное изучение избранных русских и чешских терминов уголовного права, а затем и их сопоставительный анализ по некоторым критериям (морфологическая структура, происхождение, соотношение объёмов понятий, отражаемых терминами).

Рабочие гипотезы. (1) Терминология родственных (славянских) языков должна иметь сходные черты в структуре, морфологическом составе, происхождении терминов.

(2) Несмотря на общее языковое прошлое, а также на сходство юридических систем, на современном (синхронном) уровне в юридической терминологии, вероятно, неизбежны различия в семантике терминов, а конкретно – в объёмах понятий, ими отражаемых.

(3) Наличие нормативной дефиниции в тексте закона упрощает правильное использование термина по его прямому назначению – как названия конкретного специального юридического понятия. Отсутствие такой дефиниции может вводить в заблуждение читателя закона, а часто (в случае с исконными, общеславянскими терминами или терминами, имеющими омонимы в общелитературном языке) – затрудняет идентификацию того или иного слова как термина.

Методы исследования. На подготовительном этапе работы нами был избран метод последовательного анализа терминологического материала, почерпнутого из текстов русского и чешского уголовных законов (Уголовный кодекс Российской Федерации и *Trestní zákoník České Republiky*) с точки зрения структуры, состава и происхождения терминов. Затем был применён метод сопоставительного анализа русского и чешского материала с целью установления сходств и различий по выше упомянутым критериям. В завершение мы использовали метод межъязыкового соотнесения понятий, отражаемых некоторыми русскими и чешскими юридическими терминами.

Структура работы. Работа разделена на три самостоятельные главы. Первая глава посвящена теоретическим предпосылкам исследования, изучению специфики понятия «термин» и попытке сформировать рабочее определение и ключевые характеристики терминов с целью отграничения их от слов общенационального языка. Вторая глава разделена на три части, первые две посвящены отдельному исследованию русского и чешского терминологического материала, а третья – сопоставительному анализу терминологических систем. Данные, полученные в ходе этого анализа, наглядно представлены в таблицах, приведённых в приложениях 1-4 к данной диссертационной работе. Третья глава представляет собой опыт сопоставительного анализа нескольких пар русских и чешских терминов, отобранных по принципу отражения наиболее ключевых понятий уголовного права в целом.

Практическая основа. Исследование проводилось на базе терминов, выбранных из главных уголовных законов каждой из стран, а именно: Уголовный кодекс Российской Федерации предоставил нам 500 терминологических единиц, а *Trestní zákoník České*

Republiky – 433 термина. После детального изучения теоретических подходов к понятию юридического термина во второй главе исследования мы формулируем критерии отбора языкового терминологического материала, которые мы применяем. Опорой в этом нам послужили русские и чешские терминологические словари, такие, как «Большой юридической словарь» под ред. Я. Д. Сухарева, «Právnícký slovník» под ред. З. Мадара и другие.

Теоретическая основа. Библиографию к данному диссертационному исследованию мы разделили на 3 группы: Монографии, научные статьи и публикации, Словари, справочники, энциклопедии, а также непосредственно тексты законов, из которых мы черпали термины для исследования. Однако нельзя сказать, что это разделение отвечало распределению источников в исследовании. Как в теоретической части (глава 1), так и в практической (главы 2-3) мы опирались как на научные публикации по данной теме, так и на справочную литературу. Поскольку до сих пор не существует сопоставительного исследования по русской и чешской уголовно-правовой терминологии, то в первой главе мы опирались в основном на работы, посвящённые общим проблемам терминологии, специфике термина, связи терминов с терминологией, лексическому значению терминов и т. д. Наиболее важные теоретические работы, которые считаются вехами в развитии российского и чешского терминоведения, связаны с именами таких учёных, как Д. С. Лотте, Е. Лотко, Й. Пиша, Б. Поштолкова, А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, А. С. Герд, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, Р. Ю. Кобрин, Т. С. Коготкова, Т. В. Крючкова, В. М. Лейчик, А. И. Моисеев, А. В. Суперанская, Е. Н. Толикина, С. Д. Шелов и других. Словарные дефиниции помогли нам проанализировать различные подходы и сформировать своё определение юридического термина. Во второй главе при классификации терминов по словообразовательным моделям мы прибегали к помощи таких фундаментальных справочных источников, как *Русская Грамматика* и *Příruční mluvnice češtiny*. В третьей главе, посвященной сопоставлению объёмов понятий, отражаемых чешскими и русскими терминами, нам помогли данные специальных терминологических словарей, а также непосредственно тексты уголовных законов.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования.

1.1 Понятие термина. Подходы к пониманию и определению.

1.1.1 Лингвистический подход к определению понятия *термин*.

Сфера терминологии – одна из наиболее важных и активно разрабатываемых тем современных лингвистических исследований. И в отечественной, и в зарубежной лингвистике существует множество работ, посвящённых как теории термина, так и исследованиям частноотраслевых систем, их развитию, системным, лингвистическим и экстралингвистическим характеристикам, функционированию отдельных терминологических единиц.

Такой интерес к терминологии обусловлен, в частности, и тем, что термины представляют собой один из самых быстроразвивающихся пластов лексики. По подсчётам специалистов, в словарях, фиксирующих неологизмы таких языков, как русский, английский, французский, чешский и т.д., термины составляют от 50 до 80% новых слов и значений. По некоторым источникам это значение достигает даже 90% (Sochor 1955: 5). Это значит, что в последние годы лексика данных языков пополняется в значительной степени за счёт терминов (Лейчик 1983: 118-127). Терминологическая лексика представляет собой наиболее заметный пласт среди неологизмов в той или иной области знания (Шелов 2003: 4). Поэтому неудивительно то пристальное внимание, которое уделяется терминологии со стороны языковедов – специалистов по лексикологии, лексикографии, стилистике, культуре речи, а также со стороны представителей таких наук, как философия, логика, науковедение, информатика и др.

Интерес специалистов к термину и терминологии связывают также с социальной значимостью этого класса лексических единиц, так как они являются, по мнению некоторых исследователей, средствами языкового представления и кодирования концептуальных знаний в конкретных областях деятельности человека, поскольку именно специальная лексика и терминология (как её ядро) представляют собой

активную часть лексики, отражающую поступательное развитие научной сферы жизни общества (Харлицкий 2003: 3).

Многоаспектность, многогранность термина как лексической единицы А. Реформатский связывает с функционированием его и как элемента научного знания (единицы логоса), и как элемента общего языка (единицы лексиса). Этим учёный объясняет и разноплановость его изучения, и разнообразие подходов и дефиниций понятия *термин* (Реформатский 1968).

Прежде чем приступить к исследованию юридической терминологии в русском и чешском языках, необходимо определить понятие *термин*, выявить его характерные отличия от других слов в языке, а также понять, отличаются ли трактовки этого понятия у лингвистов и юристов.

Многие ученые-лингвисты отмечают в качестве одной из главных проблем в изучении термина отсутствие общепринятого определения самого понятия *термин*. При этом сложность заключается не в отсутствии сформулированной дефиниции всеми одинаково понимаемого понятия, а нередко – в том, что в это понятие зачастую вкладывается различное содержание (Шелов 2003 : 4). Поэтому мы прежде всего обратимся к словарным определениям.

В «Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля» читаем: «ТЕРМИН *м. лат.* выражение, слово, речение, название вещи или приема, условное выражение. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названия. **Терминология**, собрание и объяснение таких речений, имянословие, имясловие. **-гичный**, **—гический словарь**, имянословный, словарь научных и ремесловых речений» (Даль 1956: 401).

«Российский гуманитарный энциклопедический словарь» предлагает более развернутую дефиницию этого понятия: «ТÉРМИН (от *позднелат.* terminus — термин, от *лат.* terminus — предел, граница) — слово или словосочетание, являющееся точным обозначением определенного понятия в области науки, техники, искусства, общественной жизни. Т[ермин] входит в состав терминологии» (Гуманитарный словарь 2002: <http://slovari.yandex.ru/dict/riges>, 26.03.2012). Этот словарь описывает

также виды и типы терминов с точки зрения употребительности, словообразовательного и синтаксического состава, семантики, а также особенности функционирования терминов в системе языка и его подсистемах (терминологических системах). Не менее важным является упоминание о том, что «... Термин подчиняется словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам данного языка». Завершается словарная статья о термине объяснением происхождения терминов в языке: «Термин образуется посредством терминологизации слов общенародного языка, заимствования или калькирования иноязычных терминоэлементов. <...> Термины являются одним из источников пополнения словарного состава русского литературного языка» (Гуманитарный словарь 2002: <http://slovari.yandex.ru/dict/rges>, 26.03.2012).

Эти и некоторые другие словари и справочники (см. напр.: БСЭ 1956: 302) в словарных статьях, посвящённых термину, приводят некоторые важные черты термина как лексической единицы: точность обозначения понятия, принадлежность к определённой терминологии, связанность с определённой сферой специальных знаний.

Немаловажными являются также такие упомянутые выше качества термина, как стилистическая нейтральность, независимость от контекста, связь со словами общенародного языка и способность как происходить от них, так и переходить в них, становиться узуальными.

Несмотря на то, что в научной среде не существует единой общепринятой дефиниции понятия *термин* (например, в одной из статей Б. Н. Головин (1970: 127) приводит семь определений этого понятия, а в монографии В. П. Даниленко (1977: 83-86) имеется двенадцать определений термина, причем автор подчеркивает, что этот перечень не является исчерпывающим), многие ученые выделяют в качестве основных черт термина определенный комплекс сходных черт.

Так, А. А. Реформатский определяет термины как «однозначные слова, лишённые экспрессивности». Если говорить точнее, то среди черт, отличающих термин от слова-нетермина, автор выделяет тенденцию к моносемичности «в пределах терминологического поля, т.е. данной терминологии», неэкспрессивность («Термин принципиально лежит вне экспрессии <...>, термин точен и холоден»), стилистическая нейтральность, тенденция к систематичности (Термин «должен быть и лексически, и морфологически сугубо систематичен, способен к образованию производных и

максимально парадигматичен в плане нормальной и типовой парадигмы») (Реформатский 1961: 51-54).

М. М. Глушко утверждает, что «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, чёткими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» (Глушко 1974: 33).

В. С. Кулебякин и Я. Я. Климовицкий, опираясь на многие теоретические источники, выдвигают следующее определение термина и основное требование к нему: «Термин – это слово (или словосочетание), языковой знак которого соотнесён с соответствующим понятием в системе понятий данной области науки или техники». Они считают, что «непременным критерием, которому должен удовлетворять термин, является его однозначность в рамках данной области и родственных областей науки и техники, т.е. относительная однозначность» (Кулебякин, Климовицкий 1970: 35-36).

Е. Н. Толикина, опираясь на заключения других учёных, обобщает некоторые особенности слов-терминов следующим образом: «а) термин однозначен или имеет тенденцию к однозначности; б) термин точен, он имеет номинативную функцию, но ему не свойственны эмоциональная, экспрессивная и модальная функции, с чем связано и отмечаемое безразличие термина к контексту; в) значение термина равняется понятию (в объёме познанного); г) термин стилистически нейтрален; д) термин системен, что в литературе последних лет подчёркивается особенно настойчиво» (Толикина 1970: 53).

На основании приведенных выше и других определений можно сформулировать характеристики, которым должен соответствовать термин. Это:

- однозначность
- точность
- системность.

А. И. Моисеев, говоря о том, что во многих источниках ключевыми характеристиками термина называются однозначность и отсутствие синонимии, подчёркивает, однако, что в реальности термины оказываются и многозначными (грамматика – строй языка и наука о строе языка и т.п.), и синонимичными (смычные, взрывные, краткие, мгновенные, эксплозивные согласные и т.п.) (Моисеев 1970: 127).

А. А. Реформатский также считает важной **связь термина с определённым понятием**. Он показывает это отношение на примере термина «речь». «Термин «речь» входит в терминологию разных наук: лингвистики, психологии, физиологии, медицины. И для каждой дисциплины определение речи связано со своим понятием, окружение которого тоже разное». Ни для медиков, ни для физиологов для трактовки термина «речь» не требуется обращения к понятию «язык», т.к. у всех людей физиологически и патологически процесс речи протекает одинаково. Для психологов речь – это «форма деятельности, возникшая в процессе общественного труда и состоящая в общении человека с другими людьми посредством языка» (БСЭ 1956: 302). Психологи используют понятие «язык» в общем определении, но в дальнейшем не анализируют его связь с речью, т.к. они сопоставляют речь с мышлением, эмоциями и т.д. А для лингвиста термин «речь» разъясняется только через понятие «язык» (Реформатский 1961: 49-50).

Как уже упоминалось выше, одной из характерных черт термина многими признаётся его независимость от контекста. Это же считается одним из его отличий от слов общенационального языка.

Но, как показывает А. А. Реформатский, один и тот же «термин применительно к разному терминологическому полю (т.е. когда он входит в разные терминологии) – не то же самое, т.к. связи фиксируемого этим термином понятия различны для различных дисциплин...» (Реформатский 1961: 51).

Тем не менее – тезис о независимости термина от контекста он всё же не оспаривает: «Контекст понимают по-разному. Сюда входит и словесное окружение, и ситуация речи, и жанр высказывания. ... Для терминологии это всё не нужно, т.к. термин связан не с контекстом, а с терминологическим полем, которое и заменяет собой контекст. ... Поэтому, если известен «терминологический ключ» ..., то контекст уже не важен. Термины могут жить вне контекста, если известно, членами какой терминологии они являются» (Реформатский 1961: 51).

Во взгляде чешских исследователей на проблематику и определение понятия «термин» разногласий несколько меньше. Практически все характерные черты, отмечаемые различными лингвистами, нашли отражение в характеристике термина Б. Поштолковой, которая основными свойствами термина считает следующие:

- 1) его устойчивость и системность,
- 2) интернациональность и прозрачность значения,
- 3) точность и способность образовывать терминологические дериваты от одной основы,
- 4) понятливость и неэкспрессивность (отсутствие субъективной оценки и эмоциональной окрашенности),
- 5) однозначность,
- 6) структурность и соответствие терминологии критериям литературного языка при одновременном выполнении необходимых коммуникативных функций в научной области (Poštolková 1983: 66).

Таким образом, в ее работе термины определяются как наименования понятий в понятийной системе определённой научной или технической области, содержание которых однозначно, а значение не зависит от контекста. Термины не обладают экспрессивностью, для них, напротив, характерна понятливость и интеллектуальность. Подобные черты выделяет и ряд других ученых-терминоведов.

Из определений, представленных, например, Е. Лотко (2003: 116), Й. Филипецом и Ф. Чермаком (1985: 14), а также Б. Поштолковой (1984: 12; 1983: 66) и другими авторами, можно заключить, что термин в их понимании представляет собой языковую единицу, обладающую высокой степенью автономности, не зависящую от контекста, обладающую одним значением, связанную, однако, с другими терминологическими единицами данной области знаний, с нулевой экспрессивной окрашенностью.

Таким образом, проанализировав подходы к определению понятия *термин* в справочной и научной литературе, мы можем прийти к выводу, что, несмотря на некоторые различия, большинство учёных едины во мнении, что термин – это лексическая единица, призванная точно назвать понятие той или иной области специальных знаний. Важной характеристикой «идеального» термина (производной от его сущности) является чёткость семантических границ. Многие учёные также подчёркивают независимость семантики термина от контекста, при этом контекст понимается в различных работах по-разному. Мы склонны трактовать контекст (применительно к термину) в соответствии с пониманием А. А. Реформатского и считаем, что термин должен быть семантически независим в рамках одного

терминологического поля, которое, тем не менее, является своеобразным «ключом» к трактовке понятия термина.

1.1.2 Юридический подход к определению понятия *термин*.

Научная терминология является основой для построения высказываний во всех областях науки и техники. Учитывая то, что право является одной из научных областей, совокупность выражений, используемых для наименования юридических явлений, обозначается выражением юридическая терминология.

Право относится к нормативным системам общества, выполняющим функцию социального контроля и регулирования поведения членов этого общества. Право как система правил и правовая терминология очень тесно связаны, т.к. правовая терминология является важной составной частью правовой техники – процесса создания правовых текстов, их интерпретации и применения права. И, таким образом, можно сказать, что правовая терминология оказывает влияние и на функционирование правовой системы.

С. П. Хижняк считает, что вопрос отграничения термина от слова общего употребления представляет особую сложность именно для юридической терминологии, во-первых, потому, что лексика общего употребления и юридическая терминология очень близки (большая часть юридических терминов – это переосмысленные общеупотребительные слова, словосочетания, возникшие в языке общего употребления). Во-вторых, эта проблема осложняется тем, что юридическая терминология включает в себя как терминологию права (то есть целой области знания, общественного института), так и терминологию науки – правоведения (юриспруденции), которые находятся в тесной взаимосвязи, однако различаются и временем возникновения, и своими характерными особенностями (Хижняк 1998: 4).

И хотя мы в нашем исследовании будем изучать только терминологию права (а именно – термины из текста Уголовного закона), мы должны будем включить в рамки нашего исследования и проблему влияния науки юриспруденции на формирование терминологического состава текста закона. Таким образом, мы можем сказать, что именно эта дуалистическая природа юридической терминологии определяет наш

подход к её изучению, направленный на выявление специфики проявления в ней признака терминологичности номинативных единиц.

Немаловажно отметить тот факт, что лингвисты и юристы несколько по-разному трактуют само понятие (юридического) термина и юридической терминологии. Обратимся к определениям, которые даются юридическими словарями и учёными-юристами.

Например, в «Большом юридическом словаре» понятие юридического термина определяется следующим образом:

«ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ — элемент юридической техники; словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.3.2012).

В словарной статье даётся также один из вариантов классификации юридических терминов:

«Юридические термины можно классифицировать на три разновидности: а) общезначимые термины (характеризуются тем, что они употребляются в обыденном смысле и понятны всем); б) специально-юридические термины обладают особым правовым содержанием, напр.: необходимая оборона, исковая давность; в) специально-технические термины отражают область специальных знаний — техники, экономики, медицины и т. д., напр.: ионизирующее излучение, трансгенные организмы» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.3.2012).

В юридической литературе мы встречаем определённые требования, выдвигаемые к использованию юридического термина в правовых актах и научных текстах:

Прежде всего, один и тот же термин в том или ином нормативно-правовом акте должен употребляться **однозначно**. Далее, термины должны быть **общепризнанными**, т.е. употребляться в обиходе, а не изобретаться законодателем каждый раз. И, наконец, термины не могут не обладать **устойчивым характером**, т.е. они должны сохранять свой особый смысл в каждом новом правовом акте (Элементарные начала ОТП 2003).

Обратимся к фундаментальному исследованию «Юридическая терминология: формирование и состав» С. П. Хижняка (1997: 9), в котором дается классификация признаков, которые юридическая наука считает неотъемлемыми и определяющими для юридического термина. По мнению автора, юридический термин должен быть:

1. единым, то есть употребляться в данном законе или ином нормативном акте в одном и том же смысле, быть однозначным в пределах одной системы;
2. общепризнанным, а не изобретенным законодателем только для данного случая, недопустимо использование термина в каком-то особом смысле;
3. стабильным, то есть смысл и значение термина не должны изменяться в зависимости от контекста;
4. логически связанным с другими терминами данной системы;
5. соотнесенным с профессиональной сферой употребления.

Если сравнить эти признаки с теми, которые выделяются учёными-языковедами, то можно увидеть, что понимание термина у юристов значительно шире (несмотря на то, что юридическую терминологию можно считать одной из терминологических систем языка). Юристы относят к категории терминов даже слова, которые в текстах законов употребляются в своем основном общелингвистическом значении. Подобные лексемы с точки зрения более строгого лингвистического подхода нельзя отнести к категории терминов, т.к. не имеется достаточных оснований для терминования этих понятий (Чиронова 2007: 126).

Как юристы, так и лингвисты отмечают **независимость термина от контекста**, при этом значение термина раскрывается в его дефиниции, а не в контексте, как это происходит с общеупотребительной лексикой.

Д. Милославская (2000: 102-105), говоря о важнейших требованиях к юридическому термину со ссылкой на «Энциклопедический словарь экономики и права» (Энциклопедический словарь экономики и права: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/, 01.04.2012), отмечает несовершенство этих правил и требований, а также считает, что не все они соблюдаются в современной юридической практике.

Первое требование гласит, что **один и тот же термин в том или ином нормативно-правовом акте должен употребляться однозначно**. Это требование предполагает, однозначность термина только в одном (!) нормативном акте, - то есть, даже не в одной отрасли права, не говоря уже о юриспруденции в целом. Это правило, хотя и довольно последовательно соблюдается законодателем, всё же является «незаконченным». «Оно порождает один из недостатков юридической терминологии, а именно, двойное или более обозначения одного и того же понятия» (Милославская 2000: 103). Например, термин *государство* в конституционном праве обозначает «совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и пр.), действующих в масштабе страны или субъекта федерации, либо пользующихся законодательной автономией территориального сообщества», в международном – просто «участник международных отношений», в теории права – «способ организации общества».

Второе требование состоит в том, что **термины должны быть общепризнанными**, т.е. должны употребляться в обиходе, **а не быть изобретены разработчиками правовых предписаний**. Это требование на практике выполняется довольно непоследовательно, впрочем, часто оно даже не может быть выполнено, т.к. понятия, используемые в общеупотребительном языке и являющиеся частью «обыденного» сознания, очень часто не совпадают с понятиями, употребляющимися в качестве юридических терминов.

В таком случае имеет место «ложная ориентация» читателя нормативного акта, который полагает, что точно понимает общеупотребительные слова, являющиеся юридическими терминами. Например, значения слов *работник* и *благотворитель* как элементов лексической системы языка гораздо шире, чем значения тех же слов, выступающих в качестве юридических терминов.

Третье требование определяет, что **термины не могут не обладать устойчивым характером**, т.е. должны сохранять свой особый смысл в каждом новом правовом акте. Это правило практически противоречит первому требованию, которое обязывает законодателя соблюдать однозначность термина лишь в пределах одного правового акта. Именно поэтому оно не всегда соблюдается.

Проанализировав юридический подход к понятию и ключевым признакам термина, а также сравнив его с традиционным лингвистическим подходом, мы можем заключить, что противоречивая природа юридической терминологии, связанная как с неотъемлемым взаимным влиянием составляющих её терминологии права и терминологии юриспруденции, так и с реально существующей ситуацией в юридической терминологии (когда наука выдвигает определённые требования к термину, которые на практике выполняются непоследовательно), - всё это делает юридический термин важным и интересным предметом исследования как для лингвистов, так и для юристов.

1.2. Терминология как система терминов

Поскольку из сказанного выше был сделан вывод, что термин – это всегда часть определённой системы (терминосистемы), а его значение реализуется в рамках определённой терминологии, то есть необходимость раскрыть и понятие *терминология*:

Согласно определениям, представленным в таких источниках как, например, Большая Советская Энциклопедия (см. напр.: БСЭ 1956: 302), Гуманитарный словарь (Гуманитарный словарь 2002: <http://slovari.yandex.ru/dict/rges>, 26.03.2012), и др., *ТЕРМИНОЛОГИЯ* представляет собой область лексики, совокупность терминов определённой области знаний, связанная с соответствующей системой понятий.

При этом в различных источниках подчёркивается, что терминология представляет собой не просто набор терминов, а именно систему языковых единиц, внутри которой присутствуют свои связи и структура.

А. А. Реформатский считает, что терминология, прежде всего, представляет собой совокупность терминов, служащих выражением системы понятий данной науки (Реформатский 1961: 47). То есть – является набором языковых знаков, взаимосвязанных между собой так же, как связаны в рамках научной области понятия, её определяющие.

Подобный взгляд мы находим у Е. Н. Толикиной, которая определяет терминологическую систему следующим образом: «Терминологическая система – это такая система знаков, содержание и связи которой замкнуты пределами одной отрасли знания». При этом она считает, что «знаковая система терминологии должна воспроизводить систему предметно-логических отношений между понятиями. Соответствия знака и означаемого в такой системе взаимооднозначны: одно обозначаемое – один знак<...>, то есть система знаков изоморфна системе понятий» (Толикина 1970: 58).

В современной лингвистической литературе терминологии отводится самостоятельное место в лексической системе русского языка. Однако этот, в целом бесспорный, тезис требует определённого уточнения. В. П. Даниленко и Л. И. Скворцов считают, что «...термины самостоятельны в лексическом составе языка

потому, что они образуют основу (ядро) лексики функциональной разновидности общелитературного национального языка, обслуживающего сферу профессионального общения, т.е. языка науки» (Даниленко, Скворцов 1981: 9-10).

В. П. Даниленко также подчёркивает, что «терминология, создаваясь и функционируя в пределах общелитературного языка, совершенно естественно, не имеет своей, отличной от него грамматической системы» (Даниленко 1972: 25).

В работах чешских исследователей, например, Й. Пиши, значение вхождения научного термина в терминологическую систему определённой научной области определяется следующим образом: «Termín je pojmenování pojmu, jehož obsah je paradigmaticky vymezen vzhledem k pojmovému systému konkrétního vědního či technického oboru na základě jistých znaků, jež sdílí s ostatními pojmy (genus proximus), a souboru znaků, které je současně odlišují druhově (differentiae specificaе)» (Píša 1967: 167-171) .

От терминологии необходимо отличать номенклатуру, которую составляют систематические наименования, особенно часто встречающиеся в естественных науках – химическая, ботаническая номенклатура (Lotko 2003: 79) (например: *серная кислота, азотистый калий, мята перечная* и т.д.), а также – профессионализмы, которые являются выражениями, используемыми определённой профессиональной группой. Для них характерна в основном устная форма и образность внутренней формы.

Опираясь на мнения упомянутых выше исследователей, мы будем считать терминологию, прежде всего, системой терминов (языковых знаков), представляющей собой, в свою очередь, отражение системы понятий определённой научной области знания. Связи внутри этой системы отражают связи между понятиями в той или иной сфере научного общения. А значит, анализируя систему терминов, мы впоследствии сможем экстраполировать некоторые из этих заключений на описание системы понятий – в нашем случае – сферы уголовного права.

Подробнее о теоретической базе изучения проблематики лексического значения термина см. раздел 1.4.

1.3. Происхождение и способы образования юридических терминов.

Терминология является частью лексического состава языка, поэтому для образования терминов язык пользуется теми же средствами, что и для образования новых слов вообще.

Многие ученые (Pořtolková 1983; Лотте 1968; Sochor 1955 и др.) согласны в том, что основными способами образования терминов в любом языке традиционно считаются следующие:

1. Морфологический способ

а) деривация (образование новых слов с помощью аффиксов): *уголовный* → *уголовник*, *убыть* → *убыток*, *парламент* → *парламентарий*, *визовый* → *безвизовый*; *právo* → *právník*, *tajemník* → *tajemnice* и т.д.;

б) сложение основ: *законопроект*, *наркобизнес*, *арендодатель*, *земледелец*; *velkoobchod* и т.д.;

в) аббревиация: *ФСБ*, *МВД*, *МИД*, *СИЗО*; *DPH*, *ČTK* и т.д. ;

2. синтаксический способ (образование терминологических словосочетаний):

гражданский иск, *трудовое право*, *конституционный суд*; *okresní soud*, *trestný čin* и т.д.;

3. семантический способ:

а) метафорический или метонимический перенос лексических значений встречается в юридической терминологии очень редко: *глава*, *канал*; *hlava (státu)*;

б) уточнение лексических значений слов обыденного языка: *отцовство* (как юридический термин – шире, чем просто «биологическое родство отца и ребёнка»);

4. заимствование терминов из других языков:

фрахт (нем.), *валюта* (итал.), *биржа* (голл.), *атташе* (фр.), *адвокат*, *арест*, *деликт*, *демократия*, *пенсия*, *пленум* и др. (лат); *president*, *parlament* и т.д.

Как уже упоминалось, формирование национальной терминологической лексики осуществляется средствами словообразовательного арсенала соответствующего национального языка, который применительно к специальной сфере его использования обладает рядом особенностей. К числу наиболее общих особенностей терминологического словообразования В. П. Даниленко (1973:76) относит следующие:

- 1) Термины создаются как наименования понятий, связанных с узкой профессиональной областью; они предназначены служить средством общения определенной группы людей, связанных специальным знанием. Создают термины представители конкретных областей деятельности «под давлением определенной практической необходимости» (Серебренников 1970: 479). Таким образом, термины возникают в профессиональной среде и употребляются в строго терминологической функции только в специальной литературе и специальном общении.
- 2) Терминологическое словообразование – процесс сознательный (не стихийный). Г. О. Винокур писал, что термины не «появляются», а «придумываются» по мере осознания потребности в них (Винокур 1939: 24).
- 3) Сознательное терминотворчество делает его и контролируемым, и регулируемым процессом. В наше время регулирование и упорядочивание терминотворчества происходит, как правило, на том уровне развития отраслевой терминологии, когда она уже прошла путь естественного формирования (с множеством вариантных наименований, с многозначностью, а также с процессом естественного отбора лучшего варианта термина). Реализуется оно в издании терминологических словарей, сборников рекомендуемых терминов, терминологических стандартов.
- 4) Словообразующий акт создания термина несколько сложнее аналогичного процесса для общеобиходного слова. Если для последнего достаточным можно считать использование одного из существующих способов словообразования, то для термина необходимо ещё словесное раскрытие содержания терминологической номинации, т.е. дефиниция понятия.
- 5) Для терминологических номинаций весьма существенно, насколько прозрачна их внутренняя форма. Словообразовательные средства выполняют значительную роль в создании понятной внутренней формы термина, которая служит средством его профессиональной ориентации. Такая ориентация не ограничивается только обозначением одного отличительного признака данного специального понятия. Внутренняя форма термина отражает с помощью составляющих его словообразовательных морфем отношение и связи данного понятия с другими понятиями в определённой области знаний. Поэтому функции словообразующих морфем в терминологии несколько шире, чем в общелитературном языке. Будучи специализированными в выражении

определенных значений в определённых терминологиях, словообразующие морфемы в терминологии выполняют классификационную функцию.

- б) Акт терминологического словообразования зависит от классификации понятий, в ряду которых будет находиться вновь образуемый термин (как наименование понятия этого ряда), поскольку термины одного классификационного ряда по возможности должны быть образованы по одной словообразовательной модели. При этом следует помнить, что термин не только называет понятие, но и отражает в какой-то мере содержание этого понятия. Вероятно, именно это качество термина приводит к необходимости создания составных терминов, т.е. терминов-словосочетаний, которые способны полнее отразить признаки понятия. В термине-слове эта роль выпадает на долю словообразующих морфем, выбор которых при этом становится чрезвычайно ответственным.

Поскольку предметом нашего исследования является юридическая терминология, мы считаем необходимым подробнее остановиться на тех способах, которые являются более типичными для этой терминосистемы. Терминология права является одной из терминологических систем языка, и поэтому не вызывает сомнений положение о том, что для образования в ней новых единиц язык пользуется теми же средствами, что и для образования новых терминов и слов вообще. Однако некоторые способы являются для этого вида терминов более или менее типичными.

Прежде чем исследовать распространённость того или иного способа пополнения лексического состава терминологии уголовного права в синхронном аспекте, нам представляется целесообразным рассмотреть, какие же способы образования терминов были наиболее продуктивными в процессе формирования юридической терминологии русского языка в ходе её истории.

Подробную классификацию предлагает С. П. Хижняк (1997: 79-114). В ней он выделяет четыре основных способа образования новых юридических терминов в русском языке (расположенных в порядке возрастания их продуктивности в диахроническом аспекте):

1. Заимствования и калькирование.

Вопрос о заимствовании в терминологии неоднозначен. Например, в терминоведении к заимствованиям иногда относят приём терминологизации слов общего употребления, просторечных и жаргонных слов, использование терминов других профессиональных

сфер. Однако мы, вслед за С. П. Хижняком, будем относить к заимствованиям только слова, пришедшие в русскую терминологию из иностранных языков.

Одним из основных условий, определяющих процесс заимствования, является воздействие правовых идей других народов. Ярким примером этого может служить то, что в русское право многие термины проникли во времена Петра I благодаря его стремлениям организовать государственные органы по западноевропейскому образцу.

И всё же С. П. Хижняк считает, что иноязычное терминологическое влияние становится более значительным с появлением правовой науки. Именно с этим фактором связывается появление большого количества калек и полукалек.

Особое значение для терминологии права и правоведения имеет заимствование и калькирование наименований отраслей и институтов права. Заимствование такого термина не означает, что он влечет за собой всю подсистему видовых терминов, однако заимствование ведёт к созданию специфического макрополя, включающего в себя как термины заимствованные, так и термины исконные. Одним из новейших заимствованных терминов такого типа является термин *экологическое право*.

Примером заимствований XX века может служить, например, также слово *траст* ←англ. *trust* (доверительная собственность). И хотя эта терминологическая единица была воспринята только правоведением, а сам институт не стал объектом рецепции, он повлиял на появление термина, обозначающего новый институт в современном российском праве – *институт доверительного управления имуществом*.

С. П. Хижняк полагает, что этот термин нельзя считать калькированным в полном смысле этого слова. Однако заимствование породило в русском языке совершенно новый термин.

2. Терминологизация и транстерминологизация

Терминологизация – это адаптация слова общеупотребительного языка в терминосистеме в результате его семантической конверсии, происходящей на основе сужения (специализации) или изменения его значения. Иными словами – это приобретение словом свойств термина.

Изменение семантической структуры слов общего употребления связано с «разрешающей силой системы языка – возможностью породить новые слова таким

способом, а также с действием внешних системообразующих факторов, которые способствуют включению тех или иных слов в терминологическую систему» (Хижняк 1997: 86).

Общепотребительная лексика и юридическая терминология относятся друг к другу как источник (один из основных) и принимающая, адаптирующая система. Одним из ключевых требований, предъявляемых к юридическому термину является так называемая «общая понятность», и это не может не оказывать влияния на законодателя, который стремится приблизить текст закона к «читателю», носителю «обыденного сознания».

Транстерминологизация – т.н. «вторичная терминологизация», под которой понимается перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним (Хижняк 1997 : 86)

Возникновение переосмысленных терминов других отраслей знания – явление сравнительно позднее для русской юридической терминологии (конец XIX – начало XX века). Это, разумеется, связано со стремительным развитием науки техники в этот период.

Транстерминологизации в юридической терминологии подвержены термины различных наук: медицины (*заражение венерической болезнью*), биологии (*штамм микроорганизма, культура клеток*), математики (*математические методы*), ботаники (*сорта растений*), различных технических отраслей знания (*промышленный образец*) и т.д.

В терминологии правоведения (вслед за С. П. Хижняком мы будем различать терминологию права (закреплённую в правовых актах) и терминологию юридической науки – правоведения (закреплённую в доктринальной юриспруденции).

Основным источником транстерминологизированных единиц являются терминосистемы других общественных наук, связанных с юриспруденцией генетически (истории, социологии, философии, политологии). Использование философских терминов наблюдалось уже в XVIII веке, когда формировалась такая отрасль юридической науки, как теория государства и права (сюда вошли термины:

происхождение государства, сущность государства, функции государства, принципы права и т.д.)

Примером «недавно терминологизированных» сочетаний может служить словосочетание *отмывание денег* (и его вариант – *отмывание денежных средств, приобретённых незаконным путём*). Сначала оно появилось в общественно-политической лексике на основе метафорического переноса и обозначало процесс легализации незаконно полученных денежных средств. Данное словосочетание появилось в результате активизации определённых экономических факторов, породивших данное явление. Затем на основе метонимии произошла терминологизация этого словосочетания в юридической терминологии, где оно стало обозначением разновидности преступлений в сфере экономической деятельности (Хижняк, 1997: 92).

3. Морфологическое терминообразование

Ведущую роль в терминологии играют имена существительные, в том числе и производные, хотя глаголы и прилагательные также могут быть терминами. Последние, однако, чаще входят в качестве формантов в составные термины.

Префиксальным и префиксально-суффиксальным способом образовалось лишь незначительное число терминов, так же редко при первичном формировании юридической терминологии использовалось словосложение.

Одним из продуктивных способов на начальном этапе была субстантивация (морфолого-синтаксический способ).

Но самым частотным способом морфологического образования юридических терминов была и остаётся суффиксация (ведь терминообразование подчиняется словообразовательным законам общеупотребительного языка).

С. П. Хижняк говорит о 32 суффиксах, используемых правовой терминосистемой для образования новых единиц: -ант, -ат, -атай, -лец, -ник, -тель, -ун, -щик, -чик, -ист, --ер, -ор, -тор, -б(а), -еж, - ж(а), -к(а), -аж, -ниј(е), -ч(а), -арий, -ациј(а), -ств(о), -ок, -д(а), -изм, -ик(а), -ур(а), -иј(е), -ость, -ик, $\emptyset$ – нулевой суффикс.

Наиболее продуктивными для юридической терминологии являются следующие:

-ниј(е): *опротестование, уличение, обжалование, заключение* и т.д.

-ость: *давность, трудоспособность, деликтоспособность, судимость* и т.д.

-ств(о): *отцовство, гражданство, рейдерство* и т.д.

Ø – указ, пересмотр, донос и др.

Важно также отметить, что при суффиксальном образовании терминов ключевую роль играют глагольные основы, от которых было образовано более 65% терминов. Это обусловлено необходимостью обозначения определённых понятий, являющихся по сути действиями (опредмеченных действий, агентов и адресатов действий и т.д.)

4. Составные термины

Автор считает, что в современной юридической терминологии терминологические словосочетания занимают ведущее место и количественно преобладают над однословными терминами. Среди них преобладают двукомпонентные терминологические сочетания.

На протяжении всего исторического развития юридической терминологии самой продуктивной моделью образования терминологического сочетания была и остаётся модель прилагательное (причастие, порядковое числительное) + существительное:

- личные права, имущественные права, религиозные убеждения и т.д.

На втором месте в настоящее время находится модель существительное в именительном падеже + существительное в косвенном падеже (чаще всего – родительный падеж без предлога):

- расторжение брака, правоспособность гражданина, право на труд и др.

Следует также отметить, что нередки случаи употребления в одном терминологическом сочетании термина и слова общеупотребительного языка или термина другой области знания. Такие образования находятся в «пограничном» состоянии и имеют тенденцию к вовлечению не-термина в терминологическую систему (терминологизации, транстерминологизации форманта):

- оскорбление военнослужащего.

Резюмируя, повторим, что, безусловно, инвентарь для образования новых слов и для образования терминов в языке – единый, поэтому способы образования новых терминологических единиц совпадают со способами образования новых слов в том или ином языке.

Говоря о терминологии юридической, мы можем сказать, что как терминология права, так и терминология правоведения, - обе системы подвижны и открыты для новых образований. Терминология права фактически «старше» и в некотором смысле архаичнее терминологии правоведения.

Юридическая терминология, отражённая в правовых актах, представляет собой совокупность терминологии права и терминологии правоведения и является одной из терминосистем, пополнению и изменению которой должно уделяться особое и своевременное внимание. Ведь право – это область, которая должна быть доступной и понятной не только специалистам в этой области, но и (и прежде всего) носителям обыденного сознания.

Терминологический состав конкретного правового документа не может быть анализирован изолированно, т.к. на него неизбежно оказывает влияние и терминология юриспруденции, ход развития которой влечёт за собой порой и изменения в текстах законов, определяет выбор тех или иных терминов для обозначения соответствующих понятий.

Изучив способы образования юридической терминологии в целом, в практической части нашего исследования мы хотели бы проследить, какие способы образования юридических терминов актуальны для сферы современного русского и чешского уголовного права.

1.4. К вопросу о лексическом значении термина. Связь термина с терминологией и с общелитературным языком.

В разделе 1.2. мы определили, что ключевым признаком, отличительной характеристикой терминологии, признаваемой многими исследователями, является её системность, и способность своей структурой отражать внутреннюю схему взаимодействия понятий той или иной области знаний, находящей отражение в терминах конкретной терминосистемы.

С точки зрения С. П. Хижняка, соотносимость терминов внутри определенной терминологии с конкретным терминопolem обуславливает относительно замкнутый характер терминологии по сравнению с лексикой общего употребления, которая по своему характеру представляет открытую систему (Хижняк 1997: 6). Терминология, следовательно, - это «очередная подсистема внутри общей лексической системы

данного языка и притом подсистема наиболее обозримая и исчислимая, тем более, что терминология как подсистема в свою очередь распадается на подсистемы по тематическим признакам» (Реформатский 1968: 121-122).

1.4.1. Связь термина с терминологией.

Ряд исследователей видит в системности термина его конституирующий признак, который как раз и позволяет слову или словосочетанию приобретать признаки термина. Так, А. Д. Хаютин определяет термины как особые лексические единицы, «... вступающие в **системные отношения** с другими подобными словами и словесными комплексами» (Хаютин: 1972: 81). О соотнесённости плана выражения термина с определённым понятием в **системе** понятий данной области науки или техники также говорит Я. А. Климовицкий (1969 : 35).

То есть, можно сказать, что терминология является для термина тем же, чем «контекст» является для слова общелитературного языка. Термин реализует своё значение и свои характерные признаки в рамках терминологической системы определённой области знаний (они могут быть совершенно отличными в другой научной отрасли, с другой стороны, одно и то же слово может в различных терминосистемах обладать разной степенью терминологичности).

Именно во взаимосвязях между терминами одной терминосистемы возможно полное раскрытие семантики термина, его правильное функционирование.

Б. Ю. Городецкий и В. В. Раскин следующим образом представляют системность термина и его связь с терминологией: «Отдельно взятый термин сам по себе есть фикция. Он существует лишь в системе терминов, с которыми он связан определёнными отношениями» (Городецкий, Раскин 1969 : 135).

При этом можно сказать, что системность эта проявляется на многих уровнях: на словообразовательном (Будагов 1965 : 31), на логико-семантическом (Даниленко 1967: 58) и т.д. О системности термина пишет и А. А. Реформатский, который говорит о двойкой системности термина, имея в виду то, что термин входит в систему определённой терминологической области (системность в логосе), и наравне с этим – не может не являться частью лексической системы всего языка (системность в лексисе). (Реформатский 1968).

Поэтому закономерным мы считаем вывод С. Д. Шелова о том, что «терминологичность знака (слова или словосочетания) определяется только относительно некоторой системы <...>» а также, что «терминологичность знака <...> тем больше, чем больше сведений требуется для идентификации его значения <...>». Иными словами, чем теснее связь термина с его терминологией, тем выше степень его терминологичности, то есть, тем более терминологической является такая лексическая единица (Шелов 2003: 23).

1.4.2. Связь термина со словами общелитературного языка

Следует отметить, что специфика юридического термина связана с ориентацией на объективную действительность, отражающую отношения людей в общественных условиях. Как считает С. П. Хижняк, «отражение неязыковой реальности подчинено обобщающему характеру моделирования правовой действительности, проходящему в рамках типизации и дифференциации бесконечного многообразия проявления общественных отношений» (Хижняк, 1998 : 3-4). В свою очередь, указанный процесс невозможен без реализации ряда требований, предъявляемых к идеальному термину (точность, однозначность, и т.п.). Но близость общественной действительности и действительности правовой осложняет характер формирования терминологичности языкового знака в юридической терминологии.

Определение места терминологии в структуре современного литературного языка важно не только для соблюдения «структурированности» подхода к изучаемому объекту, но главным образом – для более объективного выделения тех признаков, которыми обладает термин, а также для их оценки, потому что ни одно явление в языке не может быть понято и проанализировано без учета системы, к которой оно принадлежит (См.: «Тезисы ПЛК» : 17).

В. П. Даниленко считает, что рассматривая терминологию в составе общелитературного языка, даже понимая её как особый автономный слой, трудно, исходя из семантических процессов общелитературной лексики, найти объяснение особым формам протекания этих процессов в терминологии и особенно тем явлениям, которые свойственны только терминам и терминологии, и вызваны их особой внутренней связью с теорией, с наукой (Даниленко 1976: 64).

Автор полагает, что с теми же трудностями мы сталкиваемся при исследовании терминологического словообразования, где столь же важно четкое выделение на основании особенностей терминов их существенных признаков (общих и конкретных) терминологического словопроизводства.

Невозможно оценивать практическое терминотворчество, не зная всех особенностей действия словообразовательного аппарата данной терминологии. Иными словами, при рассмотрении терминологии в составе лексики общелитературного языка теряется функциональная специфика терминологической системы, утрачивается особый критерий её оценки. Однако и противоположный прием – полное изолированное рассмотрение терминологии – также чреват опасными последствиями: искажением фактических процессов, специфических и общих, распространяющихся и на терминологическую лексику.

Многие специалисты сходятся во мнении, что комплексно оценить собственно лингвистические особенности терминологической лексики можно только при анализе её в «естественных условиях», то есть – в той языковой среде, где она применяется в своём прямом назначении, в своей основной номинативно семасеологической (по терминологии А. А. Реформатского) функции, то есть в функции наименования и выражения специального понятия, регламентированного в своих границах дефиницией.

По мнению В. П. Даниленко, такой естественной средой для термина является самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, традиционная именуемая языком науки.

Однако набор единиц и средств языка науки не исчерпывается средствами выражения литературного языка. Он намного шире и часто выходит за рамки не только общелитературного, но и общенационального языка. Нормы общелитературного языка также оказываются недостаточными для оценки и анализа языковых особенностей текстов научной литературы, т.к. «язык науки значительно отличается содержанием выражаемого, что позволяет использовать более широкие по сравнению с литературным языком средства выражения (это относится, главным образом, к специальной терминологии) и требует своей особой внутренней организации текста или речи» (Даниленко 1976 : 66).

Данная работа не является исследованием по функциональной стилистике, поэтому в ней не предполагается детальное изучение вопросов, связанных с функциональными стилями языка. Однако мы считаем важным подчеркнуть, что, вслед за В. П. Даниленко, мы считаем возможным говорить о такой разновидности общелитературного языка, как «язык науки», не приравнивая при этом это понятие к научному стилю речи. Язык науки мы рассматриваем как контекст, позволяющий рассматривать терминологическую систему, с одной стороны, отдельно от многоуровневой и сложной системы общелитературного языка, а с другой – в контексте общих лингвистических законов.

По отношению к общелитературному языку язык науки, на первый взгляд, является более узким понятием, поскольку языку науки не свойственны функции общелитературного языка. Для него более характерны и существенны гносеологическая, информационно-логическая или интеллектуально-коммуникативная функции. В то же время в языке науки отсутствует такая существенная для других разновидностей общелитературного языка функция, как экспрессивная. С другой стороны – язык науки можно считать и более широким понятием по сравнению с общелитературным языком, поскольку он включает в себя специальную терминологию, которой именуются научные понятия, стоящие за пределами непрофессиональной сферы общения.

В. П. Даниленко полагает, что терминология представляет собой именно ядро, основу языка науки, потому что именно терминология является общей совокупностью наименований специальных понятий соответствующей науки или области практической деятельности. Наряду с терминологией в язык науки автор также включает ещё три слоя (всего 4): 1) знаменательные слова общеобиходного употребления, наличие которых для языка науки необходимо – нейтральная словесная ткань специального текста (*изучать, работать, публиковать, действовать, выполнять, работа, правило, строение, описание, публикация, доклад* и т.п.); 2) служебные слова общеобиходного употребления (*и, или, не, если ... то, но, ибо* и т.п.); 3) общенаучные слова, составляющие такой класс лексических единиц, употребление которых не ограничивается рамками лексического состава одной науки. Кроме того, они, как правило, входят на правах так называемых книжных слов и в лексику общелитературного языка (*наука, процесс, организм, метод, функция, отрицание, фактор, субъект, формула, и т.п.*) (Даниленко, 1967: 67-68).

Собственно терминологическая лексика, представленная различными терминосистемами, составляет в своей совокупности лексико-семантическое ядро языка науки.

Большинство терминов почти никогда не выходит за пределы лексики языка науки, оставаясь доступными только специалистам определённой теоретической отрасли или практической деятельности. Конечно, многие термины «знакомы» и широкому кругу носителей общелитературного языка. Иные из них становятся фактом общелитературного языка, употребляясь в языке художественной литературы, в публицистике, в обиходно-разговорной речи неспециалистов. И всё-таки это только приблизительное представление о том или ином термине, т.к. истинное знание содержания понятия, стоящего за термином и употребление термина в его прямой функции предполагает принадлежность к определенной научной <...> сфере.

Это, однако, не означает, что специальная лексика языка науки лишена связей с общелитературной, общеобиходной лексикой. Связь между ними носит функциональный и генетический характер, потому что общелитературный язык был и остается на всем протяжении развития языка науки основным источником образования и пополнения терминов. Многие термины появились как семантические неологизмы на базе общеупотребительных слов, многие – относятся к так наз. полифункциональной лексике (т.е. такой, которая обслуживает разные сферы – общеобиходную и специальную). Разница между полифункциональными словами и терминами – в объеме содержания понятия, в объеме заключенной в них информации. Обычно это отражается в дефинициях, представленных в толковых словарях общелитературного языка и в специальных терминологических словарях. Многие термины были созданы и продолжают создаваться на основе общеобиходных слов средствами деривации. Такие термины, генетически связанные с общеобиходными словами, попав в специальную сферу, приобретают черты самостоятельности по отношению к общелитературной лексической системе и функционально, и семантически. Став членами другой лексической системы, термины начинают подчиняться другим лексико-семантическим процессам, которые диктуются, прежде всего, особенностями развития науки, а также подвижным, изменчивым характером явлений действительности, в результате чего изменяются сами понятия.

Принадлежность терминологии к языку науки определяет тот факт, что общезыковые лексико-семантические процессы (такие, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия), которые свойственны так или иначе и терминам, протекают в них в неполном объеме и в целом – иначе, не нарушая при этом принципов функционирования термина в языке науки. Так, полисемия в терминологии проявляется главным образом как категориальная многозначность и на основе метонимического переноса значения свойства и величины (твердость, стойкость), процесса и величины (давление), явления и величины (электрический ток), процесса и величины (излучение) и т.д. В реальном функционировании терминов явление категориальной полисемии в языке науки нейтрализуется стандартным контекстом. Омонимия находит выражение в терминологии только в той своей разновидности, которая является результатом полисемии, т.е. превращения разных значений полисеманта в самостоятельные слова, которые обязательно расходятся в разные отраслевые терминологии (межсистемная омонимия). Синонимия реализуется в лексике языка науки, прежде всего в ее семантической (а не стилистической) разновидности, со свойственными ей функциями замещения и уточнения, и является порождением разных источников формирования терминов (национальный и заимствованный) или разных способов образования (полный и краткий вариант наименования) и нек.др. Антонимия в языке науки выступает как один из регулярных принципов наименования понятий с противоположным содержанием и реализуется в двух типах: лексическом (напр.: *разрешительный* – *запретительный*) и словообразовательном (напр.: *вменяемость* – *невменяемость*) (Даниленко, 1976: 70).

Именно в силу своей непосредственной связи с конкретными областями науки и практики, язык науки определяет потребности в новых специальных терминологических наименованиях, используя в качестве источников пополнения терминологии, прежде всего, ресурсы общелитературного языка (наряду с интернациональным фондом, заимствованиями из других языков и также своими внутренними резервами).

1.4.3. Связь термина с понятием. Лексическое значение термина.

Как мы видим, способность термина к обозначению понятия является одним из важнейших его признаков. Она представляет собой одну из наиболее устойчивых характеристик понятия «термин» и встречается в самых различных его определениях. Многие авторы подчёркивают, что системные связи между терминами внутри терминологии отражают аналогичные отношения между понятиями в определённой области знаний.

Д. С. Лотте подчёркивает, что учёт действительных связей, существующих между описываемыми терминологией понятиями должен быть обязательным, т.к. это способствует развитию более продуктивных исследований в той или иной научной области, а также – обнаружению новых явлений и понятий (которые впоследствии должны отражаться и терминологией) (Лотте 1968: 38).

При этом вопрос о том, является ли то или иное значение термина (представленного словом или словосочетанием) понятием или нет, в собственно терминоведческих работах обычно не ставится. Предметом дискуссии, по мнению С. Д. Шелова, является противопоставление между лексическим значением термина и понятием, которое данный термин называет (Шелов 2003: 6).

Ссылаясь на статью А. С. Герда (1980), автор говорит о том, что разнообразие точек зрения по этому вопросу сводится к следующим вариантам: 1) термины имеют лексическое значение, но оно не сводится к обозначаемому понятию; 2) термины имеют лексическое значение, которое и есть понятие; 3) значение терминов и есть понятие, но лексического значения они не имеют; 4) термины обозначают углубленные научные понятия, в то время как обычные слова обозначают лишь наивные, обыденные понятия.

Разнообразие мнений по этому вопросу объясняется различной оценкой соотношения специального значения языковой единицы в профессиональной сфере употребления и значения того же языкового знака (того же фонетического и графического слова или словосочетания) в общелитературном языке (Герд 1980: 3-9).

Известна позиция В. В. Виноградова, который разграничивал общелитературные слова и термины и считал, что термин отличается от понятия тем, что в то время как слово понятие называет, **термину понятие приписывается**, как бы прикладывается к слову:

«Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» (Виноградов 1975: 14).

Й. Филипец определяет термин как лексическую единицу (специфический лексический знак), обозначающую или называющую **понятие**. Далее они говорят о том, что в значении термина минимизирована или полностью отсутствует прагматическая составляющая, а также – модальная составляющая. И это, в свою очередь, оказывает влияние на специфическую стилистическую функцию термина. Термины являются основной единицей научного стиля, вследствие чего они имеют ограниченную область распределения и у них не встречается переносного употребления значений (Filipец-Šermák 1985: 14). Поскольку к особенностям термина относятся точность, однозначность и устойчивость, омонимия, полисемия и синонимия терминов являются крайне нежелательным явлением.

Термин понимается автором как специальный языковой знак, который используется для межличностной коммуникации исключительно определённой социальной группой.

Е. Лотко понимает термин как «výraz pro jistý pojem v soustavě pojmů vědního nebo výrobního oboru, který se vyznačuje kognitivním (racionálně pojmovým) významem, založeným na teoretickém poznání» (Lotko 2003: 116).

О юридической терминологии можно сказать то же самое. Как терминология права, так и терминология юриспруденции отражают систему понятий и отношений между ними – как внутри права как такового, так и внутри науки о нём.

Считается, что терминология права – это, прежде всего, система слов, используемых для отражения явлений общественной и частной жизни человека, правил и норм регулирования отношений между людьми, между человеком и обществом. «Но в отличие от общеупотребительной лексики, это слова, закреплённые за определённой отраслью деятельности человека, слова устойчивые, не допускающие изменения закреплённые в текстах законов и передающие не столько названия, сколько понятия этой области знания» (Макшанцева 2001: 4).

Только при условии анализа терминологии в составе языка науки становятся ясными и понятными особенности системной организации терминологии, отражающие системную организацию специальных понятий той или иной научной сферы (системность в научных терминологиях является отражением описания и изучения структуры исследуемого объекта или явления). В. П. Даниленко считает, что тип лексического значения, реализуемого в терминологических наименованиях (в терминологической лексике преобладает, как правило, один тип лексического значения – прямое или номинативное значение), соответствует природе терминологии с предметно-логическим принципом соотношения плана содержания и плана выражения) (Даниленко 1976: 70).

Несмотря на то, что многие учёные по-разному формулируют сущность связи термина с понятием, все они едины во мнении о неразрывной связи между ними. И. А. Громова формулирует эту связь достаточно чётко: «...термин – логически обоснован и как функциональная единица ориентирован на понятие» (Громова 2002: 8). Вслед за И. А. Громовой, мы также избираем для себя исходной отправной точкой положение о связи термина с понятием, и именно это положение будем считать ключевым для описания лексического значения термина.

Иными словами, в нашем исследовании мы будем исходить из того, что лексическое значение термина представлено понятием, смысл которого, в свою очередь раскрывается либо в дефиниции, либо эксплицитно объясняется в теории той или иной области знаний. В этом – одно из ключевых отличий лексического значения термина от лексического значения слова общенародного языка.

Выводы

Научная терминология является не только одной из важнейших составных частей, но и одним из инструментов любой науки.

Язык науки представляет собой самостоятельную функциональную разновидность общелитературного языка, т.е. является автономной подсистемой по отношению к общелитературному языку со своими функциями, средствами выражения и специфичными приемами их организации с особыми критериями оценки (Даниленко 1976: 71).

С лексикой общелитературного языка терминологию связывает генетическая связь, а также общая словообразовательная база. Однако терминология обладает и такими чертами и признаками структурного, семантического характера, которые не свойственны общелитературной лексике, и это даёт ей возможность развиваться по несколько иным законам и процессам и частично оказывать влияние на тенденции развития лексики и словообразования литературного языка в целом.

Юридическая терминология в этом мало отличается от остальных областей знаний, однако, у юридического термина, как нам кажется, особенно важную роль играет точность значения и функциональная устойчивость.

Юридическая терминология, являясь следствием осмысления правовых явлений, так или иначе участвует в регулировании поведения членов общества, а также играет немаловажную роль в толковании права и правоприменении (Kořenský 1997: 267).

Основными требованиями, общими для юридического термина и термина вообще, являются точность и однозначность (по крайней мере, в рамках одного нормативного акта или одной правовой отрасли), общепризнанность и устойчивость, а также – системность связей с другими терминологическими единицами в рамках терминологической системы определённой области знаний.

Другой важной характеристикой термина является отсутствие экспрессивности, оценочности.

Эти требования представляют собой некий «идеал», к которому стремятся ученые и специалисты, занимающиеся систематизацией и нормализацией терминологии. Полностью обеспечить их выполнение невозможно в силу того, что термины

функционируют не только изолированно внутри терминосистемы, но и в контексте общелитературного языка, живые процессы которого неизбежно оказывают влияние и на терминологию.

Глава 2. Анализ русских и чешских терминов уголовного права с точки зрения происхождения терминов

2.1 Критерии отбора терминов

В качестве источника выборки терминов для нашего исследования мы избрали Уголовный Кодекс Российской Федерации и *Trestní Zákoník České Republiky*, т.к. полагаем, что тексты главных уголовных законов являются наиболее полными и репрезентативными источниками терминов уголовного права, хотя и не включают в себя, разумеется, всю уголовно-правовую терминологию, существующую в языке.

Чаще всего именно в законе термины получают первоначальную «легализацию», поэтому мы остановили свой выбор на текстах основных уголовных законов каждого из государств в качестве источника анализируемых терминологических единиц. Оба уголовных закона недавно обновлялись. Последняя редакция Уголовного Кодекса Российской Федерации датирована июлем 2011 года, в Чешской Республике новый закон был принят в январе 2010 года.

Безусловно, юридическая терминология содержится и используется и во многих других нормативных актах, а также – в юридической доктрине уголовного права и в научной литературе. Однако в данной диссертационной работе мы хотели бы сосредоточиться именно на материале, который предоставляют нам главные уголовные законы обеих стран, как на приоритетном для изучения примере.

Во второй главе диссертационного исследования мы планируем последовательно анализировать сначала терминологию Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), затем – терминологию Уголовного Кодекса Чешской Республики (нельзя склонять иностр. названия) (*Trestní Zákoník České Republiky*, далее TrZ ČR), после чего проведем их сопоставительный анализ.

Из русскоязычного материала для лингвистического анализа первоначально было отобрано более 600 слов и словосочетаний с терминологическим значением, но для непосредственной разработки в рамках этого исследования круг терминов был

сознательно сужен. Следует обозначить несколько критериев, которыми мы руководствовались, производя такую выборку.

Прежде всего, необходимо отметить, что в тексте УК РФ, помимо отраслевой, употребляется терминология как межотраслевая или общеюридическая (например, такие терминологические сочетания, как *авторское право, частный детектив* и др.), так и относящаяся к иным отраслям права (например, такие понятия, как *административное взыскание, война, биологические агенты, налоговый агент, должник* и др.). Мы намеренно исключаем межотраслевые и общеюридические термины, а также терминологию других отраслей права из круга нашего анализа, т.к. мы ставим своей целью максимально подробный анализ собственно уголовно-правовой терминологии .

Помимо общей смысловой соотнесённости лексемы или сочетания лексем с определённым уголовно-правовым понятием, критериями дальнейшего отбора такой терминологии для нас являлись:

- наличие дефиниции понятия непосредственно в тексте УК РФ;
- наличие дефиниции понятия в «Большом Юридическом словаре» (БЮС: 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.3.2012), причем – с упоминанием в словарной статье принадлежности этого термина к области уголовного права;
- наличие дефиниции понятия в Энциклопедии Юриста (ЭЮ: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_law/, 29.03.2012), также – с упоминанием в словарной статье принадлежности этого термина к области уголовного права;

Соблюдение одного из этих условий мы считали достаточным основанием для отнесения этого термина к уголовно-правовым. С помощью такого отбора мы получили круг терминов, анализ которых позволил предварительно разделить их на четыре группы:

- 1) термины, имеющие дефиницию непосредственно в УК РФ;
- 2) термины, дефиниция которых не приведена в УК РФ, но её можно сформулировать, руководствуясь смыслом нескольких статей Кодекса;

3) термины, не имеющие дефиниции в УК РФ, но имеющие довольно подробную и распространённую дефиницию хотя бы в одном из привлечённых к исследованию словарей;

4) юридические термины и терминологические сочетания, которые не имеют ни нормативной дефиниции в Кодексе, ни словарной дефиниции в упомянутых выше словарях.

О юридических терминах с точки зрения их семантики и её отражения в словарях и текстах законов мы будем подробнее говорить в следующей главе диссертационной работы. Приведённая выше классификация по наличию дефиниций в законе и словарях будет использоваться в следующей части нашего исследования. На данном этапе мы использовали этот критерий в качестве основания для отбора терминов для анализа.

В этой главе мы подробнее остановимся на происхождении избранных нами терминов и их структуре. У заимствованных терминов сведения о происхождении часто приводились в словарных статьях упомянутых выше юридических словарей. В тех случаях, когда источник заимствования не был указан, мы руководствовались данными этимологических словарей русского языка (Фасмер, 2004: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm>; Крылов: <http://www.slovopedia.com/25/192-0.html>).

Для отбора чешских терминов мы руководствовались критериями, сходными с теми, которые были использованы при отборе русскоязычного материала. То есть – мы стремились к тому, чтобы в список анализируемых единиц вошла прежде всего уголовно-правовая терминология. Другими словами, мы намеренно не включали в анализируемый материал термины общеюридические, а также термины, непосредственно относящиеся к другим отраслям права, хоть они и встречались в тексте уголовного закона. Важным при принятии решения о включении термина в список анализируемых единиц для нас было как наличие дефиниции в профильных словарях (Podnikatelský právně-ekonomický slovník: <http://business.center.cz/business/pojmy/>; Hendrych, Právnícký slovník: 2001), в сочетании с пометой об отнесённости термина к уголовному праву, так и наличие специальной дефиниции в тексте закона (т.к. это свидетельствует о специальном терминологическом значении лексической единицы в данной отрасли права), а также соотнесённости с определённым термином, встретившимся в тексте Уголовного Закона Российской Федерации. Сведения о происхождении чешских терминов мы черпали прежде всего из

словарных статей упомянутых выше словарей. В тех случаях, когда источник заимствования не был указан, мы руководствовались данными этимологических словарей (Etymologický slovník Jazyka Českého: 1997; Český etymologický slovník: 2001).

Поскольку хронологически выборка проводилась из двух законов последовательно (сначала – из русского, затем из чешского), то мы не можем отрицать того факта, что первая несколько предопределила вторую в том, что касается критериев.

2.2 Анализ терминов Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения их состава и происхождения

Как уже упоминалось выше, мы начнем исследование с подробного анализа терминов, которые удалось обнаружить в тексте УК РФ.

После выборки по выше описанным критериям наш материал составил 500 терминов и терминологических сочетаний, из которых 150 терминов представляют собой однословные лексемы, а ещё примерно 350 – терминологические словосочетания, состоящие из двух, трех или более слов.

2.2.1 Анализ однословных терминов Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения их происхождения

Однословные термины составили меньшинство, однако можно сказать, что они представляют собой ядро уголовно-правовой терминологии. Говоря так, мы имеем в виду то, что в сравнении с терминологическими сочетаниями, состоящими из двух и более слов, однословные термины, встретившиеся нам в УК РФ, представляют собой основу понятийного аппарата уголовного права (Хижняк, 1997: 24).

Это такие термины, как, например: *амнистия, арест, аффект, бандитизм, вымогательство, вина, геноцид, диверсия, дискриминация, иммунитет, контрабанда, клевета, истязание, кража, надзор, недеklarирование, пиратство, плагиат, преступление, помилование, подстрекатель, самоубийство, судимость, угроза, халатность, экоцид* и др.

Большинство однословных терминов представляет собой исконные по происхождению лексемы. Исконно русских однословных терминов было обнаружено 111, в то время как заимствованных – только 49.

Мы считаем важным упомянуть, что в данной работе (вслед за большинством современных исследователей) мы будем считать исконными также те лексемы, которые некоторые словари (например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера) относят к заимствованным из церковнославянского языка. К таким относится, например, уголовно-правовой термин *небрежность*, который образован от прилагательного *небрежный*, заимствованного (согласно словарю Фасмера) из церковнославянского языка: *небръгъж*, *небръжити* «пренебрегать» и содержит типичное для языка-источника неполногласие. Тем не менее – мы будем относить такие слова к исконным, считая заимствованиями только слова неславянского происхождения, т.к. такую точку зрения разделяют многие современные исследователи. Принимая такую точку зрения, мы опираемся на теорию о происхождении современного русского литературного языка, которая возводит его к церковно-славянскому, который в период с середины XVII до середины XVIII века «поглотил» использующийся наряду с ним русский деловой и разговорный язык, русифицировав свою фонетику, а затем и морфологию, и сформировал основу нового литературного языка – русского (Унбегаун 1971: 329).

В качестве другого примера спорного определения исконности / иноязычного происхождения термина приведем термин *рынок*. М. Фасмер соотносит его с однокоренными словами в других славянских языках и пишет, что в русский язык данное слово попало через польский язык (*rynek*), при этом упоминает, что в польском языке это слово, вероятнее всего, появилось из средневерхненемецкого *rinc*, *-ges* «круг, площадь» (Фасмер, 2004: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm>, 08.02.2013).

Действительно, в современном немецком языке мы найдём слово *ring*, которое обозначает именно круг, но уже не соотносится ни с площадью, ни с торговой площадью, рынком. Эту этимологию подтверждает и «Этимологический словарь русского языка», составленный Г. А. Крыловым (Крылов: <http://www.slovopedia.com/25/192-0.html>, 08.02.2013).

В этом случае (и в подобных ему) мы будем считать слово заимствованным именно из средневерхненемецкого языка (посредством польского).

Таким образом, мы будем ориентироваться не на тот язык, посредством которого то или иное заимствование попало в русский язык непосредственно, а на язык, который послужил первоначальным источником заимствования.

Согласно этому принципу мы будем определять язык-источник заимствования, то есть, например, мы будем считать термин *дезертир* заимствованным именно из латинского языка (от лат. *desertio* - оставление без помощи, побег), несмотря на то, что в русский язык он пришёл через немецкий или французский (Фасмер, 2004: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-3091.htm>, 08.02.2013).

2.2.1.1 Исконные однословные термины

Как уже было сказано выше, большинство (примерно две трети) однословных терминов УК РФ оказалось исконными по происхождению, а не заимствованными из других языков.

Это, например, такие термины как: *взятка, вина, законность, заложник, наемник, неправомерный, неосторожность, побег, побои, погром, подлог, посягательство, преступление, противоправность, уговор, угон, халатность, хищение* и др.

Практически все понятия, называемые этими терминами, представляют собой основу права как такового, поэтому неудивительно, что лексика для их отражения сформировалась в языке довольно давно – ещё в тот период, когда иноязычные влияния на сферу права не были столь сильными.

По мнению С. П. Хижняка, иноязычное терминологическое влияние приобретает наибольшую значимость с появлением и развитием права как науки, то есть – правоведения. Поэтому для более раннего периода – периода зарождения права как области человеческой деятельности и мышления – более свойственно образование исконных терминов, а точнее – терминологизация лексем общелитературного языка (Хижняк, 1997: 79-114).

Автор также полагает, что влияние иноязычных правовых систем на российское право в период его становления было не очень сильным. Ни монголо-татарское иго, ни даже

византийское законодательство не обладало настолько сильным влиянием, чтобы вытеснить складывающуюся на русской почве самобытную терминологию. Эпоха феодальной раздробленности (XII век), а также период создания централизованного государства вокруг Москвы (до конца XV века), при известной изолированности русских княжеств друг от друга, не создавали благоприятных условий для проникновения и усвоения иноязычных терминов (Хижняк, 1997: 80).

В этой части нашего исследования мы будем анализировать незаимствованные однословные термины УК РФ с точки зрения способа словообразования с целью определить наиболее продуктивный способ (а также – словообразовательный тип и словообразовательные значения) в уголовно-правовой терминологии русского языка. В своей классификации мы будем опираться на способы словообразования, приведённые в Русской Академической грамматике 1980 года (Русская Грамматика, 1980: 138-139).

Если говорить о способах морфологического терминопобразования, лежащих в основе исконных по происхождению терминов, то можно выделить следующие способы:

1. **Деривация** – процесс создания новых лексем с помощью морфем (аффиксов), которые присоединяются к существующей словообразующей основе.

а. **Суффиксация** оказалась наиболее часто встречающимся способом морфологического образования терминов УК РФ. Терминов, образованных именно этим способом, встретилось более 50 (из 111 исконных по происхождению терминов). При этом удалось выделить несколько наиболее продуктивных словообразовательных суффиксов, а вместе с ними – и словообразовательных типов и словообразовательных значений (Русская грамматика, 1980: 135):

і. **–ни(ј)-е // –ени(ј)-е** (со словообразовательным значением «обобщённое, вещественное или собирательное понятие, являющееся результатом действия, имевшего место в прошлом»): *дея-ни(ј)-е, изнасилова-ни(ј)-е, истяза-ни(ј)-е, наказа-ни(ј)-е, оскорбл-ени(ј)-е, опьян-ени(ј)-е, показа-ни(ј)-е, понужд-ени(ј)-е, помилова-ни(ј)-е, похищ-ени(ј)-е, пресеч-ени(ј)-е, преступл-ени(ј)-е, принужд-ени(ј)-е, присво-ени(ј)-е, примир-ени(ј)-е, разглаш-ени(ј)-*

е распоряж-ени(j)-е, расследова-ни(j)-е, дочер-ени(j)-е, уклон-ени(j)-е, усыновл-ени(j)-е, хищ-ени(j)-е и др.

- ii. **–ость** (со словообразовательным значением непроцессуального признака): *законн-ость, небрежн-ость, неменяем-ость, неосторожн-ость, ответственн-ость, правомерн-ость, преступн-ость, противоправн-ость, собственн-ость, судим-ость, халатн-ость* и др.
- iii. **–ств-о** (со словообразовательным значением процессуального признака): *вымогатель-ств-о, издеватель-ств-о, мошенниче-ств-о, надругатель-ств-о, предприниматель-ств-о, убий-ств-о, членовредитель-ств-о* и др.
- iv. **–к-а** (со словообразовательным значением «собирательное понятие, являющееся результатом действия»): *взят-к-а, пыт-к-а, поддел-к-а* и др.

Нулевая суффиксация (выражающая словообразовательное значение опредмеченного действия) как разновидность суффиксации (Русская грамматика, 1980: 138) встретилась в образовании выбранных терминов единично:

Поджог, подлог, сбор, уговор, угон, и др.

- b. **Префиксация** – как способ морфологического словообразования оказалась на материале выбранных терминов на втором месте по степени частотности. Удалось обнаружить около 15 терминов, образованных именно таким способом словообразования. При этом их можно объединить по тем префиксам, с помощью которых они были образованы:

- i. **не-** (со словообразовательным значением отсутствия признака или противоположности тому, что названо мотивирующим словом): *не-правомерный, не-совершеннолетний, не-трудоспособный* и др.

- ii. **по-** (со словообразовательным значением повторяемости действия или совершаемости действия многими субъектами): *по-бег, по-бои* и др.
- iii. **со-** (со словообразовательным значением предмета, объединенного совместностью, взаимной связью с другим предметом, названным мотивирующим словом): *со-исполнитель, со-участие* и др.

Постфиксация и префиксально-суффиксальный способ словообразования не встретились в отобранном для исследования материале.

Сложение оказалось не очень продуктивным для выбранного материала способом образования новых терминологических единиц. Встретились следующие примеры:

Правомерный, правообладатель, ядохимикаты и нек. др.

Были обнаружены и единичные примеры и разновидности сложения – **суффиксально-сложного способа словообразования**: *правосудие, самоубийство*, и др.

Сращение и аббревиация в собранном материале также представлены не были.

Результаты проведенного распределения исследуемых однословных терминов по способам словообразования соответствует описанному в теоретической части работы мнению С.П.Хижняка о наиболее продуктивных словообразовательных моделях применительно к юридической терминологии.

Самым продуктивным способом морфологического словообразования остаётся суффиксация (вместе с её разновидностью – нулевой суффиксацией). На втором месте – префиксальный способ словообразования. Другие способы словообразования были представлены единично или не были представлены вовсе.

При этом распределение анализируемых терминов по наиболее продуктивным моделям позволяет нам сделать вывод о том, что приоритетную роль играет образование существительных с абстрактным значением, при этом наиболее продуктивным является образование таких существительных от глаголов. Это объясняется тем, что уголовное

право действительно часто описывает понятия, которые представляют собой результат каких-либо действий или бездействия.

На основании этого мы можем утверждать, что в исследуемом уголовно-правовом терминологическом материале отмечаются как тенденции, свойственные терминологии в целом (напр., приоритетная значимость образования существительных с абстрактным значением), так и черты, свойственные именно юридической терминологии (большая степень системности словообразовательных средств и устойчивое соотношение словообразовательных типов и словообразовательных значений формантов, приоритетная роль глагольных мотивирующих основ, обусловленная необходимостью обозначения опредмеченных действий, агентов и адресатов действий, а также предметов и понятий, характеризующихся действием).

2.2.1.2 Заимствованные однословные термины. Языки-источники заимствования

Процесс заимствования иноязычных лексем в русскую правовую терминологию стал относительно заметным лишь в XVII веке, когда постепенно «входит в моду» латинский язык. В этот период латинская юридическая терминология начинает влиять на исконную терминологическую лексику. Большое значение имеет также появление в 1624 году словаря «Лексикон латинский».

Расширение контактов с носителями западноевропейских, а также западославянских языков также оказало определённое влияние на правовую терминологию в этот период. Многие термины были заимствованы в русский язык через посредство, например, польского языка. Влияние определенных исторических условий привело к тому, что создалась такая языковая ситуация, которая не могла не затронуть деловых и правовых документов (Хижняк, 1997: 80-81).

Немногочисленные иноязычные по происхождению однословные термины представлены в нашем исследовании заимствованиями из следующих языков:

- из **латинского** (около половины всех заимствованных терминов):

аборт, арест, аффект, дезертирство, диверсия, дискриминация, иммунитет, кредит, лицензия, нотариус, плагиат, проституция, референдум, рецидив, санкция, симуляция, терроризм, фальсификация и др.

- из **греческого** (лишь отдельные термины):

амнистия, пиратство, эпидемия и нек. др.

Примечательны два примера, которые представляют собой лексемы, словообразовательные форманты которых были заимствованы из разных языков.

- обычно это **греческий и латынь**:

геноцид (от греч. γένος — род, племя и лат. *caedo* — убиваю) и *экоцид* (от греч. οίκος — дом и лат. *caedo* — убиваю) .

Встречаются также отдельные примеры заимствований из других западноевропейских языков.

- из **английского**:

контрафактный, митинг, хулиганство и др.;

- из **итальянского**:

контрабанда;

- из **немецкого**:

бандитизм, рынок, штраф и нек.др.;

- из **французского**:

вандализм, патрулирование, пикетирование, садизм и др.

2.2.1.3 Способы адаптации заимствованных терминов в русском языке

Заимствование¹ и калькирование² рассматриваются многими исследователями как один из ведущих способов образования новых терминов в языке. Одним из ключевых признаков заимствования юридической терминологии является преемственность или влияние правовых идей других народов.

---

¹ Под термином «заимствование» мы будем понимать процесс перехода лексических единиц из одного языка в другой в результате взаимодействия этих языков, а также сами эти лексические единицы.

² Под термином «калькирование» мы понимаем разновидность заимствования, при котором из одного языка в другой перенимается не внешняя форма, а внутренняя структура лексической единицы.

Проанализировав обнаруженные в тексте УК РФ однословные заимствованные термины, мы можем сказать, что все они представляют собой ассимилированные лексемы, многие из которых являются фактически дериватами, образованными от заимствованного слова по словообразовательным моделям русского языка.

Такие термины в данной работе мы также относим к заимствованным, поскольку их иноязычная природа и интернациональный характер влияют как на их семантику, так и на их употребительность и за пределами текста закона.

Несмотря на то, что практически все термины были заимствованы в русский язык давно и уже успели полностью ассимилироваться в языке, войдя в его грамматическую и словообразовательную системы, мы можем разделить их на несколько видов адаптированных терминов:

1. **Полное межуровневое заимствование** – слово полностью соответствует графике, фонетике, семантике, морфологии и синтаксису принимающего языка.

К таким словам относится большинство латинских и греческих заимствований: *дискриминация, иммунитет, кредит, лицензия, нотариус, плагиат, симуляция* и др.

При этом часто определённым иноязычным словообразовательным формантам соответствуют совершенно определённые словообразовательные форманты русского языка:

- лат. *simula-tio* – «видимость, притворство» - рус. *симуля-ция*;
лат. *provoca-tio* – «вызов» - рус. *провока-ция*;
- лат. *-caedo* - «убивать» - рус. *гено-цид*, *эко-цид*;

Эта группа терминов самая обширная. Все термины, включённые в неё, полностью ассимилировались на всех уровнях языка – они получили закреплённый за ними графический облик, фонетически адаптировались к звуковой и орфоэпической системе русского языка, они, как правило, имеют полный набор грамматических форм и на синтаксическом уровне функционируют наравне с исконными по происхождению словами.

Однако такие термины сохраняют внешние признаки заимствованных лексем: например, флексии типа **–(ц)ия** (*лицензия, дискриминация, симуляция* и др.), **–ус**

(*нотариус* и др.); многие из них являются «интернационализмами»¹ и известны не только в русском языке (*дискриминация, плагиат, иммунитет* и др.).

Иными словами, все заимствованные термины, так или иначе, распознаются носителями языка как иноязычные по происхождению лексемы. Можно предположить, что такие лексемы отличаются максимальной терминологичностью (т.е. наиболее полно соответствуют требованиям к «идеальному» термину, описанным, в частности, Д. Милославской), а также – по причине отсутствия у них синонимов и относятся к межстилевой, нейтральной в эмоционально-экспрессивном отношении лексике (Милославская, 2000: 103).

Однако подробнее вопросом соответствия юридических терминов предъявляемым к ним требованиям (в частности – требованиям к их семантике) мы занимаемся в одной из следующих глав нашего диссертационного исследования.

2. Термины, образованные от заимствованной основы с использованием словообразовательных элементов, свойственных русскому языку.

Таковыми примерами могут быть термины: *недекларирование* (← *декларирование* ← *декларировать* ← *декларация*), *банкротство* (← *банкрот*), *дезертирство* (← *дезертир*), *пиратство* (← *пират*), *терроризм* (← *террор*) и др.

Следует отметить, что лексемы, которые послужили производящими основами для образования того или иного из анализируемых терминов, сами также являются терминами. Они не присутствуют непосредственно в тексте УК РФ, поэтому формально лежат за пределами нашего исследования. Однако связь с ними очевидна для любого носителя языка. Для понимания производного термина необходимо знание и термина, от которого он был образован.

Способность заимствованного термина становиться словообразовательной базой означает, как кажется, ещё большую степень «освоения» его языком и носителями

---

¹ Под «интернационализмами» в данной работе мы понимаем общеупотребительные слова из области науки, политики, культуры, искусства, известные не только в русском, но и в других мировых языках.

принимающего языка. Слово становится частью словообразовательных гнёзд, обогащает язык новыми лексемами и открывает новые деривационные возможности. Ведь каждое из производных слов может затем становиться (и часто становится) мотивирующей основой для новых дериватов.

Распределение образованных в принимающем (русском) языке от заимствованных мотивирующих основ терминов по способам словообразования выглядело следующим образом:

1. Деривация

а. **Суффиксация** – также оказалась самым частотным способом образования терминов от заимствованных основ (как и для исконных терминов-универбов – см. раздел 2.1.1). При этом выделились сходные словообразовательные типы:

- i. **–изм**: *бандит-изм, вандал-изм, сад-изм, террор-изм* и др.;
- ii. **–ств-о**: *банкрот-ств-о, пират-ств-о, хулиган-ств-о* и др.;
- iii. **–ни(j)-е // –ени(j)-е**: *патрулирова-ни(j)-е, пикерирова-ни(j)-е* и др.;
- iv. **–ость** (оказался характерным только для калек – о них см. пункт 3 этого раздела): *вменяем-ость, трудоспособн-ость*.

б. **Префиксация** встретила лишь в одном примере:

- *недекларирование*.

Другие способы морфологического словообразования в анализируемом материале не были представлены.

3. **Кальки** – особый вид заимствования, при котором заимствуется не внешняя оболочка, а внутренняя форма слова. По дефиниции, предлагаемой Д. Э. Розенталем и коллективом, калькирование представляет собой «построение лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка путем точного перевода их значимых частей». В данной работе мы будем говорить о так наз. лексических кальках, которые «возникают в

результате буквального перевода на русский язык иноязычного слова по частям: приставки, корня, суффикса при точном повторении способа его образования и значения» (Розенталь, Голуб, Теленкова, 2002: <http://www.classes.ru/> , 08.02.2013).

Таких примеров в УК РФ встретилось немного. К ним относятся слова, составленные с помощью славянских словообразовательных формантов, такие как, например: *вменяемость* (← фр. *imputabilité* ← лат. *imputabilitas*), *обстоятельство* (← нем. *Umstand* или ← франц. *circonstance*, которые передают лат. *circumstantia*).

Рассмотрим один из примеров подробнее:

Исконные по своему происхождению словообразовательные форманты слова *в-меня-ем-ость* являются переводом соответствующих словообразовательных элементов французского термина *imputabilité* и его латинского прототипа *imputabilitas*.

- Префикс *im-* является вариантом префикса *in-* (общего для романских языков), который употребляется перед губными согласными. Его точным переводом служит префикс *в-*.
- Корень *-put-* в латинском языке является связанным с этой приставкой и встречается в глаголе *imputare* – «вменять».
- Суффикс *-abili-* перешёл из латинского языка во многие современные романские и германские языки и выражает «способность к чему-либо» (ср. англ. *read-able* «чита-ем-ый», фр. *réalis-able* «реализу-ем-ый; такой, который можно реализовать» и др.). В русском языке аналогичное значение пассивной способности выполняет, в частности, суффикс *-ем-*.
- Латинская флексия *-as*, точно передаваемая французским «аналогом» *-té*, обладает не только абстрактным значением, но и является характерным признаком женского рода. В русском языке аналогичное лексическое и грамматическое значение несёт в себе суффикс абстрактных существительных *-ость*.

Мы считаем также, что к калькам можно отнести и термин *трудоспособность* (← нем. *Arbeitsfähigkeit*), т.к. словообразовательные форманты, из которых состоит русский термин *трудоспособность*, являются точными переводами соответствующих

формантов немецкого слова *Arbeitsfähigkeit* (*Arbeit* – «*работа, труд*»; *fähig* – «*способный*»; *-keit* – суффикс абстрактных существительных женского рода, аналогичный русскому суффиксу *-ость*).

Таким образом, термин, формально состоящий из исконных по происхождению элементов, на самом деле представляет собой один из видов заимствования – кальки.

2.2.2 Анализ составных терминов УК РФ с точки зрения их состава и структуры

Большая часть терминов УК РФ, отобранных для анализа, представляет собой термины составные (состоящие из двух или более лексем). С. П. Хижняк называет их «терминами-словосочетаниями» (Хижняк, 1997: 25). Составные термины автор также считает результатом особого способа терминообразования, что соответствует синтаксическому способу образования новых терминов в терминологии Б. Поштолковой (Poštoľková, 1983: 36-53).

Во многих работах по терминологии авторами отмечается особая важность словосочетаний в формировании терминологии вообще и юридической терминологии, в частности. В нашем материале термины-словосочетания в уголовно-правовой терминологии составили около 70% всех терминов, отобранных для анализа.

С. П. Хижняк утверждает, что полилексемные термины использовались в правовой терминологии уже в периоды её зарождения, причем модели, по которым они образовывались, были довольно разнообразными. При этом автор говорит о том, что характер моделей терминов-словосочетаний был практически неизменным во все периоды развития юридической терминологии. Были лишь некоторые изменения в их продуктивности в разные периоды времени, но это уже объясняется скорее лингвистическими факторами, развитием языковой системы как таковой, нежели изменениями в правовой мысли (Хижняк, 1997: 100-101).

В нашем материале соотношение полилексемных терминов по признаку сложности их структуры выглядело так:

68% (около 240 единиц) от общего числа всех терминов-словосочетаний составили термины, **состоящие из двух слов.**

Это такие 2-компонентные сочетания, как, например: *аналогия закона, антиобщественные действия, субъективное вменение, возмещение ущерба, деятельное раскаяние, исправительное учреждение, назначение наказания, незаконная миграция, огнестрельное оружие, ограничение свободы, охраняемые интересы, преднамеренное банкротство, принцип вины, рецидив преступлений, совершение деяния, тайна усыновления, уголовная ответственность, угроза жизни, фактическое отбывание, эксцесс исполнителя, ядовитое вещество* и др.

28% (98 единиц) от общего числа исследуемых терминов-словосочетаний составили **сочетания из трёх слов**. Отметим, что к таковым мы относили и сочетания, содержащие в своём составе, помимо трёх знаменательных лексем, предлоги, а также – словосочетания типа *международный договор Российской Федерации* (мы считаем сочетание *Российская Федерация* цельным компонентом, синонимичным слову *Россия*), а также сочетания типа *меры уголовно-правового характера* (компонент *уголовно-правовой* считаем одним словом).

Примерами таких терминов-словосочетаний могут быть следующие выражения: *время совершения преступления, выдача государственной тайны, заведомо ложное показание, насильственное удержание власти, ненадлежащее исполнение обязанностей, орудие совершения преступления, отмывание денежных средств, постоянно проживающее лицо, пределы необходимой обороны, содействовать совершению преступления, экологически опасные отходы* и др.

Около 3% (11 сочетаний) составили **термины-словосочетания, состоящие из четырёх компонентов**.

В этой группе можно привести следующие примеры: *оставление погибающего военного корабля, принудительные меры медицинского характера* и др.

Сочетания с пятью и более лексемами в составе в общей сложности **не составили и 1 % (всего 3 термина)**.

Это такие термины, как: *угроза причинением тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью*.

С точки зрения структуры термины-словосочетания были представлены следующими конструкциями:

Двусловные:

Прилагательное + существительное – 132 словосочетания, среди которых такие, как: *антиобщественные действия, взрывное устройство, вооружённый конфликт, государственная измена, государственная тайна, деятельное раскаяние, должностное лицо, массовые беспорядки, незаконная миграция, общественная опасность, предварительный сговор, рабский труд, служебный подлог, погашенная судимость, умышленное преступление, условное осуждение, экстремистская деятельность, ядовитое вещество* и др.

К этой группе можно также отнести несколько примеров употребления **причастия с существительным**, т.к. причастия здесь выполняют те же, атрибутивные, функции, что и прилагательные в конструкции прилагательное + существительное. Это следующие три примера: *охраняемые интересы, психотравмирующая ситуация, смягчающие обстоятельства*.

Существительное + существительное – эта модель в исследуемом материале представлена 102 словосочетаниями, среди которых, например, такие, как: *аналогия закона, возмещение ущерба, задержание подозреваемого, изменение границы, лишение свободы, неприкосновенность жилища, отчуждение имущества, похищение человека, преступность деяния, рецидив преступлений, срок давности, соучастник преступления, субъект преступления, форма вины* и др.

Как мы видим, чаще всего эта структурная модель представлена сочетанием существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже без предлога.

Модель **глагол + существительное** была представлена только пятью словосочетаниями: *отбывать наказание, объявить предупреждение, применять меры, уклоняться от суда, усиливать наказание*.

Словосочетания, **состоящие из трёх и более компонентов**, были представлены большим разнообразием моделей, а каждая модель – в свою очередь – меньшим

количеством примеров. Это значит, что можно предположить, что в силу меньшей продуктивности терминологических сочетаний, состоящих из трёх и более слов, эти группы менее системны, более разнообразны в своих языковых вариантах воплощения. Однако существуют некоторые структурные закономерности:

Прилагательное + прилагательное + существительное – эта модель была представлена пятью примерами: *открытое водное пространство, открытое воздушное пространство, поддельные кредитные карты, поддельные расчетные карты, поддельные ценные бумаги.*

При этом все эти примеры представляют собой конструкцию, в которой сочетание второго прилагательного и существительного (*кредитные карты, воздушное пространство, ценные бумаги*) представляет собой одну номинативную единицу, к которой относится дополнительный атрибут: *поддельные, открытое* и т.д. Таким образом, такие сочетания можно считать структурной разновидностью самой многочисленной группы и продуктивной модели – прилагательное + существительное.

Несколько более продуктивной оказалась модель **прилагательное + существительное + существительное**. Она представлена восемнадцатью примерами. Приведем некоторые из них: *пожизненное лишение свободы, насильственное удержание власти, незаконное лишение свободы, неотбытая часть наказания, обратная сила закона, публичное оправдание терроризма* и др.

Здесь также очевидно то, что каждое из этих терминологических сочетаний – по своей сути – представляет собой основу, представленную словосочетанием, образованным по модели существительное + существительное (*лишение свободы, оправдание терроризма, сила закона, удержание власти* и др.), распространённую неким признаком, выраженным прилагательным (*пожизненное, добровольный, публичное, обратная, насильственное* и др.). Поэтому эту модель также можно считать разновидностью самой продуктивной модели – прилагательное + существительное.

Однако важно отметить, что сами по себе сочетания, которые мы назвали основой, единым номинативным сочетанием (будь то модель прилагательное + существительное или существительное + существительное) не являются юридическими терминами в том понимании этого явления, которое мы приняли для себя в этой работе и обозначили в теоретической части работы, а также в начале этой главы.

Словосочетание *лишение свободы* в уголовном праве всегда распространено каким-либо атрибутом: *пожизненное лишение свободы* или же – *лишение свободы на X лет*.

Терминологическое сочетание *сила закона* употребляется только в связанном сочетании *обратная сила закона* (можно сказать, что в юридической доктрине подразумевается также *прямая сила закона*, однако это сочетание не употребляется нигде в законах или юридической литературе).

Сочетания *кредитные карты* и *ценные бумаги* имеют терминологическое значение, однако являются терминами финансового права.

Модель **наречие + прилагательное + существительное** (с разновидностью **наречие + причастие + существительное**) встречается в 12 случаях, например, таких, как: *заведомо ложный донос, общественно опасное бездействие, особо крупный размер, особо тяжкие преступления, постоянно проживающее лицо* и др. Наиболее часто встречающимися наречиями в данном случае являются *степень проявления признака особо*, *признак признака заведомо, постоянно*. В этих примерах наречие уточняет способ реализации признака, названного прилагательным. Терминологические сочетания *общественно опасное действие, общественно опасное бездействие, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия* выражают общественную опасность того или иного события / явления. В данном случае эти терминологические сочетания восходят к уголовно-правовому термину *общественная опасность* и выражают его в виде характеристики действия, бездействия или последствий.

Конструкции с глаголом в качестве одного из компонентов малочисленны, они представлены такими моделями, как **глагол + существительное + существительное** (*склонять к совершению преступления, содействовать совершению преступления, уклоняться от исполнения обязанностей*), **глагол + прилагательное + существительное** (*нарушать общественный порядок, подлежать уголовной ответственности*).

Единичными были также случаи формирования терминов по моделям, **состоящим из четырёх и более слов**. Это такие конструкции, как:

Прилагательное + существительное + прилагательное + существительное:

насильственное изменение конституционного строя, насильственное действие сексуального характера и др.

Разновидностью этой модели можно считать конструкции типа **прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (+ существительное):** *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.*

Приведённые выше примеры терминологических словосочетаний, состоящих из четырёх и более единиц, на первый взгляд, также могут показаться соединением структурно более простых терминологических словосочетаний. Однако мы будем их считать едиными цельными терминами, потому что именно в таком виде они выполняют свою терминологическую функцию (а именно – являются наименованием того или иного состава преступления).

Известно, что для выражения атрибутивных отношений в русском языке наиболее распространённой является конструкция *существительное + прилагательное* или *существительное + существительное в беспредложном родительном падеже* (Виноградов, Шведова, 1964: 128). Естественно, что и в терминологии этот тип конструкции оказался доминирующим. С. П. Хижняк, проследившая историю развития продуктивности структурных моделей юридической терминологии в диахроническом аспекте, утверждает, что характер моделей полилексемных терминов был практически одинаковым во все периоды развития юридической терминологии. Изменения в их продуктивности наблюдаются, но являются мало значительными и объясняются воздействием лингвистических факторов (Хижняк, 1997: 101).

Количество полилексемных терминов увеличилось в XIV-XVII вв., при одновременном увеличении продуктивности модели «существительное + существительное в беспредложном родительном падеже». По этой модели образовывались, в частности, термины, обозначающие преступные деяния (напр., *подделка товаров*). Активизацию данной модели он объясняет следующими причинами: 1) её способностью наполняться разнообразными пластами лексики; 2) сужением употребления притяжательных прилагательных; 3) изменением падежной формы управляемого объекта при переходе от глагольного сочетания к именному (Насонова, 1973: 170; цит. по: Хижняк, 1997: 101-102). Последний фактор, как кажется, играет решающую роль для юридической

терминологии, потому как именно он является одним из средств выражения терминологичности – «постепенного изменения состава терминов в сторону увеличения единиц, представленных существительными и субстантивными словосочетаниями» (Там же: 102).

Мы считаем эту тенденцию справедливой и для уголовно-правовой терминологии, т.к. в этой области часто от термина требуется лаконичное и концентрированное наименование действия, совершённого над каким-либо объектом. Текст уголовного закона ставит своей задачей это действие описывать и классифицировать, следовательно – необходим удобный термин. Субстантивные сочетания служат этой цели наилучшим образом.

Различные предложные конструкции, а также конструкции из трёх и более слов развивались в более поздние периоды (XVIII-XXвв.). Многие исследователи связывают это с увеличивающейся гибкостью и сложностью системы словосочетаний русского языка, при том, что в развитии системы словосочетаний к концу этого периода начинает действовать «тенденция к обогащению и разветвлению» (Шведова, 1966: 6).

Наиболее продуктивной моделью образования составных терминов во все периоды развития юридической терминологии было сочетание прилагательного с существительным, что характерно и для многих других терминосистем. Справедливо это, в частности, и для уголовно-правовой терминологии. Вслед за С. П. Хижняком, мы склонны связывать её широкую распространённость с тем фактом, что в юридической терминологии возможность существительных обозначать разнообразный круг понятий ограничена внешними свойствами объектов действительности, т. е. системообразующими факторами. А атрибутивный компонент полилексемных конструкций, представленных, как правило, относительными прилагательными, представляет неограниченно широкие возможности называть разнообразные явления данной понятийной области, ограниченной относительно замкнутой системой универбов.

В юридической терминологии с самого начала её формирования была более заметна роль именно относительных прилагательных. Это особенно чётко прослеживается в уголовном праве, потому что, если конструкции с притяжательными прилагательными чаще употреблялись для обозначения отношений собственности или родства, то именно относительные непритяжательные прилагательные были способны выразить в

составе полилексемного термина различные отношения, чаще всего – названия преступлений (*государственная измена, коммерческий подкуп, необоснованное увольнение, физическое принуждение и др.*), субъектов и объектов преступлений (*должностное лицо, законный представитель и др.*), обстоятельств совершения преступлений (*испытательный срок, особая жестокость, крайняя необходимость и др.*), последствий их совершения (*исправительные работы, уголовная ответственность и др.*) и других отношений.

Как мы уже отметили, второе место по продуктивности и распространённости занимает конструкция с родительным падежом. Частотность прилагательных и существительных в терминологии вообще, и в юридической и уголовно-правовой терминологии в частности, по мнению С. П. Хижняка, связана, прежде всего, с тем, что они являются генетически более ранними образованиями в языке как таковом, а также тем, что атрибутивное отношение, присущее составным формантам, наилучшим образом передаётся не только прилагательными, но и «приименным генитивом», который употребляется в сходных с прилагательным функциях (Хижняк, 1997: 105).

Глаголы терминологизируются, как правило, в сочетаниях с существительными, поэтому глаголы отсутствуют в разделе, посвящённом однокомпонентным формантам. Терминологические сочетания, имеющие в своём составе глагол, как правило, являются двух- или трёхкомпонентными (*отбывать наказание, применять меры, уклоняться от суда, нарушать общественный порядок, уклоняться от исполнения обязанностей и др.*). В данном случае позволим себе не согласиться с С. П. Хижняком, который утверждает, что глагол в терминологических сочетаниях, как правило, имеет также атрибутивную функцию. Вероятно, это справедливо для юридической терминологии в целом, и приведённые им примеры это подтверждают (*право производить информацию, право иметь религиозные убеждения и др.*). Однако это не подтверждается нашим материалом, извлеченным из текста русского уголовного закона. В наших примерах, приведенных выше, как раз атрибутивные сочетания прилагательного и существительного (*общественный порядок, исполнение обязанностей и др.*) выполняют объектную функцию, а глагол выражает действие по отношению к этому объекту. Очевидно, это является спецификой именно уголовно-правовой терминологии, призванной отражать, в частности, правомерные и неправомерные действия над теми или иными объектами.

Наречия как форманты составных юридических терминов появились довольно поздно – в XIX в. В качестве наиболее распространённых С. П. Хижняк приводит наречия *особо* и *заведомо*, которые приносят значение усиления оценки признака. Это полностью подтверждается нашим материалом, что говорит о том, что этот малочисленный вид составных терминов представлен в юридической терминологии прежде всего именно уголовно-правовыми терминами-словосочетаниями (*заведомо незаконный приказ, заведомо ложный донос, особо крупный размер, особо опасный рецидив и др.*)

Таким образом, продуктивность тех или иных частей речи в качестве формантов полилексемных терминов по своим функциям в терминологическом ключе различна. Она зависит от целого ряда лингвистических факторов: продуктивности частей речи в образовании субстантивных словосочетаний, их способности выражать разнообразные релевантные для данной сферы знаний и деятельности отношения между базовым термином и формантом. При этом характер терминологичности разных частей речи неодинаков. Основной массив формантов представлен именами прилагательными и именами существительными в косвенных падежах при ведущей роли конструкции с родительным падежом. Глаголы, хотя и представлены в составных терминах в качестве компонентов, играют менее важную роль в образовании составных наименований. Ещё менее существенна роль наречий - несмотря на то, что они представляют собой средство выражения одного из системообразующих факторов – оценочности. Это, очевидно, связано с тем, что хотя оценка и является свойством многих юридических терминов, однако она выражается очень ограниченным кругом формантов. Особенно это справедливо для уголовного законодательства, стремящегося избежать неоднозначных или субъективных трактовок.

2.3 Анализ терминов Уголовного кодекса Чешской Республики (*Trestní Zákoník České Republiky*) с точки зрения их состава и происхождения

В соответствии с названными выше критериями из текста Уголовного кодекса Чешской Республики было извлечено 433 термина и терминологических сочетания. Из них 75 единиц представляют собой однословные терминологические единицы, а 367 – термины-словосочетания, состоящие из двух, трёх и более лексических единиц.

2.3.1 Анализ однословных терминов Уголовного кодекса Чешской Республики (*Trestní Zákoník České Republiky*) с точки зрения их состава и происхождения

Однословные термины составили в чешском материале менее 20% всех терминов (в русском материале – это количество приближалось к 30%), а именно – 75 однословных терминологических единиц.

Это такие слова, как, например: *diskriminace, nedbalost, nepřičetnost, pachatel, podvod, prostituce, přečin, přičetnost, rvačka, sabotáž, účastník, újma, usmrcení, zběhnutí, zločin, zpronevěra* и др.

Большинство однословных терминов представляет собой исконные по происхождению лексемы. Исконных по происхождению однословных терминов обнаружено 68, в то время как заимствованных – только 7. Это соотношение является гораздо более контрастным, чем аналогичное соотношение заимствованных и исконных терминов, выявленное на русском материале.

2.3.1.1 Исконные однословные термины

Как уже было сказано выше, абсолютное большинство (68 из 75 или примерно 90%) чешских однословных терминов являются исконными по своему происхождению.

Это такие термины как: *dohled, donucení, krádež, kuplířství, loupež, lichva, obydlí, opilství, podplacení, pomluva, přičetnost, škoda, trest, úmysl, věřitel, vlastizrada, vražda, vydírání, vyzvědačství, zabití, zatčení, znásilnění* и др.

Эти термины являются отражением ключевых понятий уголовного права. Тот факт, что закон содержит исконную лексическую единицу и использует именно её в качестве термина для отражения соответствующего юридического понятия говорит о том, что этот, центральный в смысловом отношении, пласт терминологии юридического закона

формировался в тот исторический период, когда влияние других систем права было минимальным. Уголовное право у большинства народов (и у славян – в частности) зарождалось одним из первых, а его основы (представления о наказуемости определённых деяний) кардинально с течением истории не менялись. Поэтому превалирование исконной лексики над заимствованной и сохранение древней славянской терминологии является объяснимым феноменом. Однако интересным представляется и тот факт, что чешский язык уголовного права претерпел, как видим, менее сильное влияние иноязычных терминосистем (а значит, и правовых систем), нежели русский.

Борьба чешских «будителей» в первой трети XIX века за национальное возрождение являет собой также великий пример успешной борьбы против засилья германизмов в литературном чешском языке, за чистоту чешского языка, за его славянское звучание (Маркова 2011: 404).

Более подробному сопоставлению исконных и заимствованных терминов в двух языках мы посвятим следующую часть этой главы (2.4).

Подобно тому, как мы анализировали русскоязычный материал, мы хотели бы рассмотреть и чешские исконные однословные термины с точки зрения способа словообразования с целью определить наиболее продуктивный способ в уголовно-правовой терминологии чешского языка и в дальнейшем сопоставить выводы с теми, которые были сделаны в части 2.1 относительно русской терминологии. В своей классификации мы будем опираться на способы словообразования и словообразовательные модели, приведенные в монографии М. Докулила «Tvoření slov v češtině» (Dokulil: 1962: 50-58, 1967: 13-125, 562-654 и др.), а также – на использованную в части 2.2 классификацию способов словообразования в соответствии с Русской Академической грамматикой (Русская Грамматика, 1980: 138-139).

Если говорить о способах морфологического терминообразования, лежащих в основе исконных по происхождению терминов, то можно наблюдать следующее распределение по способам и моделям словообразования:

1. Деривация:

- a. **Суффиксация.** Абсолютное большинство однословных исконных терминов из текста чешского уголовного закона было образовано именно

этим способом. Этот словообразовательный способ является наиболее типичным для образования имён существительных в чешском языке, поэтому его приоритет и в образовании терминов уголовного права представляется закономерным. В наших эксцерпциях встретилось 55 примеров суффиксального способа словообразования. При этом удалось выявить несколько наиболее продуктивных словообразовательных типов, типичных именно для нашего материала (Dokulil, 1962:68).

- i. **-n(i) // -t(i)** (со словообразовательным значением действия или результата действия): *donuce-n-í, tuče-n-í, nadřžová-n-í, opomenu-t-í, pleně-n-í, podplace-n-í, spolce-n-í, sroce-n-í, srozumě-n-í, usmrce-n-í, vloupá-n-í, vyhoště-n-í, vyhrožová-n-í, zatče-n-í, zavině-n-í, zběhnu-t-í, znásilně-n-í, zprotive-n-í* и некоторые другие. Часто именно такие существительные используются в тексте закона для обозначения преступного деяния.
- ii. **-stv(i) // -ctv(i)** (со словообразовательным значением действия, обладающего определённым признаком): *kuplíř-stv-í, podílnic-tv-í, pytlác-tv-í, účasten-stv-í, úplatkář-stv-í, výtržnic-tv-í, vyzvědač-stv-í* и некоторые другие. Мы считаем, что в нашем случае можно сузить словообразовательное значение таких терминов до значения «действие по его носителю», поскольку мотивирующей основой всех встретившихся примеров является наименование производителя действия (*kuplíř, pytlák, účastník, úplatkář, vyzvědač* и т.д.)
- iii. **-ost-ø** (со словообразовательным значением непроцессуального признака / опредмеченного признака): *nepříčetn-ost-ø, nedbal-ost-ø, protiprávn-ost-ø, příčetn-ost-ø, zákonn-ost-ø* и некоторые другие.
- iv. **-ník-ø, -tel-ø** (со значением производителя действия): *pomoc-ník-ø, účast-ník-ø, věři-tel-ø*, и некоторые другие.

Нулевая суффиксация (как разновидность суффиксального способа словообразования, являющаяся выражением значения опредмеченного действия) встретилась в единичных примерах: *únos, útisk, podvod* и т.п.

- b. **Префиксация**, хоть и является одним из самых продуктивных способов словообразования по М.Докулилу (Dokulil, 1962:51), в нашем материале встретилась единично – в единственном примере: *pře-čin*. Этот способ словообразования является типичным для образования глаголов (в частности – видовых пар), которые в терминологии уголовного права (и в юридической терминологии в целом) встречаются довольно редко.
- c. **Префиксально-суффиксальный** способ и **постфиксация** в нашем материале отсутствуют.
- d. **Сложение** как способ терминологического словообразования встретилось в нескольких следующих примерах: *spopupachatel*, *vlastizrada*, *zločin*.

Сращение и аббревиация в отобранном материале представлены не были.

Самым распространённым способом морфологического словообразования остаётся суффиксация (так же, как и в русском материале, сюда включена её разновидность – нулевая суффиксация). На втором месте – сложение основ. Другие способы словообразования были представлены единично или не были представлены вообще. В отличие от русского языка, префиксация среди способов образования исконных терминов-универбов была отмечена лишь в одном примере. В коллективной монографии «О české terminologii» (Poštolková a kol., 1983: 35) авторы, говоря о продуктивности различных видов морфологического терминоподобия, упоминают, что именно деривация и сложение основ являются самыми продуктивными способами образования терминов в технических областях знаний, и предполагают, что это справедливо для терминологии в принципе, то есть экстраполируют этот вывод и на другие области знаний. Наши данные позволяют подтвердить, что это применимо и к юридической терминологии, и к уголовно-правовой терминологии в частности.

Так же, как и на материале русских однословных незаимствованных терминов, распределение анализируемых чешских терминов-универбов по наиболее продуктивным моделям образования и наиболее часто встречающимся словообразовательным значениям позволяет нам сделать вывод о том, что приоритетную роль играет образование существительных с абстрактным значением, чаще всего – отглагольных. Понятия, обозначающие некое действие в виде его

результата или характеристики лица по совершаемому им действию, являются ядром уголовно-правового понятийного аппарата. Очень важными можно считать существительные с абстрактным значением признака, т.к. характеристика лица по его ключевому свойству играет важную роль в классификации деяния как преступного или решения вопроса о его наказуемости.

В родственных языках (например, в русском и чешском языках) словообразовательные способы и выражаемые ими словообразовательные значения сходны. Аналогичным выглядит и распределение выбранного материала по словообразовательным типам. Подробнее на сравнении используемых продуктивных словообразовательных формантах мы остановимся в части 2.4 настоящей главы.

2.3.1.2 Заимствованные однословные термины. Языки-источники заимствования

Заимствование – один из ключевых способов пополнения словарного состава любого языка. Область терминологии – не исключение. Заимствования часто обусловлены культурным, экономическим или политическим взаимодействием языковых коллективов, новые слова нередко приходят в язык с новыми понятиями и явлениями действительности. В терминологии заимствования – один из продуктивных способов обогащения терминологического состава, т.к. одним из требований к термину является «интернациональность», то есть – способность использоваться и функционировать в терминосистемах разных языков. В процессе использования большинство заимствований адаптируется и приспосабливается к системе языка-реципиента, его законам и правилам, включается в его словообразовательную систему в качестве словообразовательных основ или аффиксов (Příruční mluvnice češtiny, 1999: 100).

Немногочисленные однословные термины иностранного происхождения в нашем материале были представлены такими единицами, как: *apartheid, diskriminace, genocidium, prostituce, sabotáž, subsidiarita, teror*.

Основным источником заимствования является, конечно, **латинский язык**. Из него заимствовано четыре из семи терминов: *diskriminace, prostituce, subsidiarita, teror*.

В правовых системах романо-германской правовой семьи (в которую входят и чешская, и русская правовые системы) влияние римского права, а также латыни является

ключевым. Именно поэтому, хотя число заимствований в уголовном праве невелико, доминирующую роль среди языков-источников играет латынь.

Отличительными чертами Римского права являлись точность формулировок, простота и ясность, поэтому оно рецептировалось в страны Европы. Большинство римских юридических терминов дошло до наших дней, став достоянием многих современных законодательных систем. Латинизмы были заимствованы в различные языки не только при непосредственном контакте с самой латынью (например, в учебных заведениях), но и при посредстве других языков. Во многих европейских государствах до XII века латынь была языком литературы, науки, официальных бумаг и религии. И позднее на латинском языке защищались диссертации и велась переписка с иностранными специалистами. Всё это способствовало созданию интернационального фонда научной терминологии.

В настоящее время западноевропейские (в основном, романские и германские) языки используют латинские юридические термины практически без изменения их орфографической структуры.

В иных языках (в частности, в славянских) процент латинских терминов и фраз, оставленных в их исконном написании, менее внушительен. Право как общественный институт (и уголовное право как одна из ключевых отраслей) формировалось у славян в эпоху, когда межъязыковые контакты были минимальны.

Многие из латинских заимствований принадлежат к так называемой интернациональной лексике, то есть имеют близкое звучание и написание в языках многих народов, объединённых между собой общими чертами культурного и общественного развития.

Существует также термин, образованный от латинского и греческого корней: *genocidium* (от греч. γένος — род, племя и лат. *caedo* — убиваю).

Единичны примеры заимствования из **французского языка** – *sabotáž*; есть также уникальный случай заимствования из **нидерландского языка** (по некоторым источникам – производного от него языка **африкаанс**) – термин *apartheid*.

2.3.1.3 Способы адаптации заимствованных терминов в чешском языке

Влияние иноязычных терминосистем в истории становления и развития права как отрасли человеческой деятельности связано с историческими периодами взаимодействия народов и культур. Адаптация заимствований в языке происходит по-разному. В области уголовно-правовой терминологии большинство заимствований (на сегодняшний день) представляет собой в настоящее время адаптированные наименования, занимающие полноправное место в системе национального языка.

Несмотря на то, что заимствованных терминов в исследуемом материале встретилось довольно мало и все они вошли в языковую систему чешского языка и терминосистему чешского уголовного права довольно давно, нам удалось выделить и классифицировать некоторые типы адаптации заимствований:

1. **Полное межуровневое заимствование** – слово «согласуется» с графикой, фонетикой, семантикой, морфологией и синтаксисом принимающего языка.

К таким словам относятся латинские заимствования: *diskriminace, prostituce, teror* и др.

При этом, аналогично тому, как мы это наблюдали на русском материале, обычно конкретным иноязычным словообразовательным формантам соответствуют совершенно определённые словообразовательные форманты чешского языка, которые, в свою очередь, являются языковыми «маркерами» принадлежности слов к тому или иному типу склонения:

- лат. *prostitu-tio* – «публичное выставление, продажа себя» - чеш. *prostitu-ce*;
лат. *diskrimina-tio* – «различение» - чеш. *diskrimina-ce*;

Некоторые из адаптированных терминов сохраняют, на наш взгляд, более явно выраженные иноязычные форманты. Это такие термины, как, например, *sabotáž* (*фр.*) или *genocidium* (*греч.+лат.*). Их словообразовательные суффиксы также уже являются частью словообразовательной системы чешского языка и одновременно служат показателями определённых типов склонения. Однако данные суффиксы широко известны как показатели иноязычных заимствований.

2. **Заимствование с сохранением орфографии языка-источника.**

К этой группе мы бы хотели отнести единственное заимствование из нидерландского языка (по некоторым источникам – из языка африкаанс) –

термин *apartheid*. Нетипичное для чешского языка сочетание согласных *-th-* на стыке морфем сохраняется в орфографии, но никак не отражается в фонетическом облике слова. Это является особенностью чешского языка в отличие от русского – язык заимствует слово в исконной орфографической форме и довольно долгое время сохраняет орфографию языка-источника. В русском языке подобная стадия адаптации заимствования также существует, однако различия графических систем заставляют носителей языка быстрее приспособить графическую форму слова при его адаптации в языке.

Калькирование, а также **образование новых слов от иноязычных основ** в собранном нами материале не было представлено.

2.3.2 Анализ составных терминов Чешского Уголовного кодекса (Trestní Zákoník ČR) с точки зрения их состава и структуры

Большинство терминологических единиц чешского уголовного закона представляет собой терминологические сочетания. Это сочетания двух или более слов, имеющее одно терминологическое значение, то есть представляющие цельные, единые юридические понятия.

Всего было обнаружено 367 терминологических словосочетаний, среди которых такие, как, например: *beztrestnost agenta, brání rukojmí, doba výkonu trestu, duševní porucha, hanobení lidských ostatků, hranice výše prospěchu, hrozivá tíseň, hrubá nedbalost, krajní nouze, křivé obvinění, křivé tlumočení, maření výkonu úředního rozhodnutí, míra zavinění, nedbalostní trestný čin, nepřekažení trestného činu, odnětí svobody, odsuzující rozsudek, ochranné léčení, omezování osobní svobody, osvobození vězně, padělání peněz, peněžitý trest, přijetí úplatku, přitěžující okolnost, rozvrácení republiky, šíření nakažlivé lidské nemoci, škoda velkého rozsahu, těžká újma na zdraví, trestná součinnost, trestní sankce, trestný čin proti svobodě, trestný čin proti životu, účinná lítost, úmyslný trestný čin, útok proti lidskosti, válečná zrada, výkon trestu, vyloučení z promlčení, zabepečovací detence, zkušební doba podmíněného zastavení trestného stíhání, zmenšená přičetnost, zvlášť závažný zločin* и др.

В собранном нами материале соотношение полилексемных терминов выглядело следующим образом:

Более **50% (188 единиц)** всех терминов составили термины-словосочетания, состоящие **из двух слов**. Оговоримся, что к таким словосочетаниям мы отнесли, например, *území České Republiky*, считая сочетание *Česká Republika* единым неделимым цельным компонентом.

Это такие сочетания, как: *domácí vězení, dvojí manželství, hanobení národa, kruté zacházení, křivá výpověď, míra zavinění, nelidské zacházení, neoprávněné podnikání, nepodmíněný trest, nutná obrana, ohrožování zdraví, ochranná výchova, omluvitelná pohnutka, opuštění dítěte, perzekuce obyvatelstva, pohlavní zneužití, právní omyl, přípustné riziko, skutková podstata, společný trest, teroristický útok, trestní sankce, trestný čin, úhrnný trest, únos dítěte, válečný zločin, výjimečný trest, výše škody, zmaření trestu* и др.

Около **28% (106 терминов-словосочетаний)** составили терминологические единицы, состоящие **из трёх слов**.

Примерами могут служить следующие сочетания: *dokonání trestného činu, hanobení lidských ostatků, hranice výše škody, maření průběhu voleb, nedbalostný trestný čin, neoznámení trestného činu, nepravdivá lékařská zpráva, obecně prospěšné práce, ohrožení životního prostředí, omezování svobody vyznání, oprávněné použití zbraně, organizovaná zločinecká skupina, pokračování v trestném činu, pokus trestného činu, promlčení výkonu trestu, přiměřenost trestních sankcí, schvalování trestného činu, škoda velkého rozsahu, těžká újma na zdraví, vydání vojáků nepříteli, započítání vazby a trestu, zvláště závažný zločin* и др.

Примерно **14% (50 словосочетаний)** заняли полилексемные термины, состоящие **из четырёх слов**.

Это такие термины, как: *člen organizované zločinecké skupiny, hanobení etnické skupiny osob, maření výkonu úředního rozhodnutí, násilné překročení státní hranice, neoprávněné vypuštění znečišťujících látek, ohrožování morálního stavu vojáků, padělání díla výtvarného umění, spáchání trestného činu se zbraní, šíření nakažlivé lidské nemoci, účast na organizované zločinecké skupině, veřejné spáchání trestného činu* и др.

Немногим более **3% (12 единиц)** составили терминологические словосочетания, состоящие **из пяти лексем**. Это такие термины как, например, *timořádné snížení trestu odnětí svobody, surový způsob spáchání trestného činu, podmíněné odsouzení k trestu odnětí svobody, trestný čin proti bezpečnosti cizího státu, trýznivý způsob spáchání trestného činu, zvláště zavrženíhodný způsob provedení činu* и др.

Приблизительно 2% пришлось на долю полилексемных терминов, состоящих из шести и более единиц. Всего таких терминов встретилось 8, и мы посчитали возможным объединить их в одну группу ввиду их малочисленности.

К таким терминологическим сочетаниям можно отнести следующие примеры: *zkušební doba podmíněného zastavení trestného stíhání, trestný čin spáchaný ve prospěch organizované zločinecké skupiny, podmíněný odklad výkonu trestu odnětí svobody* и др.

Чешский материал предоставил нам возможность подтвердить мысль о том, что тенденция к многословным наименованиям преобладает и таких наименований в юридической и уголовно-правовой терминологии – абсолютное большинство. Двусловные наименования встречаются чаще других многословных, далее соотношение идёт по убыванию: с увеличением лексических формантов уменьшается количество таких терминов в тексте уголовного закона (Poštolková a kol, 1983: 19). Эту закономерность можно объяснить тем, что термины, состоящие из большего количества слов, называют более узкое, более специфичное понятие. Подробнее соотношением терминов и отражаемых ими понятий мы будем заниматься в следующей главе нашего исследования.

С точки зрения структуры чешские термины-словосочетания были представлены следующими конструкциями:

Двухсловные:

Прилагательное + существительное – сто одно словосочетание, среди которых такие, как: *domácí vězení, hrozivá tíseň, hrubá nedbalost, křivá výpověď, křivé obvinění, návyková látka, nelidské zacházení, nutná obrana, ochranný dohled, padělatelské náčiní, peněžitý trest, pohlavní zneužití, promlčecí doba, rozvrácení republiky, speciální subjekt, svémocné odloučení, trestní sankce, trestní represe, trestný čin, účinná lítost, válečná zrada, výjimečný trest, zmenšená přičetnost, značná škoda* и др.

К этой группе мы отнесли немногочисленные примеры употребления **причастия с существительным**, т.к. причастия здесь выполняют те же, атрибутивные, функции, что и прилагательные в конструкции прилагательное + существительное. Это следующие пять примеров: *odsuzující rozsudek, polehčující okolnost, přitěžující okolnost, zatýkací rozkaz, zněčišťující látka*. Представляется, что в данных конструкциях эти причастия можно считать адъективизированными, т.к. глагольная семантика в них видится нам

частично утраченной, развитие в причастный оборот не представляется возможным (напр., выражение типа *zatykáací pachatele rozkaz* – кажется нам невозможным ни языке как таковом, ни – тем более – в тексте закона), в то время как функция относительного признака в них является примарной. Чешская грамматическая традиция подтверждает нашу точку зрения, т.к. подобные слова в ней обозначаются не как причастия, а как отглагольные прилагательные («slovesná ajdektiva»).

Существительное + существительное – эта конструкция встретилась в семидесяти девяти словосочетаниях, среди которых, например, такие, как: *bezrestnost agenta, brání rukojmí, druh trestu, hanobení rasy, neodvedení daně, nezávislost soudu, obchodování s lidmi, odnětí svobody, ohrožování zdraví, opuštění dítěte, padělání peněz, páchání činu, pozměnění peněz, propadnutí majetku, přijetí úplatku, šíření pornografie, únos dítěte, výkon trestu, zahlazení odsouzení, zásada přiměřenosti, zproštění obžaloby* и др.

Аналогично тому, как это наблюдалось в русскоязычном материале, среди чешских терминов эта структурная модель чаще всего представлена сочетанием существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже без предлога, т.к. именно эта конструкция чаще всего используется в языке для выражения отношения предмета/действия/явления, названного первым компонентом (в Им.п.) к предмету/лицу/явлению, названному вторым компонентом (в Р.п.).

Однако встречаются также предложные конструкции типа: *násilí vůči nadřízenému, obchodování s lidmi, spolupráce s nepřitelem, zbabělost před nepřitelem* и др. Использование предложных конструкций не меняет сути этих терминологических сочетаний – они, так же, как и сочетания существительного в Им.п. с существительным в Р.п., выражают относительную связь между понятиями. Наличие предлога, вероятнее всего, обусловлено скорее языковыми законами чешского языка, нежели особенностью выражаемого смысла. Термины-сочетания типа *věznice s dohledem, věznice s dozorem, věznice s ostrahou* по своему значению ближе к атрибутивным сочетаниям.

Наречие + прилагательное – эта модель была представлена только одним сочетанием: *zmenšeně přičetný*.

Конструкция **наречие + глагол** – также была представлена только одним примером: *úmyslně usmrtit*.

Словосочетания, **состоящие из трёх и более компонентов**, были представлены **большим** разнообразием моделей, а каждая модель – в свою очередь – меньшим количеством примеров. Как мы уже отметили выше, продуктивность структурных моделей уменьшается с увеличением структурных формантов, при этом специфичность называемых понятий возрастает. Однако в распределении терминов по моделям образования есть определённые закономерности. Нам удалось выделить следующие группы:

Конструкция **существительное + прилагательное + существительное** стала самой продуктивной моделью образования трёхсловных терминологических сочетаний на чешском материале. В тексте закона встретилось сорок девять примеров таких сочетаний: *dokonání trestného činu, neoznámení trestného činu, ohrožení životního prostředí, padělání veřejné listiny, porušení mezinárodních sankcí, poškození životního prostředí, příprava útočné války, zánik trestní odpovědnosti, ztráta vojenské hodnosti* и др. В большинстве случаев первым структурным компонентом является отглагольное существительное, обозначающее результат какого-то действия или само действие в опредмеченной форме (*dokonání, ohrožení, padělání, porušení, poškození, příprava, zánik* и др.). Далее – словосочетанием, состоящим из прилагательного и существительного (*trestný čin, životní prostředí, mezinárodní sankce, útočná válka, trestní odpovědnost, vojenská hodnost* и др.), обозначен предмет, на который направлено названное действие. Часто – это целостные юридические понятия, такие как *trestný čin, mezinárodní sankce, trestní odpovědnost* и другие. И, несмотря на то, что сами по себе они также являются уголовно-правовыми терминами, в описываемых выше конструкциях мы склонны рассматривать их как составную часть трёхсловных терминологических сочетаний, т.к. они обозначают конкретные наказуемые деяния или их последствия (санкции).

Второй по частотности среди трёхсловных словосочетаний оказалась модель **существительное + существительное + существительное**. В исследуемом материале встретился двадцать один пример таких словосочетаний. Вот некоторые из них: *doba výkonu trestu, maření průběhu referenda, maření přípravy voleb, omezování svobody vyznání, promlčení výkonu trestu, stanovení výše škody, zánik trestnosti činu, zánik výkonu trestu* и др.

Большинство таких словосочетаний представляют собой – по сути – тоже сочетания с беспредложным родительным падежом (ср. двухсловные сочетания существительных), объединенные в трёхчленные словосочетания.

Прилагательное + прилагательное + существительное – эта модель была представлена одиннадцатью примерами: *dokonaný trestný čin, nepravdivá lékařská zpráva, nepravdivý zlaický posudek, organizovaná zločinecká skupina, vojenský trestný čin, úmyslný trestný čin* и др.

Аналогично соответствующим русским примерам, все конструкции этого типа представляют собой сочетания, в которых первое слово называет признак, присущий предмету или явлению, названному сочетанием прилагательного и существительного (*trestný čin, lékařská zpráva, znalecký posudek, zločinecká skupina*). Приведённые словосочетания представляют собой одну номинативную единицу, к которой относится дополнительный атрибут: *dokonaný, úmyslný, nepravdivá, organizovaná* и т.д. Таким образом, такие термины-словосочетания можно считать структурной разновидностью самой многочисленной группы и продуктивной модели среди двухсловных единиц – прилагательное + существительное. Однако мы предпочитаем выделять их в отдельный тип, потому что именно в таком виде они не просто часто встречаются в тексте закона, но и являются репрезентантами совершенно определённых юридических понятий. Это подтверждается также данными словарей, выделяющих эти единицы как отдельные цельные термины (Hendrych, 2009).

В отличие от русского материала, модель **прилагательное + существительное + существительное** в чешских эксцерпциях была представлена равным количеством примеров – одиннадцать единиц. Вот некоторые из них: *nedovolené přerušení těhotenství, neoprávněná výroba peněz, neoprávněné zaměstnávání cizinců* и др.

По аналогии с предыдущей группой, мы можем заключить, что такие словосочетания представляют собой сочетание признака, выраженного прилагательным (*nedovolené, neoprávněné, těžká* и др.), со сложным понятием, которое является носителем этого признака. Сложное понятие – в свою очередь – выражено сочетанием двух существительных; чаще всего одно из них было в родительном падеже (*přerušení těhotenství, zaměstnávání cizinců* и др.), но встретились и предложные конструкции (*újma na zdraví, ublížení na zdraví* и др.).

Однако подобно тому, как это было в предыдущей группе, эти словосочетания обладают терминологическим значением и используются в качестве терминов только в своём «полном» варианте, то есть – в составе всех трёх компонентов. Именно поэтому

мы говорим не о смысловом распространении двухсловных сочетаний, а о цельных юридических терминах, состоящих из трёх слов.

Модель **наречие + прилагательное + существительное** (с разновидностью **наречие + причастие + существительное**) встречается в десяти случаях, например, таких, как: *obecně prospěšné práce, zvlášť přičižující okolnost, společensky prospěšná činnost, společensky škodlivý případ, těžko napravitelný následek, zvlášť závažný zločin* и др. Как и в русском материале, мы можем выделить наиболее часто употребляющиеся наречия: *zvlášť, těžko*. Наречие обозначает способ реализации признака, названного прилагательным. Наречия *společensky, obecně*, указывают на степень распространения действия, бездействия или последствий.

В чешском материале среди трёхсловных терминов-словочетаний конструкции с глаголом в качестве одного из терминообразующих формантов отсутствуют.

В чешских эксцерпциях, в отличие от русского материала, конструкции, состоящие из **четырёх** и более лексем, нельзя назвать единичными. Рассмотрим их отдельно. Материал нам предоставил такие конструкции, как:

Прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (с вариацией: **прилагательное + существительное + причастие + существительное**) – в выбранном материале встретилось двенадцать примеров таких терминов словосочетаний. Вот некоторые из них: *násilné překročení státní hranice, trestný čin ohružující život, trestný čin ohružující zdraví, veřejné spáchání trestného činu, zákonný znak trestného činu* и др. Чаще всего – это названия типов составов преступлений из Особой части Уголовного закона (*Zvláštní část Trestního zákonu*).

Двенадцать примеров дала нам модель **существительное + существительное + прилагательное + существительное**, где одно из существительных (а часто и несколько) обычно было отглагольным. Например: *maření výkonu úředního rozhodnutí, nápodobení díla výtvarného umění, upuštění od uložení trestu, vyhýbání se výkonu vojenské služby* и др.

Прилагательное + существительное + существительное + существительное – эта конструкция встретилась среди чешских многословных терминов девять раз. Вот некоторые примеры: *náhradní trest odnětí svobody, nepodmíněný trest odnětí svobody, podmíněné propuštění z výkonu trestu, trestný čin proti bezpečnosti České Republiky, trestný*

čin proti obraně státu и некоторые другие. Часто такие конструкции содержали предлоги, а одно из трёх существительных оказывалось отглагольным (*odnětí, propuštění* и т.п.).

Существительное + прилагательное + существительное + существительное – такая модель была представлена семью примерами: *hanobení etnické skupiny osob, ohrožování morálního stavu vojáků, spáchání trestného činu násilím, šíření nakaživé nemoci zvířat, vydání vojenského materiálu nepříteli*. Все эти термины обозначают конкретные преступления, описанные в Специальной части Уголовного закона. Как мы видим, обязательной составной частью является отглагольное существительное (*spáchání, ohrožování, šíření, vydání* и др.). Это объясняет отсутствие конструкций с глаголом – действие выражается как его результат, через отглагольное существительное.

Остальные варианты комбинации существительных и прилагательных встречались единично: четыре примера конструкции **существительное + прилагательное + прилагательное + существительное** (*člen organozované zločinecké skupiny, účast na organizované zločinecké skupině, služba v cizích ozbrojených silách* и др.), два примера конструкции из **четырёх существительных** (*podněcování k nenávisti vůči skupině osob, svěření dítěte do moci jiného*), один пример модели **прилагательное + прилагательное + существительное + существительное** (*úmyslné spolčené jednání osob*).

Терминологические конструкции **из пяти и более лексем** отличались большим разнообразием представленных моделей, и – вместе с тем – единичной или незначительной представленностью каждой из моделей. Поэтому отметим только одну самую распространённую конструкцию:

Прилагательное + существительное + существительное + существительное + существительное: *mimořádné zvýšení trestu odnětí svobody, mimořádné snížení trestu odnětí svobody, podmíněný odklad výkonu trestu odnětí svobody* и др.

Мы можем наблюдать, что данная модель по своей сути, с одной стороны, является расширенным вариантом ранее описанных и более распространённых моделей, состоящих из меньшего количества лексем, а с другой стороны – такие словосочетания содержат в себе большее количество отглагольных существительных (минимум два, чаще – три или больше). Это позволяет нам считать, что структурно более сложные

модели, отражая более специфичные понятия уголовного права, имеют тенденцию называть (и характеризовать) прежде всего действие или его результат. Эта тенденция – общая в терминологии уголовного права – проявляется в этих конструкциях максимально концентрированно.

Конструкция, состоящая из существительного и относительного прилагательного или существительного и другого существительного в беспредложном родительном падеже, является одной из самых распространённых для выражения атрибутивных отношений. Поэтому в чешской терминологии они доминируют, как и русской. Конструкция с относительным прилагательным позволяет выразить характеристику, свойства, отличительные особенности или условия совершения деяния, в то время как конструкция с беспредложным родительным падежом часто употребляется для обозначения объекта деяния (*opuštění dítěte, padělání peněz, páchání činu* и др.) или его признак (*věznice s dohledem, věznice s dozorem, zásada přiměřenosti* и др.).

2.4 Сопоставительный анализ уголовно-правовых терминов Уголовного Кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Чешской Республики (Trestní Zákoník České Republiky).

В предшествующих частях нашей работы (2.2 и 2.3), посвящённых терминам, выбранным соответственно из русского и чешского Уголовных законов, мы подробно описали исследуемый материал с точки зрения его состава, способов слово- и терминопобразования, проанализировали способы адаптации заимствованных однословных терминов, а также продуктивность и распространённость структурных моделей, по которым формировались терминологические единицы, состоящие из двух и более лексем.

Результаты такого подробного анализа оказались во многом сходными в родственных языках – русском и чешском, причину этого мы видим не только в родстве языков, но и в том, что Чешская республика и Российская Федерация принадлежат к одной – романо-германской правовой семье, а значит, законодательство и основные нормативные акты имеют сходные моменты в своей структуре.

Однако, т.к. уголовное право как общественный институт складывалось в самые ранние периоды истории обоих народов, сначала в устной, а только потом в письменной форме, мы считаем, что языковая сторона является процессом формирования права одним из ключевых и определяющих факторов. Ведь право не существует иначе, чем в языке, и язык становится первым и главным воплощением права (Ушаков А. А., 1991: 35). Впоследствии – с течением истории и с развитием языка – язык становится не только воплощением, но и инструментом формирования и функционирования права. То есть – язык является как отражением, так и средством изменения, развития и оформления права.

2.4.1 Сопоставление русских и чешских однословных терминов

В обоих языках однословные лексемы были в меньшинстве. В русском материале они составили около 30% всех отобранных для анализа терминов, в чешском – менее 20%. Однословные юридические термины, хотя и менее распространены в текстах уголовных законов, однако являются, как правило, отражением ключевых понятий уголовного права и в обоих языках представляют собой так наз. «понятийное ядро» всей уголовно-правовой терминосистемы. Многие из них так или иначе (сами или в виде словообразовательных основ производных слов) входят в состав структурно более сложных терминологических единиц, состоящих из двух и более слов.

Распределение чешских и русских однословных терминов по словообразовательным типам и словообразовательным значениям дало нам сходные результаты. В обоих языках это распределение носит довольно системный и стройный характер, что соответствует особенностям юридической терминологии в принципе, и уголовно-правовой терминологии в частности. Оба языка предоставляют примеры сходных словообразовательных типов и значений:

Наиболее продуктивным способом терминообразования оказалась, без сомнения, деривация, а в ее рамках – суффиксация, как ключевой способ образования существительных, в том числе и отглагольных.

Суффиксы, используемые в образовании терминов в русском и чешском языке, также можно считать аналогичными:

Ср.:

-ни(j)-е // -ени(j)-е (со словообразовательным значением «обобщённое, вещественное или собирательное понятие, являющееся результатом действия, имевшего место в прошлом»): *дея-ни(j)-е, изнасилова-ни(j)-е, истяза-ни(j)-е, наказа-ни(j)-е, оскорбл-ени(j)-е, опьян-ени(j)-е, показа-ни(j)-е, понужд-ени(j)-е, помилова-ни(j)-е, похищ-ени(j)-е, пресеч-ени(j)-е* и др.

-n(i) // -t(i) (со словообразовательным значением действия или результата действия): *donuce-n-í, miče-n-í, nadržová-n-í, opomeni-t-í, pleně-n-í, podplace-n-í, spolce-n-í, sroce-n-í, srozumě-n-í, usmrce-n-í, vloupá-n-í, vyhoště-n-í* и др.

Ср.:

-ств-о (со словообразовательным значением процессуального признака): *вымогатель-ств-о, издеватель-ств-о, мошенниче-ств-о, надругатель-ств-о, предприниматель-ств-о, убий-ств-о, членовредитель-ств-о* и др.

-stv(i) // -ctv(i) (со словообразовательным значением действия, обладающего определённым признаком): *kuplíř-stv-í, podílnic-tv-í, pytlác-tv-í, účasten-stv-í, úplatkář-stv-í, výtržníc-tv-í, vyzvědač-stv-í* и некоторые другие.

Ср.:

-ость (со словообразовательным значением непроцессуального признака): *законн-ость, небрежн-ость, неменяем-ость, неосторожн-ость, ответственн-ость, правомерн-ость, преступн-ость, противоправн-ость, собственн-ость, судим-ость, халатн-ость* и др.

-ost-ø (со словообразовательным значением непроцессуального признака / опредмеченного признака): *nepřičetn-ost-ø, nedbal-ost-ø, protiprávn-ost-ø, přičetn-ost-ø, zákonn-ost-ø* и некоторые другие.

Примечательно, что в обоих языках исследуемые термины распределились по основным, описанным выше словообразовательными типам практически без остатка. Это значит, что примеров, иллюстрирующих иные, отличные от названных словообразовательных значений, очень мало, иногда – нет совсем. Это свидетельствует о значительной степени упорядоченности уголовно-правовой терминологии в обоих языках. А сходство словообразовательных типов (вплоть до полной аналогии суффиксов) позволяет говорить об общих истоках формирования уголовно-правовой терминологии в родственных языках.

Однословные термины чешского и русского языка мы далее делили на заимствованные и исконные. Русский материал предоставил нам больше примеров заимствований, нежели чешский, что – в свою очередь – позволило их более подробно классифицировать.

Среди русских заимствованных однословных терминов были такие, как: *амнистия, арест, геноцид, контрабанда, плагиат, провокация, проституция, референдум, симуляция, террор, штраф, экоцид* и др.

Среди чешских – *diskriminace, genocidium, prostituce, subsidiarita, teror* и др.

Примечательно, что именно среди заимствованных терминов встретилось много однокоренных слов в русском и чешском языке. Исконные термины часто были образованы по сходной модели (например, *вменяемость – přičetnost, неосторожность – nedbalost, надзор – dohled, жилище – obydlí* и др.), однако от разных корней.

Представляется, что заимствованные однословные термины на русской почве несколько лучше адаптируются и ассимилируются на всех языковых уровнях, в частности – становятся основами для новых словообразовательных гнезд, полностью внедряются в систему языка. Такой вывод мы делаем не только на основании того, что в русском материале встретилось больше заимствованных терминов, но также и потому, что отобранные русскоязычные заимствования позволили нам классифицировать их по способам словообразования, многие из них представляли собой образования от уже заимствованной основы (*недекларирование* (← *декларирование* ← *декларировать* ← *декларация*), *банкротство* (← *банкрот*), *дезертирство* (← *дезертир*), *пиратство* (← *пират*), *терроризм* (← *террор*) и др).

Как мы уже упоминали, нам кажется, что сама способность заимствованного термина становиться основой для последующего терминообразования по законам принимающего языка означает значительную степень «освоения» его языком и носителями принимающего языка. Примеры того, как слово обогащает систему языка-преемника не только словообразовательными основами, но и продуктивными аффиксами, есть и в чешском языке (*sabotáž*), но в исследуемом материале они были единичными.

Однако мы допускаем, что подобные выводы, возможно, были получены потому, что чешский уголовно-правовой терминологический материал не дал нам достаточного количества материала для более детальной классификации и отслеживания продуктивных тенденций в адаптации и функционировании заимствованных терминов.

2.4.2 Сопоставление русских и чешских терминов-словосочетаний

Полилексемные термины в обоих языках составили большинство. В русском материале термины-словосочетания составили около 70% всех привлеченных к анализу терминов, в чешском – более 80%.

При этом нам удалось выделить следующие общие черты в структуре многословных терминов в чешском и русском языках:

(1) в обоих языках приоритетное распространение имеют термины-словосочетания, состоящие из двух слов.

Это такие русские термины-словосочетания, как, например: *государственная измена, преступное деяние, должностное лицо, крайняя необходимость, крупный размер, наркотическое средство, оконченное преступление, организованная группа, освобождение от наказания, опасный рецидив, сложение наказаний, смертная казнь, совокупность преступлений, срок давности, тяжкое преступление, условное осуждение* и др.

Некоторые чешские примеры для сравнения: *trestný čin, úřední osoba, krajní nouze, hrubá nedbalost, návyková látka, organizovaná skupina, páchání činu, podmíněné odsouzení, souhrnný trest, společný trest, promlčecí doba, zločin proti lidskosti* и др.

Интересно при этом, что некоторые термины, состоящие из аналогичных компонентов, тем не менее, в русском и чешском языках структурно различаются. Самым ярким примером является, по нашему мнению, ключевое понятие уголовного права – *преступление* (чеш. *trestný čin*). В русском языке это ключевое понятие обозначено термином-универбом, отглагольным существительным, образованным от глагола *преступить*, отражающим в себе, фактически, целую систему понятий. То есть – само слово подразумевает некие границы дозволенного поведения, которые «преступаются». Глагол, от которого этот термин образован, термином не является. Более того, в современном языке данный глагол существует с полногласным вариантом приставки – *переступить*, неполногласный вариант *преступить* является стилистически маркированным и ограниченным в употреблении.

Чешский же язык для ключевого понятия уголовного права выбирает описательный двухсловный термин – *trestný čin* (буквально «наказуемое деяние»). Примечателен тот факт, что в чешском уголовном законе до 50-х годов XX века использовался однословный термин «*zločin*», который, однако, затем был вытеснен законодателем, вероятно, в силу стремления к наибольшей стилистической нейтральности терминологии уголовного права. Последняя редакция кодекса *Trestní Zákoník České Republiky*, тем не менее, вернула этот термин в закон, наделив его более узким

терминологическим значением и ограничив его сочетаемость. В настоящее время термин *zločin* употребляется только в трёхсловном термине-словосочетании *zvlášť závažný zločin* и обозначает особо тяжкие преступления. А нейтральным, общим остаётся термин *trestný čin*.

Другим примером структурного и количественного несовпадения формантов близких понятий может послужить термин *государственная измена*, которому в чешском уголовном законе отвечает однословный термин *vlastizrada*. Помимо различного способа соединения формантов (двухсловный термин – универб, образованный с помощью сложения), примечателен также выбор лексемы для обозначения объекта преступления (родины, государства, отечества). Русский термин формально не говорит о том, об измене какому государству идёт речь. Чешский же в этом контексте предельно ясно говорит о том, что речь идёт о государстве, в котором преступник родился и живет.. Русский термин *измена Родине* в современной редакции УК РФ не употребляется.

Двухсловные термины в обоих языках в основном представлены либо атрибутивными словосочетаниями существительного с относительным прилагательным, либо – существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже без предлога. Подобные модели оказались наиболее распространёнными в обоих языках. Мы считаем, что причиной этому может служить как родство языков (а значит – сходство функций атрибута-прилагательного и родительного беспредложного падежа в двухсловных конструкциях), так и специфика уголовно-правовой терминологии, призванной отражать понятия в их отношении к чему-либо, либо – действия и их результаты в сочетании с объектами этих действий. Соответствующие примеры широко представлены в соответствующих частях работы (2.2.2 и 2.3.2 соответственно).

Что касается терминов-словосочетаний, состоящих из трёх и более лексем, то их распределение в чешском и русском языках начинает существенно отличаться.

Во-первых, чешский материал практически не имеет примеров полилексемных терминов с глаголами. Они действительно единичны в чешской уголовно-правовой терминологии (действие чаще выражается отглагольным существительным – как результат), однако русский материал предоставил нам несколько примеров, которые мы смогли объединить в одну структурную модель: *отбывать наказание, объявить предупреждение, применять меры, усиливать наказание, склонять к совершению*

преступления, содействовать совершению преступления, уклоняться от исполнения обязанностей, нарушать общественный порядок, подлежать уголовной ответственности. В чешском же материале встретился лишь один пример: *úmyslně usmrtit.*

Во-вторых, русский терминологический материал позволил в определенной мере последовательно и системно классифицировать по структурным моделям только термины-словосочетания из двух и трёх лексем. Примеры, состоящие из четырёх и более слов, были единичными и не позволяли делать выводы о наличии более или менее закреплённых моделей образования многословного термина.

Чешский же материал, напротив, в части полилексемной терминологии показал большую системность и более чёткую распределённость по структурным моделям. Среди четырёхсловных терминов удалось выделить семь структурных моделей, каждая из которых насчитывала от пяти до двенадцати примеров на выбранном материале.

Глава 3. Анализ русских и чешских терминов уголовного права с точки зрения семантики термина

3.1 Дефиниции терминов уголовного права в текстах законов и словарях.

Использование словарей (нормативных, толковых и других) является одним из важнейших инструментов прикладного лингвистического анализа текста закона, в частности – лингвистической экспертизы. Нормативные дефиниции (дефиниции в текстах законов) обычно служат первоисточником для формирования словарных дефиниций – как для общелингвистических, так и для специальных, юридических словарей.

В нашем исследовании мы будем понимать словарные дефиниции как вторичные, производные по отношению к нормативным определениям, встречающимся в тексте законов. Это не всегда совпадает с лингвистическим пониманием «производности», однако для оценки понятий, стоящих за терминами, именно такое понимание представляется нам рациональным и верным.

Словари являются одним из инструментов лингвистической экспертизы, и мы будем пользоваться упомянутыми в предыдущей главе терминологическими и толковыми словарями обоих языков именно с целью анализа и оценки объёмов понятий, отражаемых тем или иным термином в русском и в чешском языке.

Мы предполагаем, что словарные дефиниции не всегда могут предоставить нам полное и исчерпывающее толкование, а также понимаем, что одним из факторов, потенциально мешающих эффективному применению словарных данных, являются противоречия, которые нередко обнаруживаются между разными источниками при толковании одних и тех же слов (Крысин, 2008: 269), поэтому будем стремиться к тому, чтобы использовать для анализа не только данные словарей, но и тексты самих законов.

3.1.1 Проблематика наличия / отсутствия нормативной дефиниции в отборе языкового материала

В разделе, посвящённом критериям отбора языкового материала, мы упоминали о том, что при выборке терминов для анализа мы руководствовались определёнными критериями, которые были связаны, кроме общей отнесённости к уголовному праву, также и наличием / отсутствием дефиниции в тексте закона или в соответствующих юридических словарях. Напомним, что при анализе русского и чешского материала мы рассматривали термины следующих категорий:

1. Термины, имеющие дефиниции непосредственно в текстах законов (напр., рус.: *аффект, бандитизм, вымогательство, грабеж, клевета* и др., чеш.: *krádež, kuplířství, lichva, zpronevěra* и др.). Такие единицы максимально выполняют свою терминологическую функцию. Они отвечают первому и, с нашей точки зрения, главному требованию, традиционно предъявляемому к юридической терминологии: они употреблены в рамках одного правового акта в одном и том же значении. Собственно, данный правовой акт и устанавливает это значение, которое таким образом становится нормативным, а значит, мы можем предполагать, что и в других нормативных актах законодатель будет употреблять этот термин исключительно в соответствии с нормативной дефиницией, однажды приведённой в законе.

2. Термины, дефиниция которых не приведена в Кодексах, но её можно сформулировать по смыслу нескольких статей Кодекса. Обычно это понятия, разрабатываемые общей теорией права или теорией уголовного права, и они часто используются в тексте уголовного закона. Кодексы содержат определения их антонимов, или же – их значение довольно точно выводится из контекста (напр., рус.: *вменяемость, преступное деяние, деяние* и др., чеш.: *příčetnost, protiprávnost, zavinění* и др.). Часто таким словам даётся определение в одном из упомянутых выше словарей.

3. Термины, не имеющие дефиниции в тексте закона, но имеющие довольно подробную и распространённую дефиницию хотя бы в одном из привлечённых к исследованию словарей. К таким терминам относятся в основном названия определённых преступлений, которым посвящены соответствующие статьи Особенной части УК РФ (напр., *загрязнение атмосферы, загрязнение вод* и др.), или же – эти термины представляют собой наименование сопутствующих преступлениям обстоятельств или действий (напр.: *vyhrožování, násilí, opomenutí, škoda, újma* и др.).

4. Особую группу составили термины и терминологические сочетания, которые не имеют ни нормативной дефиниции в тексте закона, ни словарной дефиниции в упомянутых выше словарях, но, тем не менее, являются, с нашей точки зрения, терминами юридическими, и уголовно-правовыми. Это такие русские термины как *вражда, жестокое обращение (с животными), жестокость* и др., чешские - *společensky prospěšná činnost, státní příslušník, surový způsob spáchání trestného činu, trestně odpovědná osoba, trestní rozsudek* и др.

Последняя, четвёртая, группа составила меньшинство, как на русском, так и на чешском материале. Несмотря на оговоренные во второй главе критерии отбора, некоторые из таких лексем мы всё же склонны относить к терминологическим единицам и включаем их в исследование, ибо они отражают вполне конкретное юридическое понятие и обладают, с нашей точки зрения, высокой степенью терминологичности. Мы можем говорить о наличии у них терминологического значения, которое зачастую отличается от значения их общелитературных «омонимов», и поэтому осознанно включаем их в исследуемый материал.

Разумеется, в процессе первичной выборки в исследуемом материале (как русском, так и чешском) встретились также и единицы, которые мы затем исключили из круга анализируемых терминов именно по той причине, что отсутствие нормативных и словарных определений служило достаточным основанием для классификации их как слов-«нетерминов», то есть слов общелитературного языка, характеризующихся лишь высокой частотностью употребления в юридических текстах.

Однако такие русские уголовно-правовые термины, как, например, *особая жестокость, изобличение, вражда, жестокое обращение, вовлечение в преступление* и др., а также такие чешские терминологические сочетания, как, например: *společensky prospěšná činnost, státní příslušník, surový způsob spáchání trestného činu, trestně odpovědná osoba, trestní rozsudek, úmyslné zavinění* и др., на наш взгляд, не могут быть исключены из анализа, т.к. являются отражением совершенно определённых уголовно-правовых понятий, обладают чётким и ограниченным (иными словами – терминологическим) значением, известным, как правило, специалистам в области права. Часто их значение, не фигурирующее в какой-то более-менее закреплённой форме дефиниции, так или иначе формулируется в юридической доктрине и только в таком виде существует.

Само наличие таких единиц, как нам кажется, может негативно сказываться на правопонимании обычных граждан, субъектов права, «читателей» законов и пользователей специализированных словарей.

3.1.2 Проблематика наличия / отсутствия нормативной дефиниции в формировании правосознания и правопонимания языкового сообщества

Проблема изучения определения как логической операции, которая позволяет вводить в языковое употребление специальные слова и выражения, имеет многовековую традицию, заложенную ещё в работах Аристотеля, который представляет теорию дефиниции как элемент зрелой научной мысли (Ахманов, 1960: 160-178). Логика рассматривает определение как один из важнейших способов фиксации понятийного содержания термина (Горский, 1974). Однако, по мнению С. Д. Шелова, несмотря на большое количество литературы и богатую освещённость в ней проблем дефиниции как процедуры, роль определения в формировании понятийной стороны терминов по-прежнему вызывает определённые трудности. Автор связывает это со следующими причинами: 1) разнообразие точек зрения на природу и сущность определения; 2) разнообразие видов определений; 3) нерешённость вопроса о том, имеется ли и в чем заключается специфика определения именно терминологических единиц (Шелов, 2003: 29).

В задачи настоящей работы не входит исследование природы дефиниции, её структуры или изучение типов определений, используемых для объяснения семантики уголовно-правовых терминов. В рамках нашего исследования мы будем считать определением высказывание, которое непосредственно, без отсылок к другим источникам, раскрывает необходимые и достаточные признаки соответствующего понятия и отграничивает их от других.

Основной функцией юридического определения мы будем, вслед за Н. Н. Вопленко и М. Л. Давыдовой, признавать внесение ясности в процесс правового регулирования, обеспечение единообразного понимания воли законодателя (Вопленко, Давыдова, 2011: 66).

Дефиниция является одним из особо значимых способов объяснения и фиксации терминологического значения как один из особо значимых, потому что именно она позволяет вербально идентифицировать понятийную сторону языка, причем позволяет делать это с наибольшей точностью. Поэтому неудивительно, что наличие дефиниции является для некоторых исследователей обязательным, конституирующим признаком термина (напр., Ступин, 1971: 393).

Понимание определения как важнейшего способа фиксации понятийного содержания термина, однако, требует некоторых уточнений.

Главным из них является тот факт, что на практике (в реальном употреблении и функционировании терминологии) зачастую оказывается, что далеко не каждый термин имеет так или иначе закреплённую дефиницию. Это может быть связано со многими факторами, в частности – с динамичностью языковой системы и тем обстоятельством, что законодательная техника и лексикографическая практика не всегда успевают за изменениями, происходящими в языке и правовой науке.

Однако тот факт, что отсутствие определения часто объяснимо и вызвано объективными причинами, не снимает важности формирования дефиниций для таких терминов, которые его до сих пор не имеют. Как мы уже упоминали, дефиниция часто – в той или иной форме – «витает в воздухе», предполагается специалистами по уголовному праву, подразумевается ими в научных работах, однако не является очевидной и доступной для субъектов права – носителей «обыденного сознания».

Рассмотрим эту проблему на нашем материале. Остановимся подробнее на **примерах из первой и четвёртой групп** (термины, имеющие дефиницию в законе, и термины, не имеющие ни нормативной, ни словарной дефиниции, однако обладающие терминологическим значением). Эти группы представляют собой как бы два «полюса», поэтому могут служить источниками наиболее релевантных примеров для нашего исследования.

Первая группа (согласно классификации, обозначенной в части 3.1.1) представляет собой совокупность терминов и терминологических сочетаний, которые и нормативно, и фактически являются юридическими. Их значение истолковано непосредственно в законе, где обычно также и оговаривается то, распространяется ли этот термин на какую-то часть закона (отдельные статьи), либо на весь нормативный правовой акт. Таким образом, они отвечают первому и фундаментальному требованию, предъявляемому к юридическому термину – употребляются в тексте закона *в одном значении*.

Часто это термины, представляющие собой названия конкретных преступлений, описываемых в Особенной части УК РФ и в Особенной части (Zvláštní část) TrZ ČR.

В русском уголовном законе дефиниция термина в законе приводится в тексте соответствующей статьи, после уточняющего оборота «то есть...», который служит для

читателя своеобразным «маркёром», показателем того, что далее последует определение понятия. Например, в ст. 161 УК РФ читаем: **«Грабёж, то есть открытое хищение чужого имущества, - наказывается обязательными работами на срок от восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет».** Или в ст. 338 УК РФ указано, что **«дезертирство, то есть самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу – наказывается лишением свободы на срок до семи лет».**

Дефиниция может быть также никак не выделена в тексте статьи закона графически или лексически, но, тем не менее, присутствовать в нем. Например, в ст. 49 УК РФ читаем: **«Обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ».** Или, согласно ст.125, **«заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, - наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года».**

В чешском уголовном законе обычно дефиниция никак не выделена лексически или графически, однако часто заключается в части 1 соответствующего параграфа Особенной части. Например, **§206 Zpronevěra** начинается со слов: **«(1) Kdo si přisvojí cizí věc nebo majetkovou hodnotu, která mu byla svěřena, a způsobí tak na cizím majetku škodu nikoli nepatrnou, bude potrestán odnětím svobody až na dvě léta, zákazem činnosti nebo propadnutím věci nebo jiné majetkové hodnoty».**

Можно заключить, что именно такой способ определения термина - дефиниция непосредственно в тексте закона - является наиболее продуктивным для обеспечения максимального понимания текста закона субъектами права. Гражданин как носитель «обыденного сознания», сталкиваясь в тексте нормативного правового акта с термином или терминологическим сочетанием, не всегда распознаёт его как термин. Часто для него – это слово обыденного языка, с соответствующим ему общелитературным значением. Таким образом, выполняется второе требование, традиционно предъявляемое к юридическому языку – общепризнанность терминологии. Термины должны формироваться из фонда данного конкретного языка, они не должны искусственно «изобретаться» законодателем.

Однако, как уже упоминалось ранее, именно в этом кроется и максимальный риск неверного понимания смысла термина субъектом права, поскольку он невольно наполняет термин тем значением, которое закреплено за той или иной лексической единицей в его сознании (чаще всего – это обобщённый вариант значения, принятого в общелитературном языке).

Сравним, например, общелитературное и юридико-терминологическое значение слова *грабёж*. Словарь Ушакова даёт нам следующие два значения этого слова: основное – *кража, сопровождающаяся насилием*, и переносное, разговорное – *вопиющая по несправедливости сделка, явное вымогательство, вовлечение в убыток*. В целом, первое значение близко к смыслу термина, на который указывает Уголовный Закон (грабёж как открытое хищение чужого имущества), однако не совпадает с ним. Общелитературный язык вносит в семантику слова *грабёж* элемент *насилия*, которого нет в нормативной дефиниции. Производным от этого значения является второе, переносное, значение этого слова, которое также помечено в словаре как разговорное. Это значение уже не только удалено от терминологической семантики слова *грабёж*, но и стилистически и эмоционально окрашено.

В литературе часто встречается упоминание о том, что текст нормативного правового акта не должен содержать так называемую периферийную лексику (архаизмы, неологизмы, варваризмы, просторечия, вульгаризмы, жаргонные слова) и многозначные слова, образные сравнения, эпитеты, метафоры, эмоционально окрашенную лексику (См., напр.: Законодательный процесс, 2000: 97-111; Богданов,

1996: 271). Очевидно, что это требование может быть выполнено не всегда, поскольку, во-первых, в языке почти нет однозначных слов, моносемантов, а во-вторых, последовательное соблюдение этой рекомендации значительно бы сузило лексикон нормотворца. Однако оно всё же указывает вектор развития стиля юридической терминологии и должно по возможности соблюдаться (так вполне осуществимым является требование избегать в тексте любых правовых актов эмоционально окрашенных слов, метафор и образных сравнений).

В нашем конкретном примере очевидно, что если бы в тексте УК РФ отсутствовала нормативная дефиниция понятия *грабёж*, носитель языка, обычный гражданин, обладающий обыденным («наивным») сознанием, переносил бы, скорее всего, даже не осознавая этого, имеющееся в его сознании синкретическое значение общелитературного слова *грабёж* (со всеми его компонентами, включая экспрессивные, из переносного значения) на толкование юридического термина.

К четвёртой группе нами отнесены немногочисленные термины, которые по формальным критериям, обозначенным во второй главе, не должны были попасть в поле зрения нашего исследования, поскольку они не имеют дефиниции ни в тексте закона, ни в словарях. Тем не менее, они используются в уголовно-правовой терминологии и требуют особого внимания юристов и лингвистов, именно в силу того, что их значение пока не определено и не зафиксировано. К этой группе мы относим такие русские терминологические единицы, как, например, *вражда, ненависть, (особая) жестокость, изобличение, жестокое обращение, вовлечение в преступление* и некоторые другие. Ср. также чешские примеры: *donucení, prospěch (velkého rozsahu), vyhrožování, dokonáný trestný čin, druh trestu, nedbalostný trestný čin, neoprávněný prospěch, silné rozrušení, společensky prospěšná činnost, trestněprávní důsledky, těžko napravitelný následek* и др.

Простое перечисление примеров обращает наше внимание в первую очередь на то, что если в русском материале в группу терминов, не обладающих нормативной и словарной дефинициями, попали в основном лексемы, имеющие общелитературные «омонимы», как правило, эмоционально и стилистически окрашенные или не совпадающие с термином по объёму значения, то среди чешских примеров большинство представляет собой довольно узкие и конкретные понятия уголовного

права, не связываемые в сознании граждан со словами общелитературного языка, но, однако, с нашей точки зрения, тем более нуждающиеся в чётком отражении их значения.

Рассмотрим конкретные примеры:

Термин *особая жестокость* употреблён в тексте некоторых статей Особенной части УК (ст.105, 111, 112) как одно из дополнительных обстоятельств совершения деяния. Термин *жестокое обращение* мы находим в тексте статей 110, 156, 245 и 356, где он используется и как название самостоятельного преступления (ст. 245, Жестокое обращение с животными), так и способ совершения преступления (ст. 110, Доведение до самоубийства).

При этом в тексте закона не объясняется, что же понимается под этими терминологическими сочетаниями (а с нашей точки зрения, они являются именно терминологическими, поскольку представляют собой точные обозначения вполне конкретных действий и обстоятельств, а понимание этих конкретных действий и обстоятельств играет важную роль в интерпретации, понимании, а значит и функционировании закона).

Используемые словари также не дают определений этим понятиям.

В то время как общелитературное значение этих слов опирается на семантику лексемы *жестокость*, производной, в свою очередь, от прилагательного *жестокий*: «**1.** Крайне суровый и грубый, беспощадный, бессердечный, безжалостный. **2.** Очень сильный, превышающий обычную степень, размеры (о чем-н. неприятном, влекущим за собой для кого-н. дурные последствия)» (Ушаков Д. Н., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013). Здесь вновь налицо дефиниция, составленная из синонимических экспрессивно окрашенных, оценочных определений. Это оправданно и понятно, если речь идёт об описании значения слова общелитературного языка, потому что именно синонимический подбор позволяет донести смысл значения до как можно большего количества пользователей, а эмоциональная составляющая действительно неотъемлема в семантике этого слова.

Однако такая субъективная оценочность без описания фактической сущности понятия не может и не должна использоваться для определения термина юридического, где

субъективные трактовки могут стать причиной сложностей в правильном восприятии закона. Подобное употребление терминов не оставляет субъекту никакой другой возможности, кроме воспользования имеющейся в его сознании «обыденной» (эмоциональной, субъективной, оценочной) семантикой их общеязыковых омонимов. А при последовательном употреблении в тексте закона подобных лексем складывается общее восприятие нормативного акта как текста, «разрешающего» вольные с субъективные трактовки ключевых понятий.

Представляется, что такие термины требуют особенно пристального внимания как юристов, так и лингвистов (лексикографов). Разработка нормативных, а также специальных словарных дефиниций подобных терминов может сыграть очень важную роль в повышении уровня правосознания российских граждан.

Что касается чешских примеров, то среди них также есть термины, нуждающиеся в чётком отграничении их терминологического значения от значения их омонимов в обыденном языке (напр., *silné rozrušení*, *prospěch velkého rozsahu* и др.), т.к. наибольшую трудность в их понимании носителями «обыденного сознания» представляет, как нам кажется, именно конкретизация этих понятий, определения размеров, пределов того, что может считаться «*silným rozrušením*» или «*velkým rozsahem*» а что – уже нет. Именно лёгкость, с которой гражданин, субъект права, носитель «обыденного сознания» может, незаметно для себя самого, перенести имеющееся в его «багаже» общелитературное значение таких оценочных компонентов как «*velký*», «*silný*» и т.п., и является нежелательной и опасной в деле правоприменения и формирования правосознания граждан.

Однако, как было отмечено выше, большинство чешских терминов этой группы (оставшихся без дефиниции), как это ни странно, представляет собой лексемы, используемые для обозначения вполне чётких, однозначных юридических понятий, обстоятельств и деяний. Это такие термины, как: *donucení*, *vyhrožování*, *dokonaný trestný čin*, *druh trestu*, *nedbalostný trestný čin*, *neoprávněný prospěch*, *společensky prospěšná činnost*, *trestněprávní důsledek*, *těžko napravitelný následek* и др. Необходимость разработки нормативной или хотя бы словарной дефиниции для таких терминов объясняется другой причиной. Да, здесь нет опасности переноса значения слова общелитературного языка на термин. Однако приведённые выше понятия (и некоторые

другие, аналогичные им) как раз могут вводить читателя закона в недоумение, ибо их конкретное правовое значение доступно только специалистам в области права. Носитель «обыденного» сознания обычно имеет лишь общее представление о том, что они могут в действительности означать, а такие, не совершенно ясные для него, словосочетания могут провоцировать общее непонимание текста закона (и без того характеризующегося довольно сложной структурой и синтаксисом).

3.2 Анализ русских и чешских исконных терминов с точки зрения соотношения объёмов понятий, ими отражаемых

В этой части нашего исследования мы хотели бы подробнее остановиться на русско-чешских парах терминов, обозначающих одно и то же (или близкое по описанию состава) преступление, с целью проследить отражение соответствующего понятия в законе и общелитературном языке и, возможно, обозначить некоторые тенденции, свойственные русскому и чешскому языку в сфере терминопроизводства и законодательной техники.

Безусловно, ключевыми концептами уголовного права являются такие понятия, как **преступление, вина (виновность), (уголовная) ответственность** и связанные с ними – **невменяемость, неосторожность, умысел**. Также мы рассмотрим такие понятия, как **сговор, организованная группа, группа лиц по предварительному сговору, взятка, злоупотребление доверием, государственная измена**.

Сознательно ограничив анализ именно этими терминами, мы стремимся, с одной стороны, сконцентрироваться на ключевых понятиях уголовного права и их отражении в языке и терминологии, а с другой – дать как можно более полную характеристику тем терминам, которые поддаются сопоставлению в чешском и русском языке.

Преступление – *trestný čin (zločin)*

Основным термином уголовного права является термин *преступление* (рус.) и соответственно – *trestný čin (zločin)* (чеш.).

Уголовный кодекс ЧР (*Trestní zákoník ČR*) в основном использует термин *trestný čin*, значение которого в законе определяется так: „*protiprávní čin, který trestní zákon označuje za trestný a který vykazuje znaky uvedené v takovém zákoně*“. Юридическая дефиниция этого понятия описывает формальную сторону. Уголовно наказуемым является умышленное деяние (если в законе не установлено иное, например, если речь не идёт о преступлении, совершённом по неосторожности).

Изначально юридические системы связывались с естественноправовым пониманием морали и права и в законе использовалось только слово *zločin*. Этот термин в судебной

практике обозначал деяния, которые были наказуемы. Под влиянием позитивистского понимания права и отделения права от морали стал использоваться нейтральный с точки зрения нравственной составляющей термин *trestný čin*. Однако слово *zločin* продолжало употребляться в живой разговорной речи и обозначало то же самое, что и новый юридический термин *trestný čin*.

В русском языке используется (как в законе, так и в живой речи) термин *преступление*, который этимологически прозрачен и обозначает «переступление через что-то». Дословно переведённое на чешский язык, оно звучало бы, вероятнее всего, как «*překročení*», и являлось бы абстрактным названием понятия, для понимания которого был бы необходим минимальный контекст (*překročení ... čeho?*).

В чешском языке есть слово *přestupek*, близкое по формальной структуре, набору и семантике словообразующих морфем к русскому, но оно используется для обозначения менее тяжких деликтов, соответствующих обычно значению термина *проступок* в русском языке.

С другой стороны, чешское слово *zločin* на русский язык можно было бы перевести просто как «плохое дело, плохой поступок», то есть что-то, что причинило кому-то какой-то вред или оценивается кем-то как «плохое» действие.

Отдельного упоминания стоит тот факт, что формальную структуру, подобную чешскому слову *zločin*, имеет русское слово «*злодеяние*», которое, однако, не только не является термином, но и в современном русском языке выступает исключительно как стилистически окрашенная (в словарях всегда встречается с пометами *книжн.*, *устар.*, *высок.*) лексическая единица. Однако, если мы обратимся к истории, то увидим, что многие словари отмечают связь этого слова именно с преступлением.

Словарь Ушакова, толкуя слово *злодеяние* отсылает нас ко второму значению слова *злодейство*, которое – в свою очередь – трактует следующим образом: «*..Злодейский поступок, преступление,...*», при этом прилагательное *злодейский* трактуется как «*Преступный, свойственный злодею*», а «*злодей*» - в свою очередь – в одном из значений – как «*преступник*» (Ушаков Д. Н., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013). Таким образом мы можем отследить связь между *злодеянием* и его пониманием в значении «преступление», однако все примеры употребления, которые приводит данный словарь к упомянутым выше значениям, - из художественной литературы: басен И.Крылова,

произведений А.Пушкина, и т.д., что говорит о том, что данное слово, хотя и имеет отмечаемое словарями значение, связанное с преступлением, однако в русском языке уже не является его основным репрезентантом, а значит, не может выполнять терминологические функции и служить полным аналогом чешскому слову *zločin*.

Толковый словарь Ожегова классифицирует слово *злодеяние* только как стилистически маркированное (помета *высок.*) и трактует в этой связи как «тяжкое преступление» (Ожегов, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>).

И этот факт ещё раз подтверждает его историческую и логическую связь с чешским словом *zločin*, однако русский язык не использует это слово в законодательной технике и юридической практике, именно в силу его эмоциональной окрашенности и нахождения на периферии современного словарного запаса.

Каждый язык (а значит, и этнос, на этом языке говорящий) выражает через способ наименования того или иного понятия отношение к именуемой единице реальности.

Русское слово *преступление* используется в законах с середины XVII века и действительно обозначает «переступление» определённых границ (то есть – границ дозволенных деяний). Это означает, что слово само по себе отсылает нас к мысли о том, что существуют определённые правила, границы – то есть отсылает нас ко всей системе взаимосвязанных юридических понятий (куда будут относиться и понятия вины, наказания, закона и др.) Мы можем говорить о синкретичности этого значения, ведь в одной словоформе выражается не только одно понятие, но и основы всего уголовного закона.

Из чешских законов слово *zločin* было удалено в 1950-м году, когда Австро-Венгерский **Zákon o zločinech a přečinech** был заменён новым Уголовным кодексом (**Trestní zákon**). То есть – чешский язык в определённый период намеренно разделяет: одно слово для обиходно-бытовой речи, а другое – для текста закона. Важно то, что это изменение было проведено на государственно-правовом уровне. Представляется, что таким образом законодатель старался смягчить нравственный и эмоциональный оттенок, который придаёт слову *zločin* корень *-zl-* (*zlý*). По мнению многих юристов, юридический термин не должен содержать в своём значении эмоционально-окрашенные элементы (см., напр.: Богданов, 1996; Ушаков, 1991; Законодательный процесс, 2000).

Однако примечателен тот факт, что новый уголовный кодекс ЧР, вступивший в силу 1.01.2010, снова включил это слово как юридический термин, при этом оно используется для обозначения более тяжких преступлений (*zvlášť závažný zločin*).

Этот пример представляется довольно показательным, потому что выбор знаков для обозначения ключевых понятий непосредственно отражает понимание сути понятия носителями языка и его место в сознании людей.

Невменяемость – nepřičetnost

Следующий выбранный для рассмотрения пример – это пара терминов *невменяемость* – *nepřičetnost*.

Оба они – как в русском, так и в чешском языке – являются, с нашей точки зрения, кальками французского термина *imputabilité*, восходящего к латинскому прототипу *imputabilitas*.

Как в русском, так и в чешском уголовном праве эти термины существуют в паре со своими антонимами: *вменяемость* – *přičetnost* и в обоих случаях эти термины отражены ключевыми специализированными юридическими словарями.

Однако ни в тексте русского, ни в тексте чешского уголовного закона терминов *вменяемость* и *přičetnost* нет. Это означает, что они – по своей сути – являются в юридической доктрине производными от своих «отрицательных» антонимов.

То есть – закон определяет прежде всего *невменяемость* как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и вину. А юридическая наука и практика, разумеется, предполагает и противоположную ситуацию, определяя *вменяемость* как условие возникновения уголовной ответственности.

В статье русского уголовного закона даётся нормативная дефиниция термину *невменяемость*. И это позволяет читателям закона самостоятельно логическим путём сформулировать определение антонимичному понятию *вменяемость*. Это понятие является закреплённым, кодифицированным - например, в Большом Юридическом словаре указано, что «*вменяемость* – в уголовном праве нормальное состояние психически здорового человека; выражается в способности отдавать отчет в своих

действиях (интеллектуальный признак вменяемости) и руководить ими (волевой признак вменяемости)» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.3.2012).

Словарь основных уголовно-правовых понятий и терминов также предлагает нам дефиницию термина *вменяемость*, согласно которой «**вменяемость** – это:

1. Способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (интеллектуальный момент) и руководить ими (волевой момент);

2. способность лица, совершившего преступление, нести за него уголовную ответственность, т. е. быть субъектом преступления» (Словарь уголовно-правовых понятий и терминов, 2001: <http://determiner.ru/dictionary/542>, 26.3.2012).

При этом чешские словари, описывая термин *вменяемость* в словарной статье термина *невменяемость*, однако, уточняют, что само по себе психическое здоровье не является идентичным, не совпадает с понятием вменяемости (Hendrych, *Právnícký slovník*, 2001: 417).

Таким образом, мы видим, что при сходной этимологии терминов и – безусловно – совпадающем значении понятия *невменяемость* (*nepříčetnost*) производные от него (мы говорим сейчас о производности не в лингвистическом, а в юридическом смысле) термины *вменяемость* и *příčetnost* в чешском и русском языках отличаются объемами своего значения.

Чешский словарь специально отмечает несовпадения объемов понятий «нормальность» и «вменяемость», в то время как русскоязычные дефиниции не отграничивают эти понятия друг от друга. Естественно, читателю закона помогает указание на то, что вменяемость предполагается, если судом не доказано обратное (презумпция вменяемости), однако словарная дефиниция в русских источниках представляется более приближенной именно к обыденному пониманию вменяемости, нежели к реальному юридическому наполнению этого понятия (Hendrych, *Právnícký slovník*, 2001: 417).

Чешская дефиниция в этом плане представляется более совершенной и более полно отвечающей своей функции – отграничить для носителя «обыденного сознания»

значение юридического термина от возможных нетерминологических самостоятельных трактовок.

Вина (виновность) – *vina* (*zavinění*)

Что касается сопоставления русских терминов *вина*, *виновность* и чешских *vina*, *zavinění*, здесь следует сказать, что эти лексемы сами по себе являются не только взаимными переводными эквивалентами, но и однокоренными, общеславянскими единицами, очень схожими в обоих языках.

На первый взгляд, для обозначения понятия *вины* в чешском и русском уголовном праве используются однокоренные (и можно сказать – тождественные) лексемы (ср.: *вина* (рус.) – *vina* (чеш.)).

При этом примечательно, что если в русских словарях фигурируют оба термина: *вина* и *виновность*, то в чешских словарях, привлечённых к исследованию, слово *vina* как термин отсутствует, при этом фигурирует термин *zavinění*.

Аналогичным образом обстоит ситуация в самих текстах закона. УК РФ содержит оба термина, в то время как TrZ ČR использует (и определяет) только термин *zavinění*.

Сопоставим дефиниции этих слов, чтобы сделать выводы об объёмах понятий.

Большой Юридический словарь определяет *вину* как **«психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Означает осознание (понимание) лицом недопустимости (противоправности) своего поведения и связанных с ним результатов. **Необходимое условие юридической ответственности.** В уголовном праве вина – психическое отношение лица к совершенному им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Предпосылкой вины является вменяемость лица и достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности»** (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.3.2012).

Таким образом, *вина* понимается в российском уголовном праве, с одной стороны, как причинно-следственная связь между деянием (действием или бездействием) и наступившим негативным последствием этого деяния, а, с другой стороны – как субъективное отношение (воля, осознанность или неосторожность) лица к возможным

или предполагаемым последствиям его противоправного или запрещённого законом деяния.

Виновность же словарями определяется как признак, характеризующий совершение противоправного деяния, то есть – наличие упомянутой выше психической связи, отношения лица к совершённому деянию в форме умысла или неосторожности (Словарь понятий и терминов, 2001: <http://determiner.ru/dictionary/542>, 26.3.2012).

Получается, что *виновность* – по своей сути – это атрибут, характеристика деяния, а не человека, его совершающего.

Чешское же определение термина *zavinění* звучит следующим образом: «**vnitřní, psychický vztah jedajícího k jeho vlastnímu protiprávnímu jednání** a k výsledku tohoto jednání» (Hendrych, Právníkový slovník, 2001: 1138). А дефиниция, предоставленная в «Юридическом словаре» («Právníkový slovník») под ред. З. Мадара, дополняет: «Zavinění je společným označením pro **úmysl a nedbalost**. Zavinění je **nezbytnou podmínkou k tomu, aby byl dán trestný čin, přečin nebo přestupek**» (Právníkový slovník, 1988: 610).

То есть, мы видим, что русскому термину *вина* с точки зрения семантического объёма соответствует чешский термин *zavinění*, а не *vina*. Последнее же является скорее словом общелитературного языка, имеющим довольно широкое значение, безусловно, основанное на правовом понимании *вины* (*zavinění*) и связанное с ответственностью человека за какое-либо нарушение правил поведения. Как в чешском, так и в русском языке бытовое значение этого слова более широкое, чем юридическое.

Употребление данных терминов в текстах соответствующих законов иллюстрирует отмеченное несовпадение значений. Ср. чеш.: *úmyslné zavinění, zavinění z nedbalosti* и рус.: *невиновное причинение вреда, преступлением признаётся виновно совершенное общественно опасное деяние*.

Неосторожность – nedbalost

В разделе о терминах *вина* и *виновность* мы несколько раз упомянули другой важный термин уголовного права – *неосторожность* (и его чешский эквивалент *nedbalost*).

В обоих языках, как мы уже отметили, этот термин обозначает одну из форм вины (наряду с умыслом).

При этом, если мы рассмотрим формальную структуру обоих слов, то заметим, что хотя они и образованы по одинаковой словообразовательной модели, однако корни, послужившие производящей основой, а значит – и ономаσιологической базой, различны.

Чешский термин связан с глаголом *dbát*, который на русский язык переводится как «беречь», «заботиться», «следить», «уделять внимание». Русский же термин связан с глаголом *сторожить*. Однако примечательно, что в русском языке также есть другой термин – *небрежность*, который по формальной структуре представляется более близким чешскому термину *nedbalost*.

Однако небрежность русскими словарями (БЮС, ЭЮ) признаётся одной из форм преступной неосторожности. Текст закона (с.26 УК РФ) также подтверждает такую иерархию.

Заслуживает внимания также и тот факт, что все привлечённые к исследованию словари содержат оба эти термина (*небрежность* и *неосторожность*) только в виде термина-словосочетания: *преступная небрежность* и *преступная неосторожность*. При том, что текст закона не предписывает этого и употребляет эти термины как универбы: «Преступлением, совершенным по **неосторожности**, признается деяние, совершенное по легкомыслию или **небрежности**» (УК РФ, ст.26, п.1). Пункты 2 и 3 соответствующей статьи раскрывают значение легкомыслия и небрежности.

Небрежность понимается как обстоятельство совершения преступления, при котором «лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия» (УК РФ, ст.26, п.3).

Осмелимся предположить, что присоединением к терминам *неосторожность* и *небрежность* определения *преступная* авторы словарей стремятся отграничить уголовные термины *небрежность* и *неосторожность* от их «омонимов» в общелитературном языке, т.к. в общелитературном русском языке (и в «обыденном сознании» читателя закона) эти слова имеют довольно широкое значение

Чешский *Právnícký slovník* в словарной статье термина *nedbalost* различает аналогичные два вида *неосторожности*, однако называет их «*vědomá nedbalost*» и

«*nevědomá nedbalost*» (Právníký slovník, 1988: 521). Первое из них соответствует по объёму понятия русскому термину *легкомыслие*, второе – как раз термину *небрежность*. Чешский уголовный закон, различая эти виды неосторожности (§16 (1)), однако, терминов *vědomá nedbalost* и *nevědomá nedbalost* не содержит.

Умысел – *úmysl*

Вторая форма вины (наряду с рассмотренной выше неосторожностью) называется *умысел*. Как в чешском, так и в русском языке, дефиниции этих терминов встречаются в текстах самих законов, обычно им посвящена отдельная статья (УК РФ, ст.25, Тг.Z. ČR, §15). При этом в русском УК дефиниция дана не прямо, а расшифрована через понятие «преступления, совершенного умышленно».

Дефиниции, представленные юридическими словарями обоих языков, показывают, что данный термин представляет собой один из немногих примеров полной эквивалентности: совпадают не только формальные стороны (лексемы являются не просто однокоренными, но и образованными по одной словообразовательной модели), но и объёмы значений.

Сравним примеры дефиниций:

«Умысел – в теории уголовного права форма вины, означает осознание лицом общественной опасности совершаемых им деяний» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 27.3.2012).

«*Úmysl* je formou zavinění.... Podstata úmyslu je spatřována v představě a ve vůli pachatele tr. činu, zahrnujících, resp. zaměřených určitým způsobem na jednání v tr[estním] právu a následek tr[estného] činu» (Hendrych, Právníký slovník, 2001: 966).

Примечательно, что русские толковые словари также упоминают об устаревшем варианте русского термина *умысел*, который звучит как «умысл» (Ушаков Д. Н., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013). Этот вариант отмечен в словарях пометой *устар.* и не отличается значением. Как термин он уже не употребляется, однако сама форма гораздо ближе к чешскому аналогу.

(Уголовная) ответственность – (trestní) odpovědnost

Как в текстах самих законов, так и в специальных юридических словарях в русском и в чешском языке эти термины употребляются только в составе термина-словосочетания *уголовная ответственность (trestní odpovědnost)*. В УК РФ термин ответственность отдельно от своего атрибута единично встречается (напр., в заголовках статей: 27 (Ответственность за преступление, совершённое с двумя формами вины) и 34 (Ответственность соучастников преступления)), однако в текстах самих этих статей он уже употребляется только в составе термина *уголовная ответственность*. В тексте же чешского закона – термин *trestní odpovědnost* иногда фигурирует в своём варианте *odpovědnost za trestný čin*.

Мы считаем это различие несущественным, однако факт того, что в тексте закона (как и в привлечённых к исследованию словарях) этот термин используется только в составе термина *уголовная ответственность (trestní odpovědnost)*, напротив, считаем очень важным и полезным, потому что только в праве этот термин может иметь много других значений (например, различается ответственность гражданская, долевая, ответственность судей и т.д.). Используя синтагматически связанный термин, законодатель предотвращает также и возможное влияние омонимичного слова *ответственность* („odpovědnost“), имеющего в общелитературном языке (и в обыденном сознании читателей закона) гораздо более широкое значение.

Рассмотрим определение из «Большого Юридического Словаря», который трактует уголовную ответственность как «*один из видов юридической ответственности; правовое последствие совершённого преступления - государственное принуждение в форме наказания*» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 29.3.2012). «Энциклопедия Юриста» уточняет это значение следующим образом: «*Ответственность - правовой институт, который объединяет в себе: право (и обязанность) государства применить к правонарушителю меры правового воздействия; обязанность правонарушителя претерпеть воздействие на него со стороны государства; само претерпевание этого воздействия.* <...> У[головная] о[тветственность] начинается с момента вступления в силу обвинительного приговора суда. Полностью реализуется у[головная] о[тветственность] в отбытии назначенного судом наказания. <...>» (ЭЮ: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_law/, 29.03.2012).

Мы можем говорить о том, что юридическое (а точнее – уголовно-правовое) понятие ответственности – ограничено многими параметрами: ограничением времени, участием судебных органов, государства как участника реализации ответственности и т.д.

Толковые словари русского языка при этом иллюстрируют гораздо более широкое понимание *ответственности*, говоря о ней как об обязанности дать «полный отчет в своих действиях», а также «принять на себя вину за все возможные возникнуть последствия в исходе порученного дела» (Ушаков Д. Н., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013), упоминая также об ответственности как о «чувстве» (Ожегов, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>, 29.03.2012).

Чешский юридический словарь приводит весьма близкое толкование уголовной ответственности, говоря, что *trestní odpovědnost* „je druhem právní odpovědnosti, vyznačující se následnou sankční reakcí státní moci na spáchaný tr[estný] čin, jejímž subjektem je pachatel tr[estného] činu“ (Hendrych, Právní slovník, 2001: 947). Дефиниция в словаре общелитературного языка указывает на гораздо более широкое понимание этого понятия в обыденном сознании. Ср.: «Odpovědnost – 1. Povinnost ručit za něco, za někoho, za správné provedení něčeho...» (SSJČ, II, 322)

Таким образом, мы можем говорить об этом слове как о примере ещё одного случая, когда объёмы понятий юридических терминов в русском и чешском языке совпадают и это отражается как в текстах закона, так в специализированных словарях. Примечательно, что этот пример – один из немногих, когда при этом совпадает тоже и способ номинации и словообразовательная модель, по которой образован данный термин, а также – стратегия законодателя, стремящегося отграничить юридическое и уголовно-правовое понятие ответственности от общеязыкового.

Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа – spolčení, sročení, organizovaná skupina

Следующая группа сопоставляемых терминов представляет особый интерес, поскольку она представлена структурно различными типами терминов: описательными терминологическими словосочетаниями в русском языке и терминами-универбами, отглагольными существительными – в чешском.

Сначала рассмотрим и сопоставим их значения в русском и чешском языке.

Термин *группа лиц* трактуется в законе как способ совершения преступления, при котором в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ).

Группа лиц по предварительному сговору, напротив, трактуется как способ совершения преступления, при котором в преступлении участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Под предварительным сговором понимается сговор исполнителей до начала совершения действий, составляющих объективную сторону преступления, хотя бы одним из соучастников.

Словарная статья подтверждает это значение:

«**СГОВОР** - 1) в уголовном праве РФ одна из форм приготовления к преступлению <...>; договоренность о совершении преступной акции. Предварительный с[говор] группы лиц является также квалифицирующим признаком целого ряда составов преступлений» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 29.3.2012).

От *группы лиц* и *группы лиц по предварительному сговору* следует отличать *организованную группу*. Этот термин применяется по отношению только к устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких действий (ч.3 ст. 25 УК РФ). Устойчивость группы предполагает наличие постоянных связей между её членами и специфических методов организованной деятельности по подготовке или совершению преступления.

Это позволяет говорить о том, что русский термин *организованная группа* ближе всего по значению чешскому термину (*zločinné spolčení*), который в законе понимается как объединение нескольких человек, обладающее определённой сложившейся организационной структурой и направленное на совершение преступлений (§ 89 odst. 17 TrZ). Словарная дефиниция этого термина соответствует закону: «Zločinné spolčení je společenstvím více osob s vnitřní organizační strukturou, s rozdělením funkcí a dělbou činností, které je zaměřeno na soustavné páchání úmyslné t[restní] činnosti» (Hendrych, Právníkový slovník, 2001: 1155).

В чешском уголовном праве есть термин, формальная сторона которого идентична русскому термину *организованная группа* – это термин *organizovaná skupina*, однако при более внимательном рассмотрении и сопоставлении понятий, стоящих за этими терминами, мы выяснили, что чешский термин *organizovaná skupina* соответствует скорее русскому термину *группа лиц по предварительному сговору*, который мы определили выше.

Ср.: *Organizovaná skupina* je sdružení nejméně tří trestně odpovědných osob, v němž je provedena určitá dělba úkolů mezi jednotlivé členy sdružení a jehož činnost se v důsledku toho vyznačuje plánovitostí a koordinovaností, což zvyšuje pravděpodobnost úspěšného provedení tr. činu, a tím i jeho nebezpečnost pro společnost [§ 34 písm. g) TrZ]. **Skupina nemusí mít na rozdíl od zločinného spolčení trvalejší charakter** a tímto způsobem lze spáchat i jen ojedinělý tr[estný] čin. **Nevyžaduje se výslovné přijetí za člena skupiny nebo výslovné přistoupení ke skupině.** Postačí, že se pachatel do skupiny fakticky věnil a aktivně se podílel na její tr. činnosti (R 53/1976 a R 45/1986) (Hendrych, Právní slovník, 2001: 533).

Чешский же термин *srocení* можно противопоставить русскому термину *группа лиц*, которая характеризуется минимальной «прочностью», стабильностью и структурированностью отношений между соучастниками преступления или подготовки к преступлению.

Согласно § 7 и § 41 TrZ ČR *srocení* обозначает объединение минимум трёх человек, направленное на немедленное совершение преступления (§ 7 a § 41 odst. 2 TrZ). Словарная дефиниция это подтверждает: «*Srocení* je formou přípravy tr. činu, spočívající ve shluknutí nejméně tří osob, jež směřuje aktuálně k okamžitému spáchání zvláště závažného tr[estného] činu». (Hendrych, Právní slovník, 2001: 855).

Формальное соответствие терминов *организованная группа* и *organizovaná skupina* может вводить в заблуждение, т.к. понятия, стоящие за ними, не совпадают, они имеют другие соответствия в терминологии соответствующего языка. При этом русский язык выбирает описательные термины-словосочетания, в то время как чешский предпочитает отглагольные термины-универбы.

Отличие состоит также в том, что для квалификации объединения как *группы лиц (srocení)*, *группы лиц по предварительному сговору (organizovaná skupina)* или

организованной группы (zločinné spolčení) русский уголовный кодекс требует наличия как минимум двух лиц-участников, а чешский – трёх. В остальном понятия, отражаемые этими терминами, хотя и «перекрёстно» по отношению к своим внешним, лексическим формам, но совпадают.

Взятка – úplatek

Эта пара терминов представляется нам интересной для рассмотрения, т.к. лексические единицы, служащие терминологическими отражениями – по сути – одного и того же понятия (уголовно наказуемого деяния, заключающегося в даче или получении должностным лицом денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера), отражают, тем не менее, как бы взгляд с двух разных сторон.

Русский термин является производным от глагола *взять*, следовательно можно предположить, что изначально именно получение ценностей должностным лицом в обмен за какую-то услугу оценивалось как преступное. Чешский же закон использует термин – *úplatek* (§331, 332 TrZ), различая преступные деяния как *přijetí úplatku* (§331) и *podplacení* (§332 TrZ). Оба используемых термина (*úplatek, podplacení*) связаны с глаголом *platit*, то есть – можно предположить, что именно дача взятки первично считалась уголовно наказуемой.

Как в русском, так и в чешском уголовном законе наказуемыми являются оба деяния – как дача, так и получение взятки. В текстах закона статьи о получении и даче *взятки (úplatku)* расположены в одном и том же порядке. Следовательно – с формально-юридической точки зрения нельзя говорить о приоритете или о большей степени общественной опасности того или иного деяния в русском и чешском понимании соответственно.

Однако тот факт, что сложившиеся в языке и используемые законом исконные наименования в русском и чешском языках именно таковы и представляют собой одно и то же действие с двух его объективных сторон (ведь невозможно дать взятку без того, чтобы её принял её адресат, равно как и получить взятку без того, чтобы имела место и дача взятки), представляется существенным для исследования отражения национального правосознания в терминологической ономазиологии.

Примечательно, что привлечённые к исследованию русские юридические словари не располагают словарной статьёй для термина *взятка*. Значение этого термина выводится, прежде всего, из текста статьи 290 УК РФ «Получение взятки», где также отсутствует прямая дефиниция, есть лишь описание того, что может считаться взяткой: «Получение должностным лицом <...> лично или через посредника **взятки** в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде оказания ему незаконных услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица...» (УК РФ, ст.290, п.1). В следующей статье (291, «Дача взятки») термин уже не раскрывается таким подробным описанием. Статья посвящена лишь мерам наказания, применяемым в зависимости от дополнительных обстоятельств дачи взятки.

В чешских словарях есть общая словарная статья *úplatkářství*, в тексте которой раскрывается и термин *úplatek*, который понимается как «...*neoprávněná výhoda spočívající v přímém majetkovém obohacení nebo jiném zvýhodnění, které se dostává nebo má dostat uplácené osobě nebo s jejím souhlasem jiné osobě a na kterou není právní nárok*» (Hendrych, Právní slovník, 2001: 970). Эта же словарная статья трактует (полностью в соответствии §160 и §161 TrZ) понятия *přijetí úplatku* и *podplacení*. То есть – согласно словарным дефинициям, основанным на нормативном тексте, - объёмы понятий, стоящих за терминами *взятка* и *úplatek*, а также *přijetí úplatku* и *получение взятки*, *podplacení* и *дача взятки* (соответственно) – совпадают. Однако мы, тем не менее, придерживаемся мнения, что выбор языкового воплощения одного из ключевых понятий уголовного права не может, с одной стороны, исключаться из факторов, мотивирующих и формирующих значение термина, а с другой – из составляющих формирования национального правосознания.

Злоупотребление доверием – *líchva*

Эта пара терминов представляет для нашего исследования особый интерес не столько с точки зрения исследуемых понятий, сколько с точки зрения формы выражения, которую каждый из языков избирает для наименования преступления, заключающегося в нечестном использовании чьего-либо заведомого для преступника неведения или доверия к преступнику с целью получения им материальной выгоды.

В русском языке и в тексте уголовного закона для этого значения фигурирует формальный термин-словосочетание *злоупотребление доверием*, в то время как чешский язык использует не просто термин-универб, но в качестве него – старое общеславянское слово *lichva*. Это слово есть и в русском языке, однако не используется как термин, а в толковых словарях фигурирует с пометой *устар.*, *обл.*, и *редк.*, обозначая при этом «прибыль, проценты с отданного займа капитала»; а также всякую «корыстную чрезмерную прибыль...» (Ушаков Д. Н., <http://ushdict.narod.ru/>, 19.01.2013). Данное слово также сохранилось в разговорном выражении *с лихвой*, которое имеет значение «предостаточно», «с избытком».

Мы также считаем важным отметить, что в тексте русского уголовного закона термин *злоупотребление доверием* встречается всего дважды – в статьях 159 («Мошенничество») и 165 («Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием»), а словарями даётся очень лаконичная дефиниция, которая описывает злоупотребление доверием как один из способов реализации мошенничества, наряду с обманом (что ясно из смысла статьи 159 УК РФ) (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 01.04.2012).

В тексте чешского уголовного закона составу преступления, для наименования которого используется термин *lichva*, этому термину, наоборот, посвящен целый параграф (§253), содержащий и его определение. Специализированные словари также дают этому термину подробную и исчерпывающую дефиницию: «*Lichva* je tr[estný] čin <...>, při němž pachatel buď zneužívá něčí tísně, nezkušenosti nebo rozumové slabosti nebo něčího rozrušení dá sobě nebo jinému poskytnout nebo slíbit plnění, jehož hodnota je k hodnotě vzájemného plnění v hrubém nepochopitelně...» (Hendrych, Právníký slovník, 2001: 309). В этой же словарной статье даётся и указание отличать этот вариант мошенничества от термина *podvod* (в русском уголовном праве ему соответствует термин *обман*), который обозначает намеренное введение в заблуждение.

Таким образом, мы можем говорить о том, что системы и иерархия понятий, связанных с мошенничеством и его видами, в русском и чешском языке являются сходными.

Однако примечательным кажется то, что чешский язык, с одной стороны, избирает для наименования преступления в сфере имущества лексическую единицу исконную, славянскую. Однако при этом как текст закона, так и специализированные словари дают нам подробную и исчерпывающую дефиницию этого понятия, в то время как

текст русского уголовного закона, как и словари, ограничивается лишь общим упоминанием о принадлежности отношении этого понятия к одной из разновидностей мошенничества.

Возможно, чешский законодатель, осознавая архаичность фигурирующего в законе термина, стремится сделать его максимально понятным для читателя и так избежать неверного или слишком широкого понимания. В то время как русский законодатель избирает другую стратегию: выбирает более формальный, «синтетический» термин-словосочетание, который – по сути – в самой своей форме имплицитно содержит дефиницию, аналогичную той, которая эксплицитно выражена в соответствующем параграфе чешского закона.

Государственная измена – *vlastizrada* (*velezrada*)

Следующая пара рассматриваемых терминов различается не только своей формальной структурой (термин-словосочетание в русском языке и сложное слово в чешском).

Чешскому термину *vlastizrada* в русском языке можно найти более точное соответствие – *измена родине* (*vlast* – родина). Однако в русском языке в настоящее время функционирует только термин *государственная измена*, а термин *измена родине* вышел из употребления вместе с УК РСФСР, который действовал до 1997 года. В новом уголовном законе он был заменён более нейтральным термином *государственная измена*, хотя семантика этих выражений отличались незначительно: *измена родине* включала в себя, помимо состава *государственной измены* также «переход на сторону врага», «бегство за границу», «отказ возвратиться из-за границы», а также «заговор с целью захвата власти». В современном УК *государственная измена* подразумевает «шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации» (БЮС, 2005: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 31.3.2012). Таким образом, можно отметить, что вышедший из употребления термин *измена родине* был шире и обозначал более широкий состав преступления. Можно также сказать, что современный термин более

чётко соответствует требованиям, предъявляемым к термину с точки зрения его стилистической нейтральности, чёткой ограниченности значения.

Чешский термин *vlastizrada* в обыденном языке признаётся синонимичным термину *velezrada* (SSJČ, IV: 45, 109), последний при этом представляется нам существенно более эмоционально окрашенным, а также архаичным по форме. Однако в правовой терминологии фигурируют оба термина. Термин *vlastizrada* – в уголовном праве, а термин *velezrada* – в конституционном.

Специализированные юридические словари эти термины различают.

Vlastizrada трактуется как «*tr[estný] čin, kterého se dopustí pachatel, který ve spojení s cizí mocí nebo s cizím činitelem spáchá tr[estný] čin rozvracení republiky, teroru, záškodnictví nebo sabotáže*» (Hendrych, Právníký slovník, 2001: 1028). При этом в той же словарной статье авторы словарей рекомендуют отличать этот термин от термина *velezrada*, состав которой определяется Конституцией ЧР и законом о Конституционном Суде ЧР (Ústava ČR, zák. č. 182/1993 Sb. O Ústavním Soudu). Субъектом последней может быть только президент республики. То есть, в отличие от термина *vlastizrada*, правовое значение термина *velezrada* следующее: «*jednání prezidenta republiky směřující proti svrchovanosti a celistvosti republiky, jakož i proti jejímu demokratickému řádu*» (Hendrych, Právníký slovník, 2001: 1008).

Для сравнения – в российском конституционном праве нет специального термина для деяний президента, служащих основанием для отрешения его от должности. Для этого также используется термин *государственная измена*.

Если вернуться к объёмам сравниваемых понятий *государственная измена* и *vlastizrada*, то нужно сказать, что их определения – как в законах, так и в специализированных словарях – сходны. Составы конкретных преступлений, которые могут быть квалифицированы как государственная измена, в обоих уголовных законах раскрываются в статьях (параграфах), следующих за дефиницией самой *государственной измены (vlastizrady)*.

В УК РФ это: шпионаж (ст.276), разглашение государственной тайны (ст.283) и иное оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности.

В TrZ это: *rozvrácení republiky* (§310), *teroristický útok* (§311), *teror* (§312) и *sabotáž* (§313). Каждый из этих терминов имеет определение в соответствующей статье закона, и, как нам кажется, все эти составы в русском законе выражаются формулировкой «иное оказание помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности».

Налицо более размытая, менее чёткая формулировка состава преступления в российском уголовном законе и более узкое понимание самого понятия государственной измены в чешском уголовном праве.

С другой стороны, само наличие дополнительного термина *velezrada* в конституционном праве, который к тому же в общелитературном языке является синонимом термина *vlastizrada*, для носителя обыденного сознания может представлять затруднения. Кроме того, термин *velezrada*, никак не фигурируя в уголовном праве, в конституционном праве определяется довольно общими формулировками (см. выше) и как раз является примером несоблюдения требований, предъявляемых к термину: корень *vele-*, имеющий часто определенную стилистическую окраску, а также нечёткая дефиниция в законе и словарях в сочетании с серьёзностью преступления и наличием специального субъекта – президента республики - всё это может вести к двояким и расплывчатым представлениям не только о термине *velezrada*, но и о его узуальном синониме *vlastizrada*, который в юридическом смысле синонимом не является.

Примечательно, что описание недавних событий в связи с обвинением в государственной измене второго президента Чешской Республики Вацлава Клауса в официальных русскоязычных СМИ было освящено с использованием не функционирующего уже в уголовном законе термина измена родине (см., напр., РГ: <http://www.rg.ru/2013/03/01/klaus.html>, 22.03.2013), вместо ныне актуального термина *государственная измена*. Чешские СМИ в своём большинстве используют верный термин *velezrada* (см., напр., Lidovky.cz: http://www.lidovky.cz/senatori-posilaji-klause-k-soudu-kvuli-velezrade-f7z/zpravy-domov.aspx?c=A130304_151352_ln_domov_ani, 22.03.2013), и лишь изредка в интернет-ресурсах менее официального уровня встречалось обсуждение правомерности использований терминов *vlastizrada* и *velezrada* (см., напр., Jednej.cz: <http://www.jednej.cz/petition.php?id=160>, 22.03.2013), причём обсуждение сходится на верном употреблении термина *velezrada*, что соответствует субъекту данного преступления – президенту Республики.

3.4 Оценочность и полисемия в юридической терминологии. Их влияние на национальное правопонимание и правосознание

В ходе нашего исследования мы неоднократно упоминали о требованиях, выдвигаемых по отношению к юридическому термину, который призван максимально точно и верно отразить определённое понятие и сделать его значение ясным для субъекта права, то есть «читателя» закона, который будет воспринимать его как источник представлений о всей системе норм и правил, необычайно важных для регулирования его собственного поведения. Основная цель этих требований – добиться минимизирования возможности двоякой или неточной трактовки конкретных юридических понятий, не допустить смешивания этих понятий в сознании индивида со значениями их «омонимов», известных ему по повседневному обиходу, из общелитературного языка.

Чаще всего два из описанных требований, несмотря на то, что оба представляются разумными и призванными служить обеспечению наибольшей степени терминологичности лексических единиц, обозначающих те или иные юридические (в нашем случае – уголовно-правовые) понятия, вступают между собой в противоречие.

Первое из этих требований – это требование «общепризнанности» термина, то есть в качестве термина предпочитается известное и уже имеющееся в языке слово, а не вновь изобретённый законодателем неологизм (см., напр., Хижняк, 1997; Милославская, 2000). Именно его следствием часто является приоритет исконных, незаимствованных слов в юридической терминологии.

Второе – требование однозначности термина, фиксированности его семантики, точности в представлении отражаемого понятия, чёткость семантических границ, а также – связанная с ним стилистическая неэкспрессивность, нулевая эмоциональная окрашенность. Это требование выдвигается как лингвистами (см., напр., Лотко, 2003; Филипец и Чермак 1985; Поштолкова, 1984: 12; 1983: 66; Реформатский, 1961 и др.), так и специалистами в области юридической техники (см., напр., Ушаков, 1991; Законодательная техника, 2000; Законодательный процесс, 2000 и др.).

Ярче всего это противоречие иллюстрируется мнением, что при языковом выражении правовых категорий законодатель должен стремиться к точности, близкой математической формуле, а доступность используемых терминов и выражений при

том должна быть сродни народным пословицам и поговоркам (Ушаков А. А., 1991: <http://www.law.edu.ru/>, 02.04.2012).

Языковые правила, соблюдение которых требуется от законодателя в целях достижения точности, доступности и ясности законов, в различной литературе также часто называются также языковыми принципами или требованиями. Жёсткой и общепризнанной системы правил в юридической науке не существует, равно как и чётких, единых формулировок. Основным требованием является запрет на использование изобразительно-выразительных средств языка в законодательных текстах.

Наш материал наглядно иллюстрирует это противоречие, т.к. в текстах УК РФ, равно как и ТрЗ ČR, широко используются термины, выраженные исконными, архаичными лексическими единицами, которые – как нам кажется – не могут не связываться в сознании читателя закона с общеупотребительными словами общелитературного языка. А следовательно – имеет место риск переноса общелитературного (обычно – более широкого) значения на термин. У субъекта права может сформироваться ложное впечатление о том, что закон (который призван быть одним из самых чётких и ясных в своих формулировках), разрешая использование эмоционально окрашенных, а также многозначных слов, является сам по себе областью, допускающей множество пониманий или трактовок.

Часто лексемы, используемые для обозначения тех или иных понятий в общеупотребительном языке и являющиеся вместе с этими понятиями частью наивного сознания, не совпадают с единицами, употребляющимися в качестве юридических терминов и отражающими юридические понятия, и поэтому ложно ориентируют читателя нормативного акта, предполагающего, что он точно понимает данные юридические термины.

Д. Милославская даже предполагает, что во многих случаях, учитывая различную интерпретацию общеупотребительных слов, имеющих терминологические «омонимы», было бы разумнее использовать вновь созданное слово (вопреки требованию об «общеупотребительности термина»), возможно даже заимствование, чем пользоваться словами общеупотребительного языка, которые могут быть неверно, неточно интерпретированы читателем (Милославская, 2000: 108).

Наш материал позволяет нам говорить о том, что такие примеры есть как в русском, так и в чешском уголовном законе. В русском языке это такие термины, как, например, *вражда, жестокое обращение, ненависть, особо крупный размер, (особая) жестокость, неосторожность, ответственность, злоупотребление доверием* и др.

К сожалению, именно они чаще всего либо не имеют ни нормативной, ни словарной дефиниции, либо имеют только последнюю, отличающуюся в данном случае опасной лаконичностью, граничащей с неполнотой (см., напр., дефиницию термина *злоупотребление доверием*).

Опасность двоякой трактовки чешских терминов чаще всего вызвана использованием законодателем преимущественно исконных, часто и архаичных лексических единиц в качестве терминов: например, *lichva, úmysl, zpronevěra, zločin* и др., о которых говорилось выше. Однако безусловным плюсом – в отличие от русского материала – является практически в 100% случаях наличие нормативной дефиниции (определения в тексте закона), а также – довольно полные и подробные дефиниции в юридических словарях.

Это позволяет читателю закона, носителю «обыденного сознания», равно как и эксперту-правоприменителю, отграничить в своём понимании терминологическое значение конкретной единицы от нетерминологического.

Существуют исследования, которые пишут о целесообразности и оправданности использования экспрессивно-выразительных средств в текстах законов, в частности – в уголовном законодательстве (см., напр., Кострова, 2002: 65; Макшанцева, 2001: 4-6 и др.).

Действительно, формирование юридической терминологии представляет собой сложный исторический процесс, который определяется не только развитием права как отрасли, но и всей системой государственных отношений, особенностями мировоззрения данного общества, историей его взаимодействия с другими этносами и правовыми системами. Характер юридической терминологии имеет, таким образом, ярко выраженные национальные черты, раскрывающие специфику исторического развития данного общества (Макшанцева, 2001: 7).

Таким образом, тесная связь юридической терминологии с общественной жизнью делает невозможным полную «защиту» термина от оценочного компонента.

Мы считаем, что эта точка зрения не противоречит высказанному нами выше мнению о том, что оценочность и связь с полисемичными «омонимами» из общелитературного языка не должны служить помехой для правильного и однозначного понимания закона.

Скорее здесь можно говорить о возможности усиления эмоционального воздействия на читателя, субъекта права с помощью определённых выразительных средств. Однако – с нашей точки зрения – это всегда должно сопровождаться стремлением законодателя определить чёткие семантические границы используемых в качестве терминов лексических единиц.

Точность лучше всего достигается нормативными дефинициями или описательными параграфами в тексте закона, ибо таким образом нейтрализуется риск «нераспознавания» слова как термина, а положительные стороны эмоционального воздействия на читателя сохраняются.

В этом отношении чешский *Trestní Zákoník*, в отличие от русского Уголовного Кодекса, кажется нам более успешным примером реализации описанных выше принципов построения законодательного текста, несмотря на кажущуюся архаичность, «нагруженность» и семантическую неоднозначность терминов, в нём используемых.

Заключение

Право является одной из нормативных систем, принятых в обществе для регуляции поведения и отношений между его членами. Право существует в языке, воплощается через язык и несёт в себе отражение языковой характеристики того общества, в рамках которого формируется.

Юридические тексты являются не только отражением правопонимания и правосознания в обществе, но и инструментом его формирования. Правовая терминология, таким образом, понимается нами как инструмент правовой техники, с помощью которого законодатель обеспечивает правильность и однозначность восприятия правовых норм, закрепляемых в нормативных актах.

Поэтому детальное изучение юридической терминологии (в нашем, частном случае – терминологии уголовного права) в двух родственных языках может помочь сформировать представление о том, как этот инструмент используется законодателями обеих стран, насколько близки / различны терминосистемы уголовного права в русском и чешском языке, совпадают или различаются объёмы понятий, называемые синонимичными терминами в русском и чешском языке, какие (исконные или заимствованные) термины при наличии дуплетных форм каждый из языков предпочитает, а также позволит выявить «слабые места» в употреблении и функционировании терминологии, и выработать рекомендации по совершенствованию юридической техники в каждой из языковых областей законодательного творчества.

Неопределённость природы термина как такового заставила нас обратиться к изучению различного понимания этого понятия лингвистами и юристами. В результате проведенного анализа мы пришли к формированию собственного понимания *юридического термина*, которое, однако, отличается двойственностью своей сущности, связанной, с одной стороны, с тем, что юридическая терминология объединяет в себе терминологию права и терминологию юриспруденции, а с другой – с тем, что требования, выдвигаемые юристами к «идеальному» юридическому термину, на практике не выполняются или не являются полностью выполнимыми. Тем не менее, в работе нам удалось сформулировать рабочее определение юридического термина.

Юридический термин – это единица юридического языка, призванная называть конкретные юридические понятия, отличающаяся точностью значения, четкостью семантических границ, независимостью от контекста в рамках одного терминологического поля, а также функциональной устойчивостью. Требования к отсутствию экспрессивности, эмоциональной оценочности являются желательными, но не могут быть выполнены последовательно у всех терминологических единиц сферы уголовного права. С нашей точки зрения, эмоциональная окрашенность характеризует часто не сами термины, а их общеязыковые омонимы. Однако у «читателей» закона, носителей «обыденного сознания» нередко возникают трудности с отграничением термина от его общеязыкового омонима. И именно это отграничение является, с нашей точки зрения, одной из ключевых задач, как законодателей, так и лексикографов, специализирующихся на создании специальных словарей юридических терминов.

Лексическое значение термина представляется также областью, интересной для изучения, т.к. его структура отличается от структуры лексического значения слова общенародного языка. Многие учёные отмечают в качестве важнейшего конституирующего фактора термина его связь с терминологией, системность отношений с другими терминами. То есть – терминосистема служит для отдельного термина чем-то вроде контекста, на фоне которого раскрывается его значение, это своеобразный «ключ» к его трактовке.

Большинство исследователей согласны во мнении, что рассматривать собственно лингвистические особенности терминологических единиц можно только при анализе их в «естественных условиях», а именно – в той языковой среде, где она применяется по своему прямому назначению, в своей основной функции, то есть в функции наименования и выражения специального понятия, границы которого обозначены дефиницией. Способность термина обозначать понятие является его важнейшей чертой. При этом системные связи между терминами внутри одной терминологической системы отражают аналогичные отношения между отражаемыми ими понятиями одной области знаний. В нашей работе мы, вслед за многими лингвистами и терминоведами, считаем, что сущность лексического значения термина проявляется именно в его связи с понятием, иными словами, лексическое значение термина как раз и представлено понятием, объём которого либо очерчивается в дефиниции термина, либо объясняется в теории той или иной области знаний. Именно поэтому мы считаем важным изучение

сходств / различий в объёмах понятий, отражаемых аналогическими терминами в родственных языках.

В качестве источника выборки терминов для нашего исследования мы избрали Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и *Trestní Zákoník České Republiky* (далее – TrZ ČR). После выборки по описанным во второй главе диссертационного исследования критериям наш материал составил 500 русских терминов и терминологических сочетаний (из которых 150 терминов представляют собой однословные лексемы, а остальные 350 – терминологические словосочетания, состоящие из двух, трех или более слов) и 433 чешских термина и терминологических сочетания (из них 75 единиц – однословные терминологические единицы, а 358 – термины-словосочетания, состоящие из двух, трёх и более лексических единиц).

Если говорить о путях образовании юридической терминологии, то, безусловно, инструменты, которыми пользуется язык для образования новых терминов являются общеязыковыми, то есть – способы образования новых терминологических единиц идентичны способам образования новых слов в языке в принципе. Юридическая терминология, с которой мы имеем дело, рассматривая тексты законов, включает в себя как терминологию права (более «архаичную» в своей основе) так и терминологию правоуправления (более «новую», современную). Терминосистема конкретного правового акта не может рассматриваться отдельно, т.к. на неё неизбежно оказывает влияние изменяющаяся и развивающаяся терминология юридической доктрины, что часто находит отражение и в изменении текстов нормативных актов.

В качестве одного из этапов подробного анализа терминологии, почерпнутой из текстов уголовных законов России и Чехии, мы провели подробный разбор чешской и русской терминологии с точки зрения её состава, структуры терминов и их происхождения. Рабочая гипотеза о сходстве русской и чешской терминосистем по этим параметрам подтвердилась. Однако обнаружились и различия, которые свидетельствуют о различном подходе законодателей к юридической технике и построению текста закона, а также к нормативному акту как инструменту формирования правопонимания и правосознания граждан.

Однословные термины были самыми малочисленными: как на русском, так и на чешском лексическом материале. Однако можно утверждать, что они представляют собой основу уголовно-правовой терминологии, т.к. в сравнении с

терминологическими сочетаниями, состоящими из двух и более слов, однословные термины, встретившиеся нам как в УК РФ, так и в TrZ ČR, обычно обозначают ключевые понятия уголовного права. Обычно это самые архаичные и исконные по происхождению термины, такие, как, например: *клевета, истязание, кража, надзор, преступление, помилование, подстрекатель, самоубийство, судимость; nedbalost, nepřičetnost, pachatel, podvod, účastník, újma, usmrčení* и др.

Распределение чешских и русских однословных терминов по словообразовательным типам и словообразовательным значениям дало нам сходные результаты. Наиболее продуктивным способом терминообразования оказалась деривация, конкретно – суффиксация. Например: *дея-ни(j)-е, изнасилова-ни(j)-е, истяза-ни(j)-е, donuce-n-í, tuče-n-í, nadržová-n-í; вымогатель-ств-о, издеватель-ств-о, мошенниче-ств-о, kuplíř-stv-í, podílňic-tv-í, pytlác-tv-í*, и др.

Многословные термины в обоих языках имели количественное преимущество. Среди русских терминов такие словосочетания составили около 70% всех привлеченных к анализу терминов, на чешском материале – более 80%. Самыми распространёнными являются терминологические сочетания, состоящие из двух слов: *государственная измена, преступное деяние, должностное лицо; trestný čin, úřední osoba, krajní pouze*, и др. Далее количественная представленность убывала с возрастанием количества компонентов (чем больше компонентов входило в состав термина, тем реже такие термины встречались).

Главным отличием было то, что чешский материал, несмотря на то, что был представлен меньшим количеством терминов, отличался большей системностью, что позволило четко и ясно распределить исследуемые примеры по структурным моделям, каждая из которых насчитывала от пяти до двенадцати примеров на выбранном материале, в то время как русский материал представил большее разнообразие моделей и примеров, однако меньше возможностей для их структуризации и классификации. Русский материал также предоставил нам большее количество примеров заимствованных терминов, что позволило сформировать относительно цельную и последовательную классификацию способов адаптации терминов в языке, в то время как чешских заимствованных терминов встретилось немного и выделить типичные способы было довольно трудно.

Подробный структурный анализ терминов и анализ их с точки зрения происхождения был завершён сопоставительным анализом аналогичных русских и чешских уголовно-правовых терминов с точки зрения их семантики. Мы рассматривали пары слов и словосочетаний (русских и чешских терминологических единиц), которые служат названиями ключевых понятий в уголовном праве. Это такие терминологические единицы, как, например: *преступление* – *trestný čin*; *невменяемость* – *nepříčetnost*; *вина (виновность)* – *vina (zavinění)*; *неосторожность* – *nedbalost*; *умысел* – *úmysl*; *(уголовная) ответственность* – *(trestní) odpovědnost*; *группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа* – *společení, sročení, organizovaná skupina*; *взятка* – *úplatek*; *злоупотребление доверием* – *lichva*; *государственная измена* – *vlastizrada*. Целью намеренного ограничения списка анализируемых терминологических русско-чешских пар терминов является стремление сконцентрировать внимание на ключевых понятиях уголовного права и их отражении в языке и терминологии, а также – желание дать как можно более полную характеристику понятиям, отражённым рассматриваемыми терминологическими единицами.

В работе мы также отмечаем важную роль словарной и нормативной дефиниции для правильного функционирования в определённой области знаний и закрепления термина в языке, а также – в формировании национального правопонимания. В задачи нашего исследования не входило изучение природы дефиниции, её типов и правил построения, однако мы не можем не упомянуть о важности определения в фиксации терминологического значения, а значит и в определении границ понятий, стоящих за терминами. На практике оказывается, что далеко не все термины имеют нормативно (в тексте закона) или лексикографически (в специальных словарях) закреплённые дефиниции. Это связано со многими факторами, в том числе и с быстрым развитием данного лексического слоя языка, и с изменениями в законодательстве. Однако тот факт, что часто отсутствие дефиниции является понятным и объяснимым по объективным причинам, не отменяет важности и необходимости разработки таких дефиниций.

В данной работе мы анализировали функционирование терминов, имеющих дефиницию в тексте закона, в специализированном словаре, а также таких терминов, которые не имели формально зафиксированного определения. Представление о понятиях, отражаемых такими (последними) терминами, обычно формируется

комплексом теоретических знаний в данной области и доступно специалистам; носителям «обыденного сознания» остаётся лишь формировать собственное понимание границ данных понятий. Такая ситуация неизбежна на определённой стадии разработки правовой терминологии. Однако она таит в себе опасность «смешения» в сознании граждан лексического значения термина, употребленного в законе, с лексическим значением слова-нетермина, которое является общелитературным омонимом терминологической единицы. Часто общелитературные омонимы характеризуются стилистической маркированностью, нечёткостью значения, оценочностью. Носитель «обыденного сознания», читающий текст закона, не имея возможности чётко отграничить представленное юридическое понятие, часто склонен к переносу имеющихся у него в «арсенале» значений слов общенационального языка на термины, что ведёт не только к искажению понимания текста закона, но и к восприятию нормативного акта как документа, позволяющего определить «вольности» и «неточности».

Термины и терминологические сочетания, не имеющие ни дефиниции в тексте закона, ни словарного определения, которые мы в работе, тем не менее, относим к терминам юридическим и уголовно-правовым, составили особую группу, вызывающую наибольший интерес. Это такие русские термины как, например, *вражда, жестокое обращение (с животными), особо крупный размер, (особая) жестокость*, и др., чешские - *společensky prospěšná činnost, státní příslušník, surový způsob spáchání trestného činu, trestně odpovědná osoba*, и др. Тесная связь юридической терминологии с общественной жизнью объясняет невозможность полной «свободы» юридического термина от оценочного компонента, что подтверждают многие исследователи. Однако мы считаем, что использование таких средств должно быть подконтрольно законодательной воле и сопровождаться соответствующей юридической техникой (приведением дефиниции в тексте закона) с целью чёткого обозначения семантических границ юридического понятия, представленного тем или иным термином.

Разумеется, в рамках данной работы мы не могли осветить весь комплекс юридическо-правовых терминов в русском и чешском языке, однако мы стремились сосредоточить наше внимание на сопоставлении ключевых, с нашей точки зрения, понятий и терминов уголовного права в обоих языках.

Resumé

Tato disertační práce je věnována studiu trestněprávních termínů, excerpovaných z textů ruského a českého trestního zákoníku (Уголовный кодекс Российской Федерации a Trestní zákoník České republiky). Práce se skládá z úvodu, tří samostatných kapitol, závěru, seznamu použité literatury a 4 příloh.

V úvodu je definováno téma práce, poté v něm i odůvodňujeme jeho výběr a aktuálnost v dnešní době. Domníváme se, že podrobná analýza užívání a fungování trestněprávních termínů by mohla přispět ke správnější interpretaci trestních zákonů nejen při uplatnění právních norem, ale i při obecném vnímání a percepci práva nositeli tzv. „naivního vědomí“.

Dále uvádíme cíl práce, kterým je obecné pochopení pojmů „termín“ a „terminologie“, zkoumání rozdílů mezi lingvistickým a právnickým přístupem k těmto pojmům, vypracování kritérií pro hodnocení slova jako „termínu“ a jeho oddělení od slov v běžně užívaném jazyce, dále také postupné zkoumání vybraných ruských a českých trestněprávních termínů a jejich následná srovnávací analýza podle různých kritérií (morfologická struktura, původ, poměr obsažnosti významů těchto termínů).

V úvodu také stanovíme hypotézy. Jednou z nich je například předpoklad, že terminologie příbuzných (slovanských) jazyků má shodné rysy ve struktuře, morfologickém systému, v etymologii termínů. Druhou je naopak to, že bez ohledu na společnou jazykovou historii, a dokonce i na příbuznost právních systémů, na synchronní úrovni lze vidět určité rozdíly v sémantice shodných termínů, a konkrétně – v objemech pojmů, jež tyto termíny odrážejí. Dále v úvodu zmiňujeme také uplatněné metody, praktickou a teoretickou základnu celé disertační práce.

První kapitola je zaměřena na studium pramenů, které se zaměřují na výklad terminologie obecně, a také na konkrétní právní terminologii. Analyzujeme lingvistický a právní přístup k pojmu „termín“, charakterizujeme rysy právního termínu a jeho specifické vlastnosti, které jej odlišují od slov běžně používaného národního jazyka. Setkáváme se se skutečností, že v odborné literatuře existuje mnoho názorů na to, co je to termín a jaké jsou jeho charakteristické vlastnosti. Většina badatelů se ale v klíčových rysech termínu shoduje a chápe termín jako jednoznačné neexpresivní slovo, které má pevné sémantické hranice a

přesnou definici v určitém oboru a je reprezentantem určitého speciálního pojmu v daném oboru. Na základě studia různých zdrojů, věnovaných pojmu „termín“, jako nejdůležitější vidíme tyto vlastnosti: jednoznačnost, přesnost, systémovost.

Při studiu právního přístupu k pojmu „termín“ se setkáváme s názorem, že otázka odlišení termínu od slov běžně používaného jazyka je zvláště složitá právě v právní terminologii, protože běžně užívané lexikum a právní termíny jsou úzce propojeny (většinu právních termínů představují přehodnocená běžná slova a slovní spojení). Snažíme se vytvořit vlastní definici právního termínu, přičemž termínem rozumíme lexikální jednotku, určenou k přesnému pojmenování pojmu z toho či jiného oboru (v našem případě – práva). Důležitou vlastností „ideálního“ termínu (odvozenou od jeho podstaty) je přesnost sémantických hranic. Mnozí odborníci také hovoří o nezávislosti termínu na kontextu, ačkoliv chápání pojmu „kontext“ se v jednotlivých pracích liší. My se přikláníme k názoru A. A. Reformatského a domníváme se, že termín musí být nezávislý na kontextu v rámci jednoho terminologického pole, které se ale stává zároveň klíčem k pochopení zmíněného pojmu „termín“. Při studiu literatury, která se orientuje na právní terminologii, se často setkáváme s názorem, že existují určité „požadavky“, které má právní termín splňovat za účelem správného fungování v textu zákona. V praxi se ale ukazuje, že je velmi obtížné tyto požadavky dodržovat, jelikož se někdy navzájem vylučují, např. požadavek stability a neměnnosti lexikálního významu právního termínu se neshoduje s požadavkem používání termínu v jednom významu jen v rámci jednoho právního textu. Také během vlastní analýzy jsme narazili na skutečnost, že požadavek na to, aby se slovo stalo termínem (termín musí být znám v jazyce), i když se jeví rozumným, často brání jeho identifikaci jako terminologické jednotky čtenářem zákona, nositelem „naivního“ vědomí, protože ty termíny, které tomuto požadavku nejlépe odpovídají, mají vždy homonyma v běžně užívaném jazyce a při absenci normativní definice v textu zákona se těžko identifikují jako termíny.

Druhá kapitola je rozčleněna do čtyř relativně samostatných, ale zároveň i souvisejících částí. V úvodní kapitole 2.1 hovoříme o kriteriích, jež sloužila k selekci termínů z ruského a českého trestního zákoníku. Kromě obecného sémantického vztahu termínů k určitým trestně právním pojmům, jde o tato kritéria: (1) přítomnost definice pojmu přímo v textu zákona; (2) přítomnost definice v jednom z vybraných speciálních slovníků, a přitom s poznámkou, že se pojem vztahuje k oblasti trestního práva.

Prostřednictvím takového rozboru jsme dospěli k určité klasifikaci termínů. Vybrané termíny dělíme do 4 skupin: (1) termíny, které mají normativní definici (přímo v textu zákona); (2)

termíny, jejichž definice není uvedena přímo v textu zákona, ale lze ji formulovat podle smyslu paragrafů zákoníku; (3) termíny, které nemají definici v zákoně, ale mají podrobnou definici v jednom z použitých slovníků; (4) právní termíny, které nemají ani normativní, ani slovníkovou definici. Tato klasifikace byla pak použita jako východisko také ve třetí kapitole, kde hovoříme o sémantice termínů.

Poslední 4. skupina představuje menšinu jak v ruském, tak i v českém materiálu. Na první pohled tyto termíny neodpovídají uvedeným kritériím, a neměly by být proto zařazeny do našeho bádání. My je ale do analýzy zařazujeme, protože se podle našeho názoru vyznačují vysokým stupněm terminologizace, zastupují konkrétní právní pojmy, a můžeme tedy hovořit o tom, že mají terminologický význam, odlišný od lexikálního významu jejich jazykových homonym.

Takové termíny, jako například *особая жестокость, изобличение, вражда, жестокое обращение, вовлечение в преступление, společensky prospěšná činnost, státní příslušník, surový způsob spáchání trestného činu, trestně odpovědná osoba, trestní rozsudek, úmyslné zavinění* aj., nesmějí být vyloučeny z našeho bádání nejen proto, že mají přesný terminologický význam (který je obvykle znám v prostředí právníků), ale také proto, že zastupují velmi důležité trestněprávní pojmy a absence definic u nich může mít negativní vliv na obecné chápání práva občany.

Část 2.2 se zabývá podrobnou analýzou termínů excerpovaných z ruského trestního zákona (Уголовный кодекс Российской Федерации). Celkem z něj bylo vypsáno 500 terminologických jednotek, které jsme analyzovali z hlediska jejich morfológické struktury, počtu slov, způsobu slovo tvorby, způsobu vzniku termínů a jejich původu.

Začínáme zkoumáním jednoslovných ruských termínů z hlediska jejich původu. Většina z nich (přibližně dvě třetiny) se ukázala být původní. To jsou například takové termíny: *взятка, вина, законность, заложник, наемник, неправомерный, неосторожность, побег, побои, погром, подлог, посягательство, преступление, противоправность, уговор, угон, халатность, хищение* aj.

Téměř všechny pojmy, jež tyto termíny pojmenovávají, představují pojmovou základnu práva samotného a slovní zásoba, která tyto pojmy odráží, se zformovala v jazyce velmi dávno – ještě v době, kdy cizojazyčný vliv na právní systém nebyl a nemohl být silný. Domníváme se, že cizojazyčný terminologický vliv nabývá významu s rozvojem právní vědy, a proto pro

dřívější období – období utváření práva co by oblasti lidské činnosti a myšlení – je příznačnější vznik původních termínů prostřednictvím terminologizace slov běžně používaného jazyka.

Co se týká termínů přejatých, velká většina z nich byla přejata z latiny (*аборт, арест, аффект, дезертирство, диверсия, дискриминация, иммунитет, кредит, лицензия, нотариус, плагиат, проституция, референдум, рецидив, санкция, симуляция, терроризм, фальсификация* aj.). Další jazyky poskytly jen málo četné příklady: (řečtina: *амнистия, пиратство, эпидемия* aj.), angličtina (*контрафактный, митинг, хулиганство* aj.), italština (*контрабанда*), němčina (*бандитизм, рынок, штраф* aj.), francouzština (*вандализм, патрулирование, пикетирование, садизм* aj.).

Přibližně 70 % všech vybraných termínů byly termíny víceslovné. Přitom většina z nich představuje slovní spojení ze dvou lexémů. Jsou to takové termíny, jako například: *антиобщественные действия, субъективное вменение, возмещение ущерба, деятельное раскаяние, исправительное учреждение, назначение наказания, незаконная миграция, огнестрельное оружие, ограничение свободы, охраняемые интересы, преднамеренное банкротство, принцип вины, рецидив преступлений, совершение деяния* aj. Terminologická slovní spojení ze tří nebo více slov nebyla tak četná. Co se týká morfologické struktury, ukazuje se, že nejčetnějšími a nejproduktivnějšími v našem materiálu byly dva modely: **substantivum + ajdektivum** (*государственная измена, коммерческий подкуп, физическое принуждение* aj.) nebo **substantivum + substantivum v bezpředložkovém genitivu** (*преступность деяния, рецидив преступлений, срок давности, соучастник преступления* aj.).

Část 2.3 představuje obdobnou analýzu termínů, excerpovaných ale z Trestního zákoníku České republiky. Zde jsme rozebírali 433 excerpovaných termínů podle již uvedených kritérií. Procento původních jednoslovných termínů bylo ještě vyšší než v ruském materiálu (90 %). To jsou takové termíny, jako: *дohled, donucení, krádež, kuplířství, loupež, lichva, obydlí, opilství, podplacení, pomluva, přičetnost, škoda, trest, úmysl, věřitel, vlastizrada, vražda, vydírání, vyzvědačství, zabití, zatčení, znásilnění* aj. Náš materiál poskytl jenom 7 příkladů přejatých trestněprávních termínů (*apartheid, diskriminace, genocidium, prostituce, sabotáž, subsidiarita, teror*). Domníváme se, že je to důsledek nejen skutečnosti, že se právní terminologie utvářela v období, kdy byl cizojazyčný vliv minimální, ale také i toho, že v první třetině 19. století čeští buditelé přispěli k osvobození českého jazyka od cizojazyčného

(německého) vlivu. Za základní zdroj přejímání ale můžeme považovat latinu (*diskriminace, prostitute, subsidiarita, teror*). Termín *genocidium* je odvozen od latinského a řeckého kořene (řec. γένος — rod, plemeno a lat. *caedo* — zabíjím). Dalšími zdroji byly francouzština (*sabotáž*) a nizozemština (*apartheid*).

Víceslovné termíny byly četnější než jednoslovné. Terminologická slovní spojení složená ze dvou slov představují v českém materiálu víc než polovinu všech víceslovných termínů, například: *beztrestnost agenta, brání rukojmí, křivé obvinění, domácí vězení, nutná obrana, ohrožování zdraví, pohlavní zneužití, právní omyl* aj. Nejčetnějšími příklady morfologické struktury se také ukázaly modely: **přídavné jméno + podstatné jméno** a **podstatné jméno + přídavné jméno v bezpředložkovém genitivu**.

V části 2.4 jsme provedli srovnávací analýzu ruské a české trestněprávní terminologie, během níž jsme dospěli k několika výsledkům: (1) v obou jazycích představují jednoslovné termíny menšinu (30 % v ruském a méně než 20 % v českém materiálu); (2) třídění ruských a českých jednoslovných termínů podle slovtvorných modelů poskytuje podobné výsledky: v obou jazycích se toto třídění vyznačuje určitou systematickostí, což odpovídá podstatě právní terminologie jako takové. Shodné slovtvorné modely byly představeny dokonce podobnými slovtvornými afixy, jako například: (a) **-ни(j)-е** // **-ени(j)-е** (*дея-ни(j)-е, изнасилова-ни(j)-е, опьян-ени(j)-е* aj.) vs. **-н-í** // **-т-í** (*допуще-н-í, тиче-н-í, опротени-т-í, плене-н-í, подплаче-н-í* aj.); (b) **-ств-о** (*вымогатель-ств-о, издеватель-ств-о, мошенниче-ств-о, надругатель-ств-о* aj.) vs. **-stv-í** // **-ctv-í** (*kuplíř-stv-í, účasten-stv-í, вызвѣдач-stv-í* aj.); (c) **-ость** (*правомерн-ость, неменяем-ость, неосторожн-ость, ответственн-ость* aj.) vs. **-ost-ø** (*непříčetн-ost-ø, недбал-ost-ø, противправн-ost-ø, законн-ost-ø* aj.); to, že se téměř všechny excerpované termíny podařilo rozdělit do skupin podle uvedených slovtvorných modelů, svědčí o vysoké úrovni systémovosti trestněprávní terminologie v ruštině a češtině; (3) analýza přejatých a původních termínů dává možnost hovořit o tom, že mezi přejatými termíny se vyskytlo nejvíce shod mezi ruštinou a češtinou (*дискриминация - diskriminace, геноцид - genocidium, проституция - prostitute, террор - teror* aj.), zatímco původní termíny byly často odvozeny obdobným způsobem, i když od různých slovtvorných základů (např. *вменяемость - příčetnost, неосторожность - nedbalost, надзор - dohled, жилище - obydlí* aj.).

Výsledky získané analýzou třídění a srovnávání ruských a českých víceslovných termínů podle výše popsaných kritérií jsou také přehledně uvedeny v podobě tabulek v přílohách 1-4 k této disertační práci.

Ve třetí kapitole je proveden srovnávací rozbor vybraných termínů (zastupujících některé klíčové pojmy trestního práva) z hlediska jejich sémantiky.

Na začátku se zmiňujeme o roli definice (slovníkové a normativní) týkající se správného fungování termínu. Vycházíme z klasifikace, kterou jsme používali při excerpci termínů, a pohled na termíny z hlediska přítomnosti / absence normativní nebo slovníkové definice nám dává možnost dospět k závěru, že právě normativní definice se zdá být nejlepším způsobem dosažení maximálního pochopení textu zákona jeho čtenáři (nositeli „naivního vědomí“). Často se setkáváme se skutečností, že termín, zastupující důležitý právní pojem, má homonymum v běžně používaném jazyce, a bez zvláštního poukázání na specifický terminologický význam tohoto termínu ho čtenář nemusí jako termín identifikovat a ve svém vědomí naplňovat jiným (běžně jazykovým) významem.

Dále analyzujeme konkrétní ruské a české termíny a srovnáváme objemy významu pojmů, které dané termíny zastupují. V této části naší práce se záměrně omezujeme jen na deset pojmových párů (*преступление* – *trestný čin / zločin*, *невменяемость* – *nepříčetnost*, *вина / виновность* – *vina / zavinění*, *неосторожность* – *nedbalost*, *умысел* – *úmysl*, (*уголовная ответственность* – (*trestní*) *odpovědnost*, *группа лиц / группа лиц по предварительному сговору / организованная группа* – *spolčení / sročení / organizovaná skupina*, *взятка* – *úplatek*, *злоупотребление доверием* – *lichva*, *государственная измена* – *vlastizrada / velezrada*), protože se nám jeví jako nejdůležitější, a tímto způsobem se snažíme poskytnout co možná nejhlubší analýzu uvedených pojmů a jejich fungování v ruském a českém jazyce.

V této kapitole se zajímáme také o problematiku hodnotících prvků v sémantice trestněprávní terminologie a jejich vliv na pochopení a percepci práva představiteli daného národa. Už jsme zmiňovali, že podle mnoha badatelů je jednou z nejdůležitějších vlastností „ideálního“ termínu absence exprese za účelem minimalizace nepřesného pochopení konkrétních právních pojmů. Existují ale i práce, které hovoří o vhodnosti expresivních prostředků v textech zákonů, konkrétně – v trestněprávních textech (viz např. Кострова 2002: 54, Макшанцева 2001: 4-5 aj.). Utváření trestněprávní terminologie představuje složitý historický proces, který se určuje nejen rozvojem práva samotného, ale i celým systémem státněprávních vztahů, historií daného národa a jeho vztahů s národy jinými, hodnocením toho či jiného způsobu

jednání. Z toho plyne, že charakter právní terminologie má výrazné národní rysy. Proto lze říci, že těsná propojenost právní terminologie a obecného života neumožňuje plnou izolaci termínu od hodnotících prvků v jeho významu. Podle našeho názoru tato skutečnost není v protikladu k základní snaze zabránit nesprávnému pochopení termínů a interferenci terminologického významu a lexikálního významu slova obecně používaného jazyka. Hodnotící a expresivní prvky mohou sloužit k zesílení emocionálního vlivu na čtenáře zákona, ale domníváme se, že jejich používání musí být vždy doprovázeno snahou zákonodárce určit přesné sémantické hranice slov používaných jako termíny. Nejlepším způsobem realizace toho úkolu je používání normativních definic a popisných paragrafů přímo v textu zákona.

V závěru se pokoušíme shrnout výsledky našeho bádání, k nimž se nám podařilo dospět.

Seznam literatury obsahuje 3 části: (1) monografie, odborné články a publikace, (2) slovníky, příručky a encyklopedie, (3) texty zákonů.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Монографии, научные публикации:

1. Ахманов, А. С. Логическое учение Аристотеля. / А. С. Ахманов. – М., 1960
2. Богданов В. В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты. / В. В. Богданов. // Прикладное языкознание. – СПб., 1996.
3. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке: Уч.пос. для филол.ун-тов. 2-е изд., перераб. и доп. / Р. А. Будагов. – М., 1965.
4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. Москва: Логос, 2001. / Н. С. Валгина Web: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>, 26.03.2012.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. / В.В.Виноградов. – М., 1975.
6. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Сборник статей по языковедению / Под ред. М. В. Сергиевского, Д. Н. Ушакова, Р. О. Шор. — М., 1939. — С. 3—54..
7. Вопленко, Н. Н., Давыдова М. Л. Правовые дефиниции в современном российском законодательстве / Н. Н. Вопленко, М. Д. Давыдова. // Вестник нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород. - 2001., № 1.
Web: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_1%283%29/8.pdf, 02.04.2012.
8. Герд, А. С. Ещё раз о значении термина. / А. С. Герд // Лингвистические аспекты терминологии. Воронеж, 1980. С.3-9.
9. Глушко, М. М. и др. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. / М.М.Глушко. – М., 1974.

10. Головин, Б. Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии / Б. Н. Головин // Уч. зап. Горьковского университета. Сер. лингвистическая. Вып. 114., Горький, 1970. С.17-26.
11. Городецкий, Б. Ю., Раскин, В. В., Термины с лингвистической точки зрения // Б. Ю. Городецкий, В. В. Раскин // Место терминологии в системе современных наук: Науч.симпозиум: Тез. докл. и сообщ. М., 1969. С.134-141.
12. Горский, Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). / Д. П. Горский. – М., 1974.
13. Громова, И. А. Юридические термины в когнитивном аспекте (на материале английского языка). Автореферат на соискание ученой степени к.ф.н. / И. А. Громова. – М., 2002.
14. Даниленко, В. П. Как создаются термины? / В. П. Даниленко // Русская речь. 1967. №2.
15. Даниленко, В. П. Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии. / В. П. Даниленко // Терминология и норма. О языке терминологических стандартов, М., 1972. С. 5-32.
16. Даниленко, В. П. О месте научной терминологии в лексической систем языка / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. 1976. №4. С.64-71.
17. Даниленко, В. П. О терминологическом словообразовании / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. 1973. №4. С.68-78.
18. Даниленко, В. П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). / В. П. Даниленко. – М., 1977.
19. Даниленко, В. П., Скворцов, Л. И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии. / В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов. // Вопросы языкознания, 1981. - №1. С.5-35
20. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Р. Ф. Васильев. – М.: Юриспруденция, 2000. С.97-111;

21. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. / Н. Н. Ивакина. – М.: БЕК, 1997.
22. Климовицкий, Я. А., Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники / Я. А. Климовицкий // Современные проблемы терминологии науки и техники. М., 1969. С.32-61.
23. Копецкий, Л. В., Пособие по лексикологии русского языка. / Л. В. Копецкий. – Прага, 1967.
24. Кострова М. Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // М. Б. Кострова. // Журнал российского права. - 2003. - №12. - С. 80-88.
25. Кострова, М. Б. Изобразительно-выразительные средства языка в уголовном законе: о допустимости использования. /М. Б. Кострова // Журнал российского права. -2002.-№8.-С. 63-73.
26. Крысин, А. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. / А. П. Крысин. – М., 2008.
27. Кулебякин, В. С., Климовицкий, Я. А.: Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и Советская терминологическая школа. / В. С. Кулебякин, Я. А. Климовицкий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва: Наука, 1970. С.11-40.
28. Лейчик, В. М. Новое в Советской науке о терминах (обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР) / В. М. Лейчик. // Вопросы языкознания, 1983, №5. С.118-127
29. Лотте, Д. С. Как работать с терминологией: основы и методы / Д. С. Лотте // Под ред. Акад. В. С. Кулебякина. М.: Изд-во «Наука», 1968.
30. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. / Д.С.Лотте. Под ред. Акад. И. И. Артоболевского. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
31. Макшанцева, Е. А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языков). Автореферат на соискание ученой степени к.ф.н.. / Е. А. Мекшанцева. – Саратов, 2001.

32. Маркова, Е. М. Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского). / Е. М. Маркова. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. - № 6 (2). С.404-408.
33. Милославская, Д. И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста / Д. И. Милославская. // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ. – 2000. С.102-105.
34. Моисеев, А. И. О языковой природе термина. / А. И. Моисеев // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва: Наука, 1970. С.127-138.
35. Нечаева, И. В. Актуальные проблемы письменной адаптации иноязычных заимствований. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. / И. В. Нечаева. – Москва, 2008.
36. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. / Ю. В. Откупщиков – Санкт-Петербург: «Авалон», «Азбука-классика», 2005.
37. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Вып.1-5. / Под ред. В.В.Виноградова и Н.Ю.Шведовой. – М., 1964.
38. Пиотровский, Р. Г. К вопросу об изучении термина / Р. Г. Пиотровский // Уч. зап. ЛГУ, Серия филологических наук, 1952, 161.
39. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С.103-125.
40. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология. / А. А. Реформатский. // Вопросы терминологии. – М., 1961. С.51-54.
41. Розенталь, Д. Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М. А. Современный русский язык. / Д. Э. Розенталь [и др.]. М., Наука: 2002 Web: <http://www.classes.ru/grammar/126.Rosental-modern-russian-language/c8-p31.htm>, 26.03.2012.

42. Серебренников, Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка. / Б. А. Серебренников. // Общее языкознание. – М., 1970. С.451-501.
43. Ступин, В. А. Терминологическая структура // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч.II. – М., 1971.
44. Тезисы Пражского лингвистического кружка. // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
45. Толикина, Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. / Е. Н. Толикина. // Лингвистические проблемы технической терминологии. Москва: Наука, 1970.
46. Унбегаун, Б. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения / Б. Унбегаун. // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. – Л., 1971. – с.329-333.
47. Ушаков, А. А. Право, язык, кибернетика. // Правоведение. - №2. – 1991. С.35-41.
48. Харлицкий, С. М. Информационная структура термина (на примере русских терминов рекламы и связей с общественностью). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. / С. М. Харлицкий. – Москва, 2003.
49. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура: Учебное пособие. / А. Д. Хаютин. – Самарканд, 1972.
50. Хижняк, С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.ф.н. / С. П. Хижняк. – Саратов, 1998.
51. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. / С. П. Хижняк – Под ред. академика МАН ВШ Л.И.Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1997.
52. Чиронова, И. И., Сопоставительный анализ юридических терминов в английском и русском языках: возможности и перспективы / И. И. Чиронова // Вопросы филологических наук. – 2007.- №6. С.126-131.

53. Шанский, Н. М. Основы словообразовательного анализа. / Н. М. Шанский – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1953.
54. Шелов, Д. С. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. / Д. С. Шелов. – СПб., 2003Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. 1, Teorie odvozování slov. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1962.
55. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině. 2, Odvozování podstatných jmen. Praha: Academia, 1967.
56. Filipec, J. Čermák, F.: Česká lexikologie. Praha: Academia, 1985.
57. Hausenblas, K.: Ke specifickým rysům odborné terminologie. In: Problémy marxistické jazykovědy. Praha: SPN, 1962, S.248-262.
58. Kořenský, J. Jazyk právní komunikace. In: Fr. Daneš a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha: Academia, 1997. S.84-91.
59. Kořenský, J. Tvorba právních předpisů a komunikativní problémy jejich uplatňování // Slovo a slovesnost. – 1995, č.4. s.267-275.
60. Píša, J.: Základní struktury pojmenování v ruské chemicko-technologické terminologii. Československá rusistika. – 1967, č.3, s. 167-171.
61. Poštolková, B. – Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny, Studie ČSAV, Praha: Academia, 1984.
62. Poštolková, B., Roudný, M., Tejnor, A. O české terminologii. Praha: Academia, 1983.
63. Šín, Z. Tvorba práva a její pravidla. Olomouc: Univerzita Palackého, 2000.
64. Šín, Z. Tvorba práva. Pravidla. Metodika. Technika. 2.vydání. Praha: C.H.Beck, 2003.
65. Sochor, K. Příručka o českém odborném názvosloví. Praha: Nakladatelství ČSAN, 1955.

Словари, справочники, энциклопедии:

1. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. - 2-е изд. – Т.42. – Москва: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1956.
2. Большой толковый словарь современного русского языка в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М., 2000. Web: <http://ushdict.narod.ru/> (19.01.2013)
3. Большой юридический словарь. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — М., 2005. Web: <http://determiner.ru/dictionary/201>, 26.03.2012.
4. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка. / Г.А.Крылов // Электронное издание, 2005г. : <http://www.slovopedia.com/25/192-0.html>, 26.03.2012.
5. Общее языкознание. / Под ред. Б.А.Серебренникова. – М.: «Наука», 1970.
6. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002, т.3 (П-Я). // Электронное издание : <http://slovari.yandex.ru/dict/rges>, 26.03.2012
7. Русская грамматика. Т.1: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М.: «Наука», 1980.
8. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. Т.1, 2. / А.Н.Тихонов – Москва: «Русский язык», 1985.
9. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, Т.4 (Р-У).
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Web: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm>, 26.03.2012.
11. Энциклопедический словарь экономики и права. Web: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/, 26.03.2012
12. Энциклопедия юриста. Web: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_law, 29.03.2012.

13. Grepl, M. a kol.: Příruční mluvnice češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1996
14. Hendrych, D. Právní slovník, Praha: C.H.Beck, 2009.
15. Lotko, E.: Slovník lingvistických termínů pro filology. Olomouc: UP, 2003
16. Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1997
17. Martincová, O. Terminologie. In Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. (eds.). Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002.
18. Právní slovník. I. díl. A-O. / pod ved. Z.Madara. Praha: Panorama, 1988.
19. Právní slovník. II. díl. P-Ž. / pod ved. Z.Madara. Praha: Panorama, 1988.
20. Rejzek, J. Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2005.
21. Slovník spisovného jazyka českého I-IV. Praha: Academia, 1960-1971

Тексты законов, нормативные акты:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 07.08.2011) // «Собрание законодательства РФ». – 1996, 17.06. - №25, ст.2954.
2. Zákon č. 40/2009 Sb., Trestní Zákoník České Republiky, v platném znění: <http://business.center.cz/business/pravo/zakony/trestni-zakonik/>, 04.01.2013

Приложения

Приложение 1.

Примеры заимствованных однословных терминов.		
Языки-источники заимствований.		
Источники заимствования	Уголовный кодекс Российской Федерации	Trestní zákoník České Republiky
латинский язык	<i>аборт, арест, аффект, дезертирство, диверсия, дискриминация, иммунитет, кредит, и др.</i>	<i>diskriminace, prostituce, subsidiarita, teror</i>
греческий язык	<i>амнистия, пиратство, эпидемия и нек. др.</i>	-
греческий + латинский	<i>геноцид, экоцид</i>	<i>genocidium</i>
английский язык	<i>контрафактный, митинг, хулиганство и др.</i>	-
итальянский язык	<i>контрабанда</i>	-
немецкий язык	<i>бандитизм, рынок, штраф и нек.др.</i>	-
французский язык	<i>вандализм, патрулирование, пикетирование, садизм и др.</i>	<i>sabotáž</i>
нидерландский язык	-	<i>apartheid</i>

Приложение 2.

Сопоставление исконных однословных терминов с точки зрения словообразовательных моделей					
Способ словообразования	Словообразовательный аффикс	Словообразовательное значение	Уголовный кодекс Российской Федерации	Trestní zákoník České Republiky	
дери- вация	суффик- сация	-ни(j)-е // - ени(j)-е - рус. -п(i) // -т(i) - чеш.	обобщённое, вещественное или собирательное понятие, являющееся результатом действия, имевшего место в прошлом	<i>дея-ни(j)-е,</i> <i>изнасилова-ни(j)-е,</i> <i>истяза-ни(j)-е,</i> <i>наказа-ни(j)-е,</i> <i>оскорбл-ени(j)-е,</i> <i>опьян-ени(j)-е,</i> <i>показа-ни(j)-е,</i> <i>понужд-ени(j)-е,</i> и др.	<i>spolce-n-í,</i> <i>sroce-n-í,</i> <i>srozumě-n-í,</i> <i>usmrce-n-í,</i> <i>vloupá-n-í,</i> <i>vyhoště-n-í,</i> <i>vyhrožová-n-í,</i> <i>zatče-n-í,</i> <i>zavině-n-í,</i> <i>zběhnu-t-í,</i> <i>znásilně-n-í,</i> <i>zprotive-n-í</i> и нек. др.
		-ость - рус. -ost-ø - чеш.	непроцессуаль-ный признак	<i>ответственн-ость,</i> <i>правомерн-ость,</i> <i>преступн-ость,</i> <i>противоправн-ость,</i> <i>собственн-ость,</i> <i>судим-ость, халатн- ость</i> и др.	<i>nepříčetn-ost-ø,</i> <i>nedbal-ost-ø,</i> <i>protiprávn-ost- ø, příčetn-ost-ø,</i> <i>zákonn-ost-ø</i> и нек. др.
		-ств-о - рус. -stv(i) // -ctv(i) - чеш.	процессуальный признак, "действие по его носителю"	<i>вымогатель-ств-о,</i> <i>издатель-ств-о,</i> <i>мошенниче-ств-о,</i> <i>надругатель-ств-о,</i> <i>предприниматель- ств-о, убий-ств-о,</i> <i>членовредитель-ств- о</i> и др.	<i>kuplíř-stv-í,</i> <i>podílnic-tv-í,</i> <i>pytlác-tv-í,</i> <i>účasten-stv-í,</i> <i>úplatkář-stv-í,</i> <i>výtržnic-tv-í,</i> <i>vyzvědač-stv-í</i> и нек. др.

		-к-а - рус.	опредмеченное действие	<i>взят-к-а, пыт-к-а, поддел-к-а</i> и др.	
		-ník-ø, -tel-ø - чеш.	производитель действия	-	<i>potoc-ník-ø, účast-ník-ø, věři-tel-ø,</i> и нек.др.
	нулевая суффиксация		опредмеченное действие	<i>поджог, подлог, сбор, уговор, угон,</i> и др.	<i>únos, útisk, podvod</i> и т.п
	префиксация	не- - рус.	отсутствие признака или противоположность	<i>не-правомерный, не-совершеннолетний, не-трудоспособный</i> и др.	-
		по- - рус.	повторяемость действия или совершаемость действия несколькими субъектами	<i>по-бег, по-бои</i> и др	-
		со- - рус.	предмет, объединенный совместностью, взаимной связью с другим предметом	<i>со-исполнитель, со-участие</i> и др.	-
		ře- - чеш.			-
	постфиксация			-	-
	Сложение			<i>правомерный, правообладатель, ядохимикаты</i> и нек.др.	<i>spopupachatel, vlastizrada, zločin</i>
	Суффиксально-сложный способ словообразования			<i>правосудие, самоубийство,</i> и др.	-

Приложение 3.

Многословные термины с точки зрения их состава				
Кол-во лексем в составе	Уголовный кодекс Российской Федерации		Trestní zákoník České Republiky	
	2	68% (240ед.)	<i>рецидив преступлений, совершение деяния, тайна усыновления, уголовная ответственность, угроза жизни, фактическое отбывание, эксцесс исполнителя, и др.</i>	50% (188ед.)
3	28% (98 ед.)	<i>постоянно проживающее лицо, пределы необходимой обороны, содействовать совершению преступления, экологически опасные отходы и др.</i>	28% (106ед.)	<i>schvalování trestného činu, škoda velkého rozsahu, těžká újma na zdraví, vydání vojáků nepříteli, započítání vazby a trestu, zvlášť závažný zločin и др.</i>
4	3% (11ед.)	<i>оставление погибающего военного корабля, принудительные меры медицинского характера и др.</i>	14% (50ед.)	<i>šíření nakažlivé lidské nemoci, účast na organizované zločinecké skupině, veřejné spáchání trestného činu и др.</i>

5	<1% (2ed.)	угроза причинением тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.	3% (12ed.)	trestný čin proti bezpečnosti cizího státu, trýznivý způsob spáchání trestného činu, zvlášť zavrženíhodný způsob provedení činu и др.
6 и более	<1% (1ed.)	умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью	2% (8ed.)	zkušební doba podmíněného zastavení trestného stíhání, trestný čin spáchaný ve prospěch organizované zločinecké skupiny, podmíněný odklad výkonu trestu odnětí svobody и др.

Приложение 4.

Многословные термины. Соотношение морфологических моделей.				
Морфологическая модель	Уголовный кодекс Российской Федерации		Trestní zákoník České Republiky	
прил.+сущ.	132	<i>предварительный сговор, рабский труд, служебный подлог, погашенная судимость, умышленное преступление, условное осуждение, экстремистская деятельность, ядовитое вещество и др.</i>	101	<i>svémocné odloučení, trestní sankce, trestní represe, trestný čin, účinná lítost, válečná zrada, výjimečný trest, zmenšená přičetnost, značná škoda и др. +прич.+сущ.: odsuzující rozsudek, polehčující okolnost, přitěžující okolnost, zatýkací rozkaz, zněčišťující látka</i>
сущ.+сущ.	102	<i>преступность деяния, рецидив преступлений, срок давности, соучастник преступления, субъект преступления, форма вины и др.</i>	79	<i>šíření pornografie, únos dítěte, upuštění od potrestání, usmrcení z nedbalosti, věznice s dohledem, výkon trestu, zahlazení odsouzení, zásada přiměřenosti, zproštění obžaloby и др.</i>
глагол.+сущ.	5	<i>отбывать наказание, объявить предупреждение, применять меры, уклоняться от суда, усиливать наказание.</i>	0	-
нар.+прил.	0	-	1	<i>zmenšeně přičetný.</i>

нар.+глагол.	0	-	1	<i>úmyslně usmrtit.</i>
прил.+прил.+сущ.	5	<i>открытое водное пространство, открытое воздушное пространство, поддельные кредитные карты, поддельные расчетные карты, поддельные ценные бумаги.</i>	11	<i>dokonaný trestný čin, nepravdivá lékařská zpráva, nepravdivý zlalecký posudek, organizovaná zločinecká skupina, vojenský trestný čin, úmyslný trestný čin и др.</i>
сущ.+сущ.+сущ.	0	-	21	<i>dobu výkonu trestu, maření průběhu referenda, maření přípravy voleb, omezování svobody vyznání, promlčení výkonu trestu, stanovení výše škody, zánik trestnosti činu, zánik výkonu trestu и др.</i>
прил.+сущ.+сущ.	18	<i>пожизненное лишение свободы, насильственное удержание власти, незаконное лишение свободы, неотбытая часть наказания, обратная сила закона, публичное оправдание терроризма и др.</i>	11	<i>nedovolené přerušování těhotenství, neoprávněná výroba peněz, neoprávněné zaměstnávání cizinců и др.</i>

сущ.+прил.+сущ.	0	-	49	<i>poškození životního prostředí, příprava útočné války, zánik trestní odpovědnosti, ztráta vojenské hodnosti</i> и др.
нар.+прил.+сущ. (нар.+прич.+сущ.)	12	<i>заведомо ложный донос, общественно опасное бездействие, особо крупный размер, особо тяжкие преступления, постоянно проживающее лицо</i> и др.	10	<i>obecně prospěšné práce, zvláště příěžující okolnost, společensky prospěšná činnost, společensky škodlivý případ, těžko napravitelný následek, zvláště závažný zločin</i> и др.
глагол.+сущ.+сущ	3	<i>склонять к совершению преступления, содействовать совершению преступления, уклоняться от исполнения обязанностей</i>	0	-
глагол.+прил.+сущ.	2	<i>нарушать общественный порядок, подлежать уголовной ответственности</i>	0	-

прил.+сущ.+прил.+ сущ.(+сущ.).	4	<i>насильственное изменение конституционного строения, насильственное действие сексуального характера, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.</i>	12	<i>násilné překročení státní hranice, trestný čin ohružující život, trestný čin ohružující zdraví, veřejné spáchání trestného činu, zákonný znak trestného činu и др.</i>
сущ.+сущ.+прил.+ сущ.	0	-	12	<i>maření výkonu úředního rozhodnutí, nápodobení díla vytvarného umění, vyhýbání se výkonu vojenské služby и др.</i>
прил.+сущ.+сущ.+ сущ.	0	-	9	<i>náhradní trest odnětí svobody, nepodmíněný trest odnětí svobody, podmíněné propuštění z výkonu trestu, trestný čin proti bezpečnosti České Republiky и др.</i>
сущ.+прил.+сущ.+ сущ.	0	-	7	<i>hanobení etnické skupiny osob, ohrožování morálního stavu vojáků, spáchání trestného činu násilím, šíření nakaživé nemoci</i>

				<i>zvířat, vydání vojenského materiálu nepříteli.</i>
прил.+сущ.+сущ.+ сущ.+сущ.	<i>0</i>	-	<i>3</i>	<i>mimořádné zvýšení trestu odnětí svobody, mimořádné snížení trestu odnětí svobody, podmíněný odklad výkonu trestu odnětí svobody u ðp.</i>